
Х. М. Бальюзи

Мухаммад и развитие Ислама

Эта книга, несомненно,— руководство для богобоязненных, кто верует в мир незримый, кто совершает предписанную молитву, кто раздаёт милостыню из того, чем наделили Мы его, кто верует в Откровение, ниспосланное тебе, и в то, что было ниспослано до тебя, кто верует в жизнь последующую.

Сӯрат аль-Бақара

Открывающие стихи из
второй сӯры Кур'ана

First published by
George Ronald
46 High Street, Kidlington, Oxford, OX5 2DN

ALL RIGHTS RESERVED

This book is copyright under the Berne Convention. It may not be reproduced in whole or in part, in any form (except for fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review as permitted under the Copyright Act, 1956) without written permission from the publisher.

© H. M. Balyuzi 1976

ISBN 0 85398 060 8

Москва

2006

Содержание

Содержание.....	ii
ПРЕДИСЛОВИЕ	iv
Примечание переводчика об использовании транслитерации в русском тексте	v
Исключения	vi
Некоторые особенности и изменения системы Крачковского	vi
Выдержки из примечания автора о транслитерации в английском тексте	vii
ВВЕДЕНИЕ	ix
часть I Основатель Ислама.....	1
Пролог	2
1 Родина Мухаммада и Его ранние годы.....	3
Родословная Мухаммада и Его родственники	7
2 «Читай, во Имя Господа Твоего»	10
3 Публичное возвешение.....	13
4 Переезд в Эфиопию	15
5 Бойкот хашимитов	17
6 Худшие дни	18
7 Новообращённые в Йасрибе	21
8 Заговор идолопоклонников.....	23
9 Медина — Город Пророка	25
10 Бадр и Ухуд	28
БАДР	32
УХУД.....	37
11 Осада Медины	43
12 Перемирие аль-Худайбийя.....	53
13 Призыв к царям	59
14 Иудеи и христиане Севера	61
15 Мекка и падение ат-Т̄а'ифа.....	66
16 Прощание.....	76
17 Смерть Пророка	79
18 Чему учил Мухаммад	81
Послесловие.....	84
часть II Развитие Ислама.....	87
19 Преемственность.....	88
Праведные халифы	90
Абӯ-Бакр ибн Абӣ-Қуҳафа (632-634 от Р.Х.).....	90

‘Умар ибн аль-Ҳаттāб (634-644 гг. от Р.Х.)	91
Усмāн ибн ‘Аффāн (644-656 гг. от Р.Х.)	93
‘Алй ибн Абй-Тāлиб (656-661 от Р.Х.).....	95

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга писалась более десяти лет, с перерывами. Чтобы завершить её, потребовался почти весь 1974 год. Моими главными источниками служили труды на арабском и персидском, а во вторую очередь — книги, написанные на Западе об Основателе Ислама и дальнейшем развитии Его Веры. Я умышленно избегал обильных ссылок на свои источники, на что было две причины. Во-первых, обычный читатель посчитает их обременительными и тягостными, — как это происходит и со мной, когда я вижу целые мили мелкого шрифта, не содержащего ничего, кроме номеров страниц. Во-вторых, некоторые книги существуют более чем в одном издании, и в ряде случаев принадлежащий мне вариант, которым я и пользовался, является редким или даже недоступным. Например, именно так обстоит дело с имеющимся у меня изданием¹ жизнеописания Пророка от ибн Хишāма (ум. в 833 г. от Р. Х.), — книги, на которую некоторые западные авторы, к несчастью, до сих пор ссылаются как на книгу ибн-Исхāқа (ум. в 768 г. от Р. Х.). Эта самая ранняя биография Пророка не сохранилась, и «Сйрату Расūлаллāх» является её пересказом, сделанным ибн Хишāмом. Опять же, замечательный исторический труд ‘Иззи-д-Дйна ибн аль-Асйра, «аль-Камил фи-т-Тарйх», на который я опирался во многих случаях, существует у меня в виде шеститомника, напечатанного² в Каире. Существует более раннее издание этой книги, в четырнадцати томах, опубликованное в Лейдене и Упсале³.

Я консультировался со всеми книгами, упомянутыми в моей библиографии. Есть и другие работы, как научные, так и иных жанров, из которых я почерпнул важные сведения и благодаря которым углубил своё понимание, но штудирование библиографии может быть столь же утомительным для читателя, как и обилие сносок.

Я особенно благодарен моему двоюродному брату Абул-Касиму Афнану за то, что он на протяжении многих лет снабжал меня самыми разными книгами. Хочу также искренне поблагодарить Шахаба Захраи, который, узнав, что я занимаюсь написанием этой книги, любезно выслал мне следующее недавнее арабское издание: Муртадā аль-‘Аскарй. «‘Абдаллāх бин Сабā Ва Асāйр Ухрā» («‘Абдаллāх бин Сабā и другие мифы»)⁴. Автор приводит веские и почти несомненные доводы в пользу того, что ‘Абдаллāх ибн Сабā — якобы еврей по национальности, прославившийся тем, что провозглашал божественность ‘Алй, двоюродного брата и зятя Пророка, и лишившийся за столь откровенное богохульство жизни, — на самом деле никогда не существовал. Но какой бы мифической ни была фигура ‘Абдаллāха ибн Сабы, факт остаётся фактом: твёрдая вера в божественность ‘Алй, в тех или иных формах, жила многие века.

Я глубоко благодарен моим старым друзьям Абул-Касиму Фаизи и профессору Зайну Н. Зайну, которые прочли рукопись и высказали ряд ценных замечаний⁵. Не менее искренне я хочу поблагодарить Джеффри Наша за оперативную проверку большей части текста в самый последний момент. Однако любые ошибки, которые встретятся в этой книге, — целиком моя вина. Я также благодарен Рустому Сабиту и Денису Масин за помощь в корректорской правке.

Я безмерно обязан Марион Хоффман за приведение этой книги к её нынешней, готовой для публикации форме. И, наконец, довести это дело до конца мне помогли воодушевление со стороны моей жены, её предложения и неиссякаемое терпение.

Лондон
Август 1975 г.

¹ Traubner, London, 1871.

² 1290 г. хиджры (1873—74 от Р. Х.)

³ 1851-76 гг.

⁴ Опубликовано в Бейруте, 1968 г.

⁵ Профессор Зайн любезно выслал мне факсимиле документа, который предположительно представляет собой письмо Пророка правителю Ирана. Этот документ находится в Бейруте, где выставлен на публичное обозрение. Если он окажется подлинным, то это будет находка величайшей важности. Однако не в моей компетенции выражать по этому поводу какие-либо мнения.

Примечание переводчика об использовании транслитерации в русском тексте

Система транслитерации арабского алфавита символами кириллицы, используемая в этой книге, в общем повторяет систему для латиницы, принятую автором. Данная кириллическая система была разработана академиком Крачковским в 1923 г. и с тех пор широко используется в научных кругах. Многие читатели могут возразить, что использование научной системы в книге, которая, по словам самого автора, «не предназначена для учёных», является неоправданным усложнением, и что непривычные диакритические значки в тексте утомляют взгляд. Действительно, споры о том, насколько полезна транслитерация в массовой литературе, активно велись в начале XX века, когда эта система широко внедрялась на Западе, а недавно — и в России, в связи с расширением контактов между разными культурами.

Аргументы в пользу использования этой системы просты и, на взгляд переводчика данной книги, достаточно весомы. Прежде всего, она обеспечивает точность передачи имён собственных и географических названий. В книгах по истории иной культуры этот аспект приобретает, для вдумчивого читателя, едва ли не критическую важность, потому что иначе бывает просто невозможно отличить друг от друга разные исторические персонажи. Например, имя Абū-Бакра, ближайшего сподвижника Пророка, было ‘Атйқ, а одного из мединцев — ‘Атйк. По-арабски человека могут звать Вахйд (это имя означает «Несравненный»), но если написать «вāхид», то это будет означать «единица» (чаще всего подразумевается «единица счёта», «совокупность»; численное значение — 19), и это слово столь же часто используется в литературе (можно встретить фразы наподобие «первый вāхид», «второй вāхид», и т.д.).

Другим аргументом в пользу транслитерации является и то, что она воспитывает в нас уважение к иной культуре. В средствах массовой информации приходится видеть иногда самые странные искажения ключевых для любого мусульманина терминов. Даже написание имени Пророка Ислама до сих пор не устоялось: иногда это «Магомет», иногда «Мухаммед», а иногда, всё-таки, «Мухаммад».

Лингвисты дают следующее определение транслитерации:

В противоположность транскрипции, предназначенной для максимально точной передачи звуков языка, транслитерация, как это показывает сам термин (лат. liter — буква), касается письменной формы языка: текст, написанный на том или ином алфавите, передаётся алфавитом другой какой-либо системы. При этом обычно принимается во внимание только соответствие букв двух алфавитов, а звуки, скрывающиеся за ними, не учитываются... При транслитерации живых языков обычно идут по пути компромисса, так как в какой-то мере необходимо учитывать и звуковой момент, чтобы не чересчур отрывать слово от его живой звучащей формы; иначе говоря, транслитерируется не алфавит, а принятая в данном языке система графики. Так, например, французская фамилия Daudet транслитерируется по-русски Додэ (или Дуде), т.е. учитывается, что ai по-французски обозначает o, а конечное t не произносится. В чистой транслитерации пришлось бы эту фамилию писать Даудэт (или Даудет), что едва ли было бы рационально, так как слишком оторвало бы ее в звуковом отношении от оригинала.

[М. И. Матусевич. Введение в общую фонетику. М., 1941. С. 106].

Того, что сказано выше о системе транслитерации, будет вполне достаточно тем, кому интересна только практическая сторона дела и кто не имеет желания или времени изучать арабский алфавит. Вопрос о точном произношении мы даже не пытаемся здесь рассматривать: в первом приближении достаточно, если каждая буква будет читаться так, как она читалась бы в отсутствие диакритических значков. Нижеследующие разъяснения предназначены для тех, кто захочет углубиться в вопрос.

При переводе данной книги было решено применить «компромиссную» систему, которая слегка отличается от строгой системы Крачковского. Названия букв арабского алфавита даны ус-

ловно, в практической транскрипции. Названия дополнительных букв, присутствующих в персидском языке, даны в кавычках. Для сравнения мы также приводим латинскую систему транслитерации, использованную автором книги.

Согласные

Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница
ء хамза	'	'	ر ра	р	r	ف фа	ф	f
ب ба	б	b	ز за	з	z	ق кьяф	қ	q
پ «па»	п	p	ژ «жа»	ж	<u>zh</u>	ك «каф»	к	k
ت та	т	t	س син	с	s	گ «гаф»	г	g
ث са	с	<u>th</u>	ش шин	ш	<u>sh</u>	ل лам	л	l
ج джим	дж	j	ص сад	с	s	م мим	м	m
چ «чим»	ч	<u>ch</u>	ض дад	д	d	ن нун	н	n
ح ха	х	h	ط та	т	t	ه гха	х	h
خ кха	х	<u>kh</u>	ظ за	з	z	و уау	в	w
د даль	д	d	ع айн	'	'	ى йа	й	y
ذ заль	з	<u>dh</u>	غ гайн	г	<u>gh</u>			

Гласные

Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница	Арабский	Кириллица	Латиница
ا	а	a	آ алиф	ā	á	أ-ؤ	ау	aw
إ	и	i	إى	ī	í	إى	ай	
أ	у	u	أو	ū	ú			

Исключения

В переводе транслитерировались не все слова, изначально транслитерированные в английском оригинале. Среди исключений — такие общепринятые в русском языке понятия, как, например, «шииты» (шй'а) и «сунниты» (суннй), а также названия некоторых городов (например, Мекка и Медина).

Некоторые особенности и изменения системы Крачковского

Сочетание *-ah* на конце слов в латинской системе передаётся как *-a* в кириллической.

Арабский определённый артикль ставится отдельно, то есть всегда либо как «аль-», либо «а» с удвоением (*реплицированием*) начального согласного того слова, к которому он примыкает через

дефис, с делением звуков на «солнечные» и «лунные»: аль-Мутталиб («м» — лунный звук), ‘Абд аш-Шамс («ш» — солнечный звук и ассимилирует согласный артикля).

Явление васлирования/слияния. Если слово, предшествующее артиклю, оканчивается на гласный, то этот гласный замещает собой гласный «а» артикля. При этом используется два дефиса: фй-ль-байан.

Хамза в начале слова не обозначается, она передаётся только в середине и конце слова посредством апострофа в виде верхней запятой: «Баха’». ‘*Айн* же обозначается в любой позиции в виде перевёрнутого апострофа: «‘*Ахд*». Примеры: ‘Абд аль-Мутталиб; Ка‘ба.

После «л» в конце слов (а иногда и в середине) ставится мягкий знак. Дело в том, что в арабском и персидском «л» всегда мягкий, тогда как по правилам русского языка этот звук в таких словах должен читаться как твёрдый. Никакого символа, соответствующего мягкому знаку, в арабском алфавите нет, поэтому его использование не должно привести к недоразумениям.

Двойное «дждж» пишется как «джж».

Владимир Чупин.
Москва, 2006-2008 гг.

Выдержки из примечания автора о транслитерации в английском тексте

Система транслитерации, используемая в этой книге, в целом та же самая, которую предпочитали востоковеды прежнего поколения, включая двух руководителей кафедры арабского языка имени сэра Томаса Адамса в Университете Кембриджа: Эдварда Гренвилля Брауна и Рейнольда Аллейна Николсона...

Я осознаю, что это описание звуков не применимо к турецким словам. Араб или перс говорят «Мухаммад», тогда как турки — «Мехмет». Именно поэтому раньше имя Пророка писалось на английском как «Mahomet»; оно пришло от турков и из турецкого языка. Позже, когда стало ясно, что там на самом стоит буква «d», а не «t», «Mahomet» сменился на написание «Mahomed».

На протяжении всей этой книги я старался давать арабскую версию для арабских имён и слов, и точно так же поступал с персидскими именами и словами. Однако на этом пути встречается немало ловушек. Арабы говорят «Хадиджа» и «Фатима». Персы — «Хадидже» и «Фатиме», причём эти имена прочно прижились в персидском языке. Бывают и обратные случаи. Персидское слово «дастур» имеет несколько значений, однако его современное арабское толкование не соответствует ни одному из них. Сегодня араб говорит «ад-дустуриййа» или «ад-дустурй», чтобы обозначить конституционное правительство, и его произношение не совпадает с персидским звучанием. Персидское слово для прилагательного «конституционный» — «машруте»; слово это арабского происхождения, произносится в арабском как «машрута» и означает «условный». На Индийском субконтиненте «дастур» — имя, которое пёрсы дали своим священнослужителям, и произносится оно несколько иначе.

В арабском нет звука «в» (именно поэтому Виктория стала «Фикторией»), а у персов нет звука «w». Название одной из провинций и города в Трансоксании востоковеды всегда пишут как «Khwárizm», что совершенно необоснованно, если только они не считают это название чисто арабским. Многие персидские слова содержат «в» — это персидская буква «вав» или арабская «уау» — но эта буква никогда не произносится, что имеет место также и в случае Харазма. В последние годы делались тщетные попытки вообще опустить эту беглую согласную на письме. Хйве [Khívih] — современное название Харазма, и не следует писать его как «Khíwah», если только не указывается, что именно так будет произноситься название этого города араб.

В арабском нет буквы, соответствующей «ч». В нём также отсутствуют звуки, передаваемые как «п», «ж» и твёрдая «г». Египтяне сделали мягкий звук «г» (джйм) твёрдым, и говорят «Гамаль», хотя пишется это слово как «Джамаль».

Х̄аразмӣ, или Х̄варизмӣ в написании востоковедов,— имя одного из величайших учёных исламской цивилизации, который определённо не был арабом, но писал на арабском, потому что в то время это был общепринятый язык науки и учёных, как латынь в средневековой Европе и даже во времена Коперника и Ньютона. Х̄аразмшāх — общее название правителей двух династий из Х̄аразма. Вторая из этих династий, в итоге павшая под натиском монголов, правила большим и процветающим царством.

Когда в персидский язык хлынули арабские слова и фразы, безмерно обогатившие его и сделавшие куда более выразительным, персы приняли алфавит арабов, но добавили в него четыре буквы, звучание которых соответствовало «п», «ч», твёрдой «г» и «ж». Им также пришлось принять буквы, в нашей системе транслитерации представленные знаками «с̄», «х̄», «с̄», «д̄», «т̄», «з̄» и «қ̄», однако сегодня они произносятся совсем не так, как в арабском. «С̄» и «с̄» звучат на персидском как простая «с»; «д̄» и «з̄» неотличимы от «з»; «х̄» и «т̄» произносятся как «х» и «т» без точки, «̄» (звук, который невозможно передать никакой буквой) и «қ̄» звучат значительно мягче.

Теперь остаётся только упомянуть досадное упущение со стороны популярных писателей, особенно репортёров и журналистов; а также продемонстрировать, каким безнадёжным был практикуемый востоковедами подход. Со времён турецкого султана ‘Абд аль-Хамйда (а может быть, даже и раньше), который получил уничижительное прозвище «Абдул Проклятый», некоторые писатели стали думать, будто «Абдул» — это собственное имя человека. Ничего подобного. Это означает «Слуга (кого-то)», и является только частью имени. Это не имело бы особого значения, помимо демонстрации невежества автора, если бы это недоразумение не отозвалось более серьёзными последствиями. Представлять, что человеку по имени ‘Абд аль-Қаййум было дано при рождении собственное имя Абдул, а Каййум — его фамилия, в корне неверно; а ссылаться на него как на «господина Каййума» граничит с богохульством, потому что «Каййум» означает «Самосуший», и для верующего мусульманина может подразумевать только Бога.

На протяжении ряда лет востоковеды настаивали, чтобы арабский определённый артикль «аль» воспроизводился как есть, неважно, произносится он или нет. Здесь нужно пояснить, что арабские буквы бывают двух типов: солнечные (аш-шамсӣйя) и лунные (аль-камарӣйя). Когда артикль «аль» ставится перед словом, начинающимся с солнечной буквы, его «л» опускается, реплицируя эту солнечную букву, как в самом слове «аш-шамс» (Солнце). Однако в словах, начинающихся с лунной буквы, дело обстоит иначе. В них «л» определённого артикля «аль» полностью выражается, как в самом слове «аль-камар» (Луна). Зачем, хотелось бы спросить, многие востоковеды настаивают на точном написании «аль» в тех случаях, когда его «л» превращается в нечто совсем другое? Даже столь авторитетный учёный, как ныне покойный профессор Арберри, постоянно писал имя великого персидского поэта-мистика Руми как Джалāl аль-Дйн, хотя оно произносится как Джалāли-д-Дйн, или Джалāl ад-Дйн, или Джалāлу-д-Дйн. Если бы ничего не подозревающий англоговорящий любитель восточной поэзии сказал иранцу, что он знает о великом Джалāl аль-Дйне, иранец, в лучшем случае, посчитал бы этого человека непроходимым невеждой, а в худшем — почувствовал себя оскорблённым и подумал, что с ним пытаются сыграть глупую шутку. К счастью, в последнее время некоторые востоковеды повернули этот процесс вспять и пишут свои определённые артикли более реалистично. Но что делать, если уважаемые справочники упорно стараются ввести своих читателей в заблуждение?

Напоследок хотелось бы подчеркнуть тот факт, что арабские слова, укоренившиеся в персидском языке, не всегда следуют тем грамматическим правилам, которым они подчинялись изначально. То же самое верно и в отношении слов персидского происхождения, нашедших свою нишу в арабском, однако, если грамматика арабского языка столь же сложна, как и у латыни, персидская грамматика столь же проста, как английская.

ВВЕДЕНИЕ

Нет недостатка в книгах на английском языке о Мухаммаде и основанной Им Вере. У нас есть как учёные тома, так и лёгкие повествования. Кроме отдельных знаменитых и ярких исключений, таких, как «Проповедь Ислама» сэра Томаса Арнольда, «Духа Ислама» сийида Амира Али, а из современных — работ профессоров Арберри, Бернарда Льюиса и Монтгомери Уатта, большая их часть содержит те или иные упущения.

Причины этой неполноты работ западных авторов коренятся, вероятно, в фундаментальном непонимании миссии и всех притязаний Пророка. Сколько бы ни восхищались они Его достижениями, характером и даже доктринами, их отношение к Самому Мухаммаду и Его Вере оставалось весьма опасливым, коль скоро они были в глубине души убеждены, что имеют дело с заблудшим самозванцем. Взгляните на подробное и свидетельствующее о широких познаниях введение Джорджа Сейла к его переводу Кур'ана. Нижеследующее замечание знаменитого декана Дарема демонстрирует именно такой подход:

«Не подлежит также сомнению, что Мохаммед, которому, с исторической точки зрения, мы обязаны большинством наших проблем на Ближнем Востоке, вполне мог бы обратиться в Христианство, если бы представители этой веры, с которыми он столкнулся, были хоть отчасти достойны того имени, которое носили. В троицын день мы вполне можем вспомнить о том, что если бы вместо страсти к бесплодным дискуссиям о таинствах своей веры они продемонстрировали яркую страсть к праведности, эта титаническая сила могла бы обратиться на поддержку христианского дела, и Бог магометанского поклонения, вместо Бога Силы, мог бы оказаться Богом Любви, провозглашённым Иисусом Христом.»⁶

Даже в 1971 году другой знаменитый богослов, лорд Сопер, заявил в одной из радиопрограмм, что Ислам, как и коммунизм, представляет из себя «христианскую ересь».

Кроме того, есть и некоторые пользующиеся известностью учёные,— такие, например, как Альфред Гульем, Эмиль Дерменгем, А. С. Триттон,— которые, несмотря на своё искреннее восхищение Мухаммадом и готовность признать, что Пророк Аравии искренне верил в Свою Божественную миссию, не в силах признать Кур'ан «Словом Божиим». Они считают Мухаммада весьма выдающимся человеком, без преувеличения, великим человеком,— но не более того. Они либо имеют собственные религиозные убеждения, которые мешают им признать Мухаммада Посланником Божиим, либо лишены таковых вообще.

В-третьих, у нас было множество популярных писателей, которые рисовали весьма искажённый портрет Мухаммада. Арабский Пророк в их изображении не столько Основатель Теофании, нового Законоцарствия, сколько народный лидер по типу успешного вождя, мужественный, смелый и великодушный,— но, наряду с этим, и полный человеческих слабостей. Некоторые из них черпали свои сведения из трудов примитивно мыслящих восточных мусульманских апологетов, которые повествовали об ангелах, принимавших человеческий облик, чтобы поучаствовать в кровавых битвах, о джиннах, беседовавших с Пророком, и о том, как Мухаммад буквально расколол Луну на две половинки. Во время полёта «Аполлона-15» на Луну некая лондонская организация, называвшая себя «Мусульманским просветительским комитетом», выпустила заявление, в котором утверждалась реальность факта раскалывания Луны и выражалась уверенность в том, что астронавты «Аполлона-15» найдут в «борозде Хэдли» (щели на поверхности Луны) несомненное доказательство совершения этого чуда. Предприимчивый британский журналист одного из национальных ежедневных изданий (считавшегося респектабельной газетой), раздул это невероятное заявление в сенсационную историю, занявшую центральное место под заголовком: «Мохаммед стрелял по Луне». Это было бы смешно, если бы не было столь оскорбительно в отношении одной из основных Религий человечества. Восточные летописцы и теологи, распространившие в про-

⁶ Д-р К. А. Алингтон в «Дэйли Телеграф» и «Морнинг Пост», 11 июня 1938 г.

шлом такие рассказы, в первую очередь, и виноваты в том, что Арабский Пророк был унижен в глазах Запада. Сегодня, к счастью, их сумасбродства преданы забвению.

Следующие два абзаца из работы профессора Монтгомери Уатта ярко демонстрируют позицию западного поклонника Мухаммада и Его Веры:

«Нам следует приписать большую долю истины исламскому взгляду на жизнь, не только из-за его влияния на жизнь мусульман, но и благодаря той пользе, которую мы сами можем извлечь из него. Вместе с тем, мы не можем полностью принять стандартное исламское мнение о том, что Кур'ан содержит только истину и является критерием всякой другой истины; ибо со строго исторической точки зрения мы не вправе заявлять, что Кур'ан превышает обычных канонов исторических фактов. Решение этой проблемы, вероятно, может быть наилучшим образом получено путём достижения некоторой схематичной концепции истины путём её расширения. Следует, впрочем, принять во внимание и другие аспекты, чтобы последовательно сформулировать уже упомянутые; в итоге эта операция более естественно попадает в область богословия, и бессмысленно обсуждать её далее на этих страницах.

Наконец, уместно было бы сделать личное замечание. Критики моих книг о Мухаммаде обвиняют меня в том, что я недостаточно отчётливо выражаю свою точку зрения. Вероятно, они имеют в виду, что я не выражаю такую точку зрения, которая совпала бы с их мнением, или такую, которую они смогли бы легко опровергнуть как ложную. Я, может быть, не был достаточно решительным, но не просто разрешить такой вопрос, когда пишешь для широкого круга читателей, которые весьма по-разному истолкуют ключевые понятия. Если позволите, я изложу свою позицию следующим образом. Я не мусульманин в обычном смысле, хотя надеюсь, что являюсь мусульманином как «человек, предавшийся Богу»; но я верю, что в Кур'ане и других изложениях мусульманского мировоззрения заключены обширные сокровищницы божественных истин, из которых и я, и другие люди Запада могут почерпнуть очень многое.»⁷

Что касается автора данной книги, то он уверен в богоданном характере миссии Мухаммада. Он полагает, что Ислам и его Святая Книга, Кур'ан, выражают Божий замысел в отношении человечества и руководство для него. Он верит, что сила Мухаммада заключалась не в человеческой гениальности, не в совершении сверхъестественных подвигов и не в командовании ангелами на поле боя, но в том основополагающем факте, что Он был Посланником Божиим, орудием Логоса. Он обладал способностью преображать людские жизни, и Он делал это. Он принёс им дар второго рождения. На основе Его Учения и благодаря просвещённости Его последователей возникли цивилизация и культура, которые, будучи монотеистичными, не устраивали гонений на языческое мышление; кроме того, они интегрировали философию и науки Древней Греции, при этом не окружая наследие прошлого аурой сверхъестественности и святости. Более того, эта цивилизация и эта культура были порождены не только арабами и не только мусульманами. В этих великих свершениях принимали полноправное участие люди других вероисповеданий и других наций. Веротерпимость была заложена в Вере мусульман и находила в ней своё практическое выражение. «Воистину, уверовавшим, а также иудеям, христианам и сабеям — всем тем, кто уверовал в Бога и в Судный день, и кто творил добро, уготовано воздаяние от их Господа; им нечего страшиться, и не изведает они горя», — таково недвусмысленное заявление Кур'ана (II, 62). Обратите внимание также на предостережение и обещание, содержащееся в таком стихе: «И не хули тех, что поклоняются иным, помимо Бога, чтобы в злобе и невежестве не стали они хулить Бога; так украсили Мы всякий народ их собственными деяниями, и к Богу они вернуться в конце своего пути, и Он известит их о том, что сотворили они».⁸ (VI, 108).

⁷ Уатт. Что такое Ислам?, стр. 21.

⁸ Перевод арабских и персидских текстов выполнен самим автором, если не указано иначе.— Прим. ред. англ.

На огромной площади, раскинувшейся от сердца Азии и Тихого океана до берегов Атлантики, сила Ислама подняла людей на новый уровень достижений и облагородила их жизни. Только предрассудки могут заслонить от нас эти факты.

Эта книга предназначена не для учёных, и вместе с тем — не для тех, кто мало знает об основных исторических событиях. Учёные могут взять объёмные тома востоковедов и заглянуть в труды великих арабских историков, таких, как ибн Халликāн, ибн Халдūн и ибн аль-Асйр. Удовлетворение запросов тех, кто мало знает историю, сделало бы невозможным изложение в одном томе разумных размеров всего того, что хотел сказать автор.

О жизни Мухаммада невозможно узнать что-то новое. Никакие археологические раскопки ничего не смогут добавить к нашим познаниям. Вряд ли отыщется некая утерянная летопись или забытый документ, способные рассказать о событиях и свершениях истории больше, чем мы уже знаем о них. Всё, что нам осталось — это толковать, и перед вами — ещё одна попытка такого толкования.

часть I

Основатель Ислама

Пролог

Основатель Исла́ма был арабом. Он родился, вырос, получил свыше Свои полномочия, проповедовал, преодолевал трудности, достиг удивительных, почти невероятных побед и умер в Аравии. Аравия же, как тогда, так и сейчас, мало приспособлена для жизни людей. Насколько нам известно, на её просторах до сих пор есть места, где не ступала нога человека. Чтобы составить представление об её огромности и пугающей безлюдности, следует почитать книгу *Arabia Deserta* — классический труд одного из величайших путешественников всех времён и народов, Чарльза Дофти. Огромные запасы нефти в глубинах этой выжженной земли свидетельствуют о том, что когда-то, десятки миллионов лет назад, Аравию покрывала буйная растительность. Однако во дни Основателя Исла́ма,— как и долгое, долгое время перед этим (равно как и сегодня) — Аравия была землёй засушливой и бесплодной, знойной и нещадно палимой солнцем. И тогда, и сейчас дожди выпадают редко. Бывали — и бывают — времена, когда за весь год с неба не падает ни капли. Но бывали — и бывают — периоды, когда небеса разверзаются, и льющиеся с них струи наполняют сухие речные русла, называемые «уади», бурлящими потоками воды. В это время пустыня расцветает; прекрасные цветы, среди которых выделяются красные анемоны, распускаются и покрывают всё живым ковром. Но срок этому великолепию отпущен короткий.

Вода уходит в землю, речные русла высыхают, и пустыня вновь становится безрадостной. Кое-где кочевники копают глубокие колодцы, чтобы добраться до воды, а местами вода выходит на поверхность, чтобы дать жизнь оазису. Эти колодцы и оазисы занимают в истории об аравийском Пророке важное место.

Хотя некоторые кочевники и умудрялись поддерживать своё незавидное существование в некоторых внутренних частях полуострова, осёдлая жизнь была возможна только на его периферии. Ни один город не смог бы вырасти в сердце Аравии. Наиболее развитыми из этих осёдлых регионов были Хйра на севере и Йемен (Йаман) на юге. Они могли по праву называть себя «царствами» и гордиться богатой и древней цивилизацией. Однако влияние Мухаммада не коснулось их вплоть до последних дней Его жизни. Мухаммад на протяжении всей Своей миссии в первую очередь был связан с двумя регионами — Хиджа́зом и, отчасти, Надждом. Эти области были отсталыми и варварскими, никакой культуры или науки в них не было, за исключением традиций и фольклора иудеев, живших в своих собственных поселениях и чуждых Аравии. Не было никакого закона, который можно было бы соблюдать, помимо требований обстоятельств и некоторых племенных обычаев и табу. Более того, даже если бы такой закон и существовал, не было никакого признанного авторитета, который следил бы за его исполнением. Поэтому царствовал обычай кровной мести, каждый клан (часть племени) использовал свою силу для защиты своих членов, и влиятельные люди в каждом из кланов также могли пожелать распространить свою защиту⁹ на того, кого им хотелось взять под своё крыло.

Однако у народов Аравии было одно великое сокровище: их язык, важная ветвь семитского лингвистического древа. Арабский язык был и остаётся предметом удивления. Никто не может объяснить, как эта разнородная группа народов, чьё прошлое похоронено в легендах и мифах, смогла развить столь поэтический, сладкозвучный, в высшей степени выразительный и невероятно послушный язык, обладающий огромным потенциалом. Многое из того, что было написано о ранней истории Аравии и кочевниках более поздних времён, а также их братьях, поселившихся в Мекке (правильная транслитерация — Макка́), Йасрибе и ат-Та́'ифе, имеет чисто гипотетический характер. «До тех пор, пока мы не станем проводить археологические раскопки в Аравии точно так же, как проводим их в Египте, Палестине и Месопотамии,— пишет профессор Бернанд Льюис,— древние века Аравии останутся для нас тайной, и исследователь в этой области должен будет пробираться среди обломков полупостроенных и полуразрушенных гипотез, которые исто-

⁹ «Джива́р» или «джува́р».

рик, обладая столь скудным набором фактов, не может ни полностью завершить, ни до конца опровергнуть».¹⁰

В Южной Аравии была цивилизация — наследие времён античности — и язык с собственной письменностью, близкий к эфиопскому; однако языком, который позже стал властвовать над всем полуостровом, стал более северный арабский. Весьма странно, кстати, что хотя в Йемене и других частях Южной Аравии были найдены надписи, до нас не дошла ни одна книга древней цивилизации этого региона. Принимая во внимание упомянутый характер арабского языка, не приходится удивляться, что поэзия высоко ценилась среди арабов. Эта поэзия, исключительно богатая образами и гиперболами, почти не углублялась в абстрактные понятия. Поскольку Мухаммад объявил Кур'ан — удивительно лаконичный и плавный, неотразимо красноречивый, — Своим величайшим доказательством, Его очернители заявили, что Он поэт, от чего Он немедленно отрёкся: Он за всю Свою жизнь не сочинил ни единой поэтической строчки.

Современниками Мухаммада были знаменитые поэты, и некоторые из них относились к Нему очень враждебно. Они использовали свой, безусловно, недюжинный талант, чтобы писать на Пророка злые сатиры и всячески Его высмеивать. Особенно отличились в этом плане еврейские поэты. Чем больше становился масштаб трудов Пророка, тем более резкими становились выпады злобствующих поэтов. Эта сатира и эти оскорбления оказывали зримое и разрушительное воздействие на общину, возникавшую вокруг Мухаммада, поскольку арабы легко поддавались колдовскому влиянию поэзии. Мухаммад более не мог игнорировать этот вал оскорблений и насмешек, как Он делал это в прошлом, когда эта брань, сколь бы болезненной она ни была, направлялась на Него лично. Он вынужден был осудить насмехающихся поэтов в самых суровых выражениях. Именно по этой причине Ка'б ибн аль-Ашраф, выдающийся еврейский поэт, лишился своей жизни; Ка'б ибн Зухайр, наиболее красноречивый из поэтов своего времени, тоже был бы убит, если бы не поспешил попросить прощения у Пророка.

Поэты с их героическими поэмами и панегириками зачастую также играли не последнюю роль в разжигании постоянно тлеющего пламени междоусобиц и кровной вражды, поднимая одного человека против другого, клан на клан и племя на племя. За исключением четырёх месяцев в году — когда табу запрещали всякие битвы — убийство, разбойничьи налёты и обман, грабёж и бандитизм считались нормой жизни в этом краю, где борьба за существование была тяжела и мучительна. Ислам родился именно в этой неприветливой среде, выжил и стал мировой религией.

1

Родина Мухаммада и Его ранние годы

Рассказы о жизни Мухаммада обычно начинают с описания Аравии, её грозных пустынь, палящего солнца и скудости дождей, её караванных путей и оазисов, кочевников и горожан, поселений евреев и христиан. Сведения о географии полуострова и обстановке, в которой жил Мухаммад, конечно же, очень важны. Однако слишком часто акценты расставляются не там, где надо. Пустыня действительно мощно утверждала своё присутствие; существование на самом деле было нищенским, междоусобицы — постоянными, а обычаи — варварскими. Мухаммад, безусловно, хорошо знал всё это. Несомненно, Он встречался с монотеистами, жившими и на полуострове, и за его пределами, и был знаком с их верованиями. Высказывалось предположение, что сведения, почерпнутые Им из их фольклора, были сильно искажены. Без сомнения, ни иудеи, ни христиане не были едины в своих воззрениях. Несторианское влияние было сильно и в Аравии, и вокруг неё. Эфиопские монофизиты пытались захватить Мекку, родной город Мухаммада. Обе эти христианские секты были объявлены еретическими на Вселенских Соборах (в Эфесе в 431 году; в Халцедоне в 451 году). Однако не топография и климат, не окружающая обстановка или противоречивые религиозные убеждения и практики затронули некие струны в душе Мухаммада и побудили Его действовать. Он был чувствителен и проницателен, искренен и честен. За многие годы до

¹⁰ «Арабы в истории», стр. 22.

того, как Он выступил с Посланием, Его уже звали аль-Амйн — Надёжный. Но обращённый к Нему призыв пришёл от Бога, Он же просто ответил на него.

Мухаммаду приписывают такое изречение: «Я родился в правление справедливого царя»; этим царём был Хосров I (Хусрау Ануширван), сасанидский монарх.¹¹ Также долго преобладало мнение, что Мухаммад родился в «год слона», то есть в 570 или 571. Недавние исследования сдвинули эту дату на два года назад.¹² В «год слона» на Мекку напали эфиопы, которые пришли со слонами и казались непобедимыми. Абраха (или Авраам), эфиопский правитель Йемена, задумал разрушить Мекку и её святилище, где были собраны идола. Короткая сūra (глава) Кур'ана (CV), названная «Сūra слона», рассказывает о том, какая судьба их постигла: «Разве ты не видел, как поступил Господь твой с народом слона? Разве не сделал Он так, что их военная хитрость привела их к ошибке? И послал Он стаями на них птиц, что бросали в них камни из обожжённой глины. И обратил Он их в подобие изжёванной соломы.» Профессор Хитти утверждает, что эфиопы погибли от эпидемии оспы.

Как случилось, что эфиопы стали править Йеменом? Произошло это после попытки еврейского царя Зу-Нуваса¹³ разбить христианскую общину Наджрана. На помощь ей пришли эфиопы, которых Византия поощряла захватить Южную Аравию. Хотя византийцы считали эфиопов-монофизитов еретиками, они были бы рады увидеть их в Йемене. Однако иранцы не могли потерпеть расширения византийского влияния, и ситуация, и без того напряжённая, усугубилась в результате эфиопской тирании. Сайф, сын Зу-Йазана, потомок химйаритских царей, при поддержке персов пошёл на эфиопов войной. Эфиопы были разбиты, и контроль над Йеменом перешёл к Персии. Однако власть последней была недолгой, поскольку Базан, иранский наместник, а также его соотечественники, поселившиеся в Йемене, приняли Ислам незадолго до смерти Пророка.

Эти перевороты в Йемене в течение VI века от Р. Х., свидетельствуя о борьбе за власть между соперничающими вероисповеданиями, также недвусмысленно указывали на глубокую и разрушительную вражду между маздеанской (зороастрийской) империей Сасанидов и христианской Византией. На северных границах Аравии ещё более очевидно проявлялся ирано-римский конфликт, который вынуждал вассальные арабские провинции присоединиться к одному из враждующих лагерей. Гассаниды были христианами и тяготели к Византии. Лахмиды, правившие Хйрой, также были христианами, но заключили союз с Ираном. Гассан был монофизитом, Хйра была несторианской. Царский двор Хйры был известен своим покровительством культуре. Имру' аль-Кайс и Набиге,¹⁴ величайшие из поэтов доисламской Аравии, были северными христианами.

Но в жизни арабов-идолопоклонников центральное место занимала Мекка. Мекка же находилась в руках қурайшитов, большого племени, в котором родился и Мухаммад. Название их происходило от Фихра, прозванного «Қурайш» — отдалённого предка Пророка. Племя постепенно разделилось на большое количество кланов. Кусайй, ещё один предок Мухаммада, более близкий к Нему по времени (жил в середине V века), смог заполучить власть над Меккой, а может быть — и над всем Хиджазом, то есть той областью Западной Аравии, где расположены Мекка и Медина. Держа в руках бразды правления, он принялся перестраивать Мекку и её святилище. Кусайй был способным администратором и дальновидным стратегом. Людям, стекавшимся на поклонение к Ка'бе, нужны была пища и вода; необходимо было выработать систему удовлетворения их нужд. Он придумал её. Город, переставший к тому времени быть просто скопищем убогих хижин, должен был заполучить достойное здание, которое бы служило резиденцией его администрации. Он построил его. К VI веку лик Мекки изменился.

Внуки Кусаййа рассорились между собой. Не в силах договориться о том, кому должна принадлежать власть, они решили её поделить. Сыновья 'Абд ад-Дара, сына Кусаййа, стали попечителями Ка'бы и хранителями городского знамени. 'Абд-Шамс, сын 'Абд-Манфа (ещё одного сына

¹¹ Правил в 531-79 гг.

¹² Впрочем, это мнение не является общепринятым.

¹³ Он был последним из химйаритских царей.

¹⁴ Из Бану-Зубйан.

Кусаййа), стал заниматься распределением доходов и водоснабжением. От него это право перешло к его брату Хāшиму, также человеку выдающемуся и предприимчивому. Эта передача власти, как оказалось впоследствии, глубоко повлияла на путь развития Ислама.

Хāшим был купцом. Он отчётливо понимал, что Мекке для сохранения её ключевого положения необходимо торговать, причём в больших масштабах. Для этого он учредил два ежегодных похода. Один караван, большой и хорошо снаряжённый, отправлялся летом на север, в Сирию. Другой следовал на юг, в Йемен, зимой. Оба были в высшей степени прибыльны. Хāшим также понимал, что торговля не может быть успешной без благорасположения соседей. Он попытался примириться с эфиопами в Йемене, с арабскими провинциями на севере, с византийскими и сāsанидскими чиновниками на периферии полуострова, и заключил с ними соглашения.

Хāшим умер примерно в 510 г от Р. Х., и его место занял его брат Мутталиб. Но Мутталиб правил недолго, и после его смерти ему наследовал сын Хāшима Шайба, более известный как ‘Абд аль-Мутталиб. Шайба был дедом Мухаммада. Под его крышей Мухаммад, осиротев, провёл в детстве несколько лет. К этому времени потомки ‘Абд ад-Дāра стали проявлять нетерпение, и Умаййа, сын ‘Абд-Шамса, не скрывал своего недовольства. Он был предком Умаййадов, которые в следующем веке воцарились в империи Ислама, отняв власть у дома Пророка. В конечном итоге они были свергнуты наследниками Дома Хāшима.

Несмотря на противодействие со стороны своих родственников, ‘Абд аль-Мутталиб оставался фактическим правителем Мекки на протяжении почти шестидесяти лет. Он пользовался поддержкой старейшин и избегал разрушительных раздоров в святом городе. ‘Абд аль-Мутталиб ещё больше прославился после того, как обнаружил источник Замзам — тот самый легендарный родник, что, согласно поверью, пробился у ног младенца Измаила, чтобы спасти его и его мать Агарь от смерти. Много столетий Замзам был скрыт под наносами песка. ‘Абд аль-Мутталиб верно предположил, что источник должен быть поблизости от Ка‘бы. Вода была солоноватой, но стала настоящим подарком для паломников.

Этот великий патриарх имел десять сыновей. Пять из них знамениты: ‘Абдаллāх, самый младший, был отцом Мухаммада; Абū-Талиб унаследовал пост своего отца, и именно в его доме Мухаммад воспитывался до достижения зрелости; Хамза был героически предан делу своего Племянника; ‘Аббās знаменит тем, что умудрялся так долго занимать выжидательную позицию, а его потомки в VIII веке от Р. Х. свергли ненавистных Умаййадов; Абū-Лахаб приобрёл дурную славу за свою непримиримую ненависть к Племяннику, а также за те оскорбления, которые он и его столь же несдержанная на язык жена причинили Мухаммаду. Абū-Лахаб — единственный родственник Пророка, чьё имя появляется в Кур’āне. Вот как звучит сūra CXI: «Пропадут обе руки Абū-Лахаба, и пропадёт он сам! Не помогло ему его богатство и то, что он приобрёл. Будет он гореть в пылающем огне, и жена его тоже принесёт дрова, и на шею у неё будет верёвка из пальмовых волокон.»

В то время, когда родился Мухаммад, Мекка считалась главным городом в Аравии. В ней была достаточно эффективная система управления, город был богат и вёл активную торговлю. Аристократия жила в хороших домах поблизости от Ка‘бы, в квартале, называемом Батхā — это имя иногда применялось и к Мекке в целом. На окраинах города были трущобы, населённые всяким отребьем, а также публичные дома и места развлечений, где кишели паразиты общества, которым такое место паломничества, как Мекка, позволяло развернуться в полную силу.

Климат Мекки нельзя было назвать здоровым. Погода была жаркой, вода — несвежей и дорогой, пейзаж — унылым и бесплодным. Медина, в то время известная как Йасриб, ярко контрастировала с этой картиной. Её воздух был мягче, жители наслаждались изобилием чистой воды, в городе было множество садов с разнообразными фруктовыми деревьями. В ней жили в основном племена Аус и Хазрадж, а поблизости располагались большие и могущественные поселения евреев. Кроме того, она неплохо управлялась.

Поблизости от Мекки находился ат-Та’иф с богатыми садами, обилием воды и фруктов. Этот прекрасный оазис играет важную роль в истории жизни Пророка.

Мекка, Тā'иф, Йасриб, еврейские и христианские поселения, Йемен и северные провинции, однако, не составляли единую нацию. На значительной части полуострова царил жестокое беззаконие. Племена воевали и безжалостно грабили весь год, за исключением четырёх месяцев, которые, согласно обычаю, были свободны от битв. Во время этого перемирия люди отправлялись на паломничество и собирались на большие ярмарки, — такие, как 'Укāз, — чтобы декламировать стихи и слушать, как это делают другие. Поэзия была богатой и красочной, но со скудной тематикой; абстрактные мысли в ней не приветствовались. Будучи очень гостеприимными, люди, вместе с тем, были вероломны. Манеры отличались грубостью, а чистоплотности и гигиене уделялось мало внимания. Обитатели Аравии имели привычку входить в дома друг к другу без позволения и приглашения, даже когда мужчина находился наедине со своей женой. Мухаммад сам страдал от этой неучтивости. Люди карабкались на стены Его дома, врываются внутрь и кричали Ему: «О Мухаммад! Поговори с нами». Позже Пророк посоветовал им не входить в чей-либо дом, не постучав предварительно в дверь. Был и ещё один обычай — заживо хоронить новорождённых девочек, поскольку девочки не очень ценились. Поистине, Мухаммад должен был многому их научить.

Такова была Аравия, когда родился Мухаммад, и таковы были Его предки. Богоявление всегда происходит в самой тёмной и безотрадней земле, среди самого деградировавшего из народов.

Рассказывают, что 'Абдаллāх, отец Мухаммада, был любимым сыном старого патриарха. Говорят также, что он был удивительно красив. Он женился на Āмине, дочери Вахаба из клана Зухра, входившего в племя қурайшитов. Вскоре после свадьбы 'Абдаллāх умер в Йасрибе, куда отправился по торговым делам. Ему было 25 лет. Мухаммад родился в Мекке несколько месяцев спустя. Мы не знаем наверняка, был это год 570 или 571. Называют две возможные даты Его рождения: 20 августа и 29 августа. Сунниты¹⁵ и шииты¹⁶ расходятся по вопросу об этой дате. Согласно лунному календарю, первые празднуют двенадцатый день рабī аль-ауваль, тогда как последние считают праздничным семнадцатый день этого месяца.

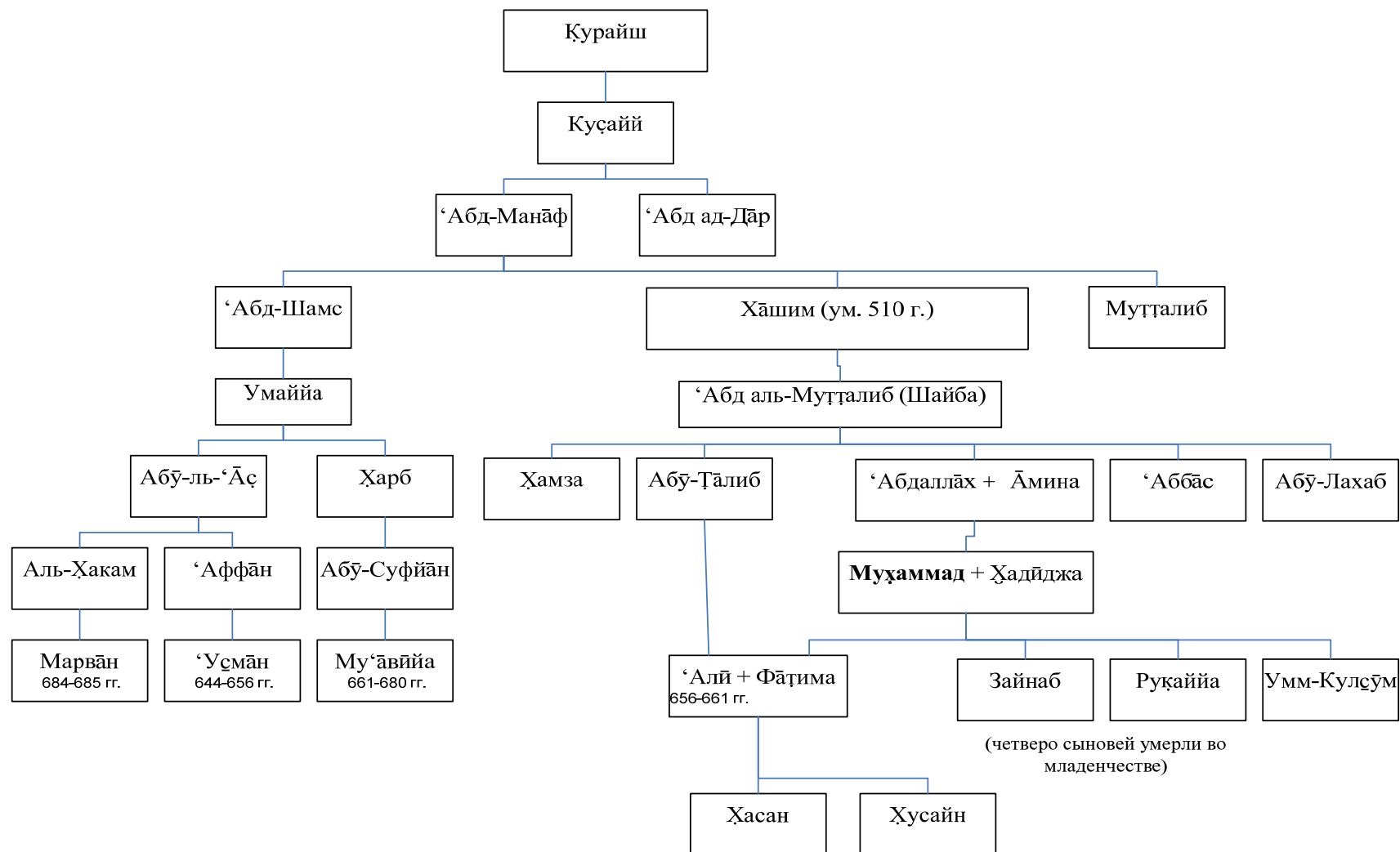
Мухаммад лишился отца, Его мать была небогата, а воздух Мекки мало подходил для младенца. Его дед решил, что ребёнка следует отдать на попечение приёмной матери и увезти из Мекки. В то время женщины из кочевых племён имели обычай приезжать в святой город и предлагать свои услуги в качестве приёмных матерей. Это соглашение было выгодно для них финансово, обеспечивало детям более здоровую обстановку и избавляло богатых родителей от ряда неприятных проблем. Женщину, заботам которой был поручен Мухаммад, звали Хāлйма. Она принадлежала к племени Банū-Асад. Её муж был пастухом, а народ более интересовался поиском пастбищ, чем битвами и трофеями. Они передвигались по пустыне в поисках пищи для своих отар и табунов, и в этом нежном возрасте Мухаммад вёл вместе с ними жизнь кочевника.

Когда Мухаммаду исполнилось шесть лет, Хāлйма отправилась с Ним в Мекку и вернула Его матери. Āмина, имевшая родственников в Йасрибе, страстно хотела показать им своего ребёнка, и они отправились туда с визитом. Таким образом, уже в раннем детстве Мухаммад увидел город, который в будущем защитил Его и поклялся Ему в верности. Их пребывание в Йасрибе было недолгим и через несколько недель они уже вновь отправились в путь через пустыню. Āмина не выдержала тягот дороги и была похоронена в местечке под названием Абвā. Её сын был переправлен в Мекку и передан деду, знаменитому патриарху. Но 'Абд аль-Мутталиб был старым человеком, и через два года он тоже умер. Перед смертью он поручил Мухаммада заботам своего сына Абū-Тāлиба. Мухаммаду тогда едва исполнилось восемь лет.

¹⁵ Странники выборного принципа в вопросе преемников Пророка.

¹⁶ Легитимисты, отстаивающие права Дома Пророка.

Родословная Мухаммада и Его родственники



Первые два халифа, члены племени қурайшитов, не включены в эту схему: Абӯ-Бакр из Банӯ-Тайм (632-634 гг.) и ‘Умар из Банӯ-‘Адй (634-644 гг.) Четыре последующих халифа здесь присутствуют. Приводятся даты их правления от Р. Х.

Абӯ-Талиб унаследовал пост своего отца. Он торговал и водил караваны, но был небогат, а большая семья требовала немалых расходов. У Мухаммада не было собственного наследства, поэтому детство его отнюдь не было отмечено изобилием. Выйдя из детского возраста, Он стал сопровождать своих дядей в их походах: Абӯ-Талиба с его торговыми караванами — в Сирию, а аз-Зубайра — во время его набегов на вражескую территорию.

На северной оконечности Аравии находился город Бусрā, процветающий и важный центр торговли, расположенный на караванном пути, куда купцы из Византии приезжали обменивать свои товары. Там было много христиан, а недалеко от этого места жил христианский монах несторианского вероисповедания по имени Бахйра. Однажды ему случилось повстречать молодого племянника Абӯ-Талиба, и он увидел в Нём Христа. Он посоветовал мекканскому вождю особенно заботиться об этом юноше.

О детстве и юности Мухаммада известно очень мало. Рассказывают массу историй, в которых участвуют сверхъестественные существа — джины, ангелы, небесные воинства, Люцифер и его орды. Одна из этих историй, относящаяся ко времени, когда Мухаммад жил со своей приёмной матерью в пустыне, послужила Пушкину основой для его стихотворения «Пророк». Однажды, играя со своими сверстниками, Мухаммад, согласно этой легенде, был схвачен ангелами, Его грудь была разрезана, и Его человеческое сердце было заменено небесным. Некоторые из этих историй основаны на интерпретации қур'āнических стихов, некоторые имеют символическое значение, а некоторые представляют собой фантазии той далёкой эпохи. Аналоги таких сказок можно, кстати, в изобилии найти и в произведениях Отцов Церкви.

Есть и другие предания и притчи, но уже посвящённые делам этого мира и описывающие манеру Мухаммада держать Себя и Его поведение в молодые годы. В каждой из них ярко проявляется Его честность. Люди доверяли Ему и называли Его аль-Амйн: «Искренний», тот, на кого они могли положиться, — качество, иллюстрируемое следующей историей:

Ка'ба, самый святой храм в Аравии, представляла (и до сих пор представляет) прочное кубическое здание. В угол её вделан в высшей степени почитаемый объект, Хаджар аль-Асвад (аль-Хаджар аль-Асвад — Чёрный Камень). Говорят, что именно этот камень ангел Гавриил принёс Аврааму из рая. В результате разрушительного действия времени и стихий этому кубу требовался капитальный ремонт. Чёрный Камень был вынут, здание было подновлено, затем возник отчаянный спор о том, как вернуть святой камень на место. Каждый притязал на право сделать это. Кого выбрать? Они обратились к Мухаммаду, чтобы Он рассудил их. Тот расстелил на земле Свой плащ и велел им положить на него камень. Затем Он пригласил их всех взяться за плащ, поднять его и отнести камень туда, где ему надлежало быть. Таким образом, они все приняли участие в этом акте и удостоились равной чести. Благодаря Его мудрости грозившая вспыхнуть пренеприятная склока была предотвращена, а уважение, которым Он пользовался среди народа, укрепилось.

Мухаммада кое-где называют погонщиком верблюдов. Смысл такого обозначения не ясен. Если подразумевается, что профессией Мухаммада было ухаживать за верблюдами, то такое представление в корне неверно. Если же имеется в виду, что Он, как и Его дядя, водил торговые караваны, то это будет правильно. С другой стороны, какой араб не ухаживал за верблюдами?

В то время в Мекке жила женщина, дважды овдовевшая и очень богатая, которую звали Хадйжа бинт¹⁷ Хувайлид. Она занималась торговлей и искала человека, которому можно было бы доверить управление своим процветающим бизнесом. Её выбор пал на Мухаммада. Здесь необходимо сделать отступление.

Среди авторов популярной истории и апологетов разных религий стало модно вкладывать в уста исторических персонажей современные выражения, в их головы — современную манеру

¹⁷ «Бинт» означает «дочь (такого-то)».

мысли, и соответствующим образом изображать их поведение,— всё это с целью сделать события давних эпох более лёгкими для понимания. Классическим примером этого можно считать восхитительную и трогательную серию радиопередач Дороти Сэйер о жизни Христа: «Человек, рождённый быть Царём».¹⁸ Такие смелые попытки сделать чуждые современному обществу ситуации более постижимыми вызывают уважение, но этот подход должен иметь определённые рамки. Иначе возникшая картина будет ложной: арабская ярмарка в ‘Укәзе будет выглядеть как современный Эйстеддфод, мекканский базар — как Лиденхолл-стрит, растерянные, гневные и занятые тяжким трудом массы Иудеи двухтысячелетней давности — как футбольные болельщики, спорящие о сравнительных достоинствах своих любимых команд, или демонстранты, потрясённые ужасами применения водородной бомбы. Конечно же, основополагающие человеческие инстинкты и эмоции приводят к одним и тем же моделям поведения. В этом смысле история повторяется. Очевидно также, что человек всегда встаёт перед проблемой выбора. Но мировоззрение человечества в конкретное историческое время,— мировоззрение, составленное из научных знаний, народных традиций, интеллектуального багажа, эзотерических и мистических воззрений или суеверий,— фундаментальным образом влияет на его состояние и реакции на окружающие события. Жестокость никогда не приветствуется — люди всегда её осуждают. Но то, что сейчас считается жестоким, когда-то таким не казалось. Многие ли сейчас на Западе после затмения Солнца на протяжении многих дней и даже недель с ужасом и трепетом рассуждают о попытке дракона проглотить Солнце или Луну и стараются обратить чудовище в бегство, ударяя в медные тазы и кастрюли? Однако именно так вело себя большинство людей на Востоке, когда на эти небесные тела напозла чёрная тень. Конечно, страх перед драконом можно сравнить со страхом перед атомной бомбой. Но в прошлые эпохи люди иначе говорили о своих страхах и иначе реагировали на них.

Сделав это отступление, необходимо сразу же оговориться, что Мухаммада — купца или торгового агента мекканской вдовы, не следует сравнивать с современным коммивояжёром, продающим чай или металл. Методы решения Им Своих проблем — да и сами эти проблемы — наверняка были совершенно иными. Мы должны стараться расширить границы своего воображения, чтобы объять прошлое, а не подгонять прошлое под современные понятия. Наверное, ещё три или четыре десятилетия назад можно было найти на Востоке купцов, которые по своему образу жизни напоминали купцов Аравии VI века. Автор вспоминает времена не столь отдалённые — своё собственное детство, времена, весьма отличающиеся от дней сегодняшних, когда коммерческий агент путешествует на самолётах по всему миру с чемоданчиком образцов и глянцевого литературного. Тогда эти агенты предпринимали длинные морские путешествия, имея в своём багаже несколько сундуков товаров и пухлых, скучных каталогов. Мировоззрение этих продавцов и их клиентов ничем не напоминало современные взгляды. Поэтому когда писатели ведут речь о деловых операциях и банковских соглашениях в Мекке времён Мухаммада, следует тщательно избегать ловушек ограниченности нашего воображения.

Наши познания о тех годах, когда Мухаммад торговал от имени Хадиджи бинт Хувайлид, скудны. Мы знаем, что Хадиджа была много старше Его. Историки утверждают, что между ними была разница в пятнадцать лет. Если это так, то ей было сорок лет, когда она предложила Мухаммаду жениться на ней, поскольку Пророку, как мы знаем, было двадцать пять. Согласно ибн аль-Асйру, у них родилось восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Ни один из сыновей — Қасим, Абдаллах, Тахир и Таййиб — не пережил младенчества. Четверо дочерей — Зайнаб, Руқаййа, Умм-Кулеўм и Фәтима — достигли зрелости и вышли замуж, но все умерли в возрасте моложе тридцати. Лишь Фәтима пережила своего отца, и то только на шесть месяцев. Зайнаб была замужем за Абў-ль-‘Асом, сыном Рабӣ‘ из клана ‘Абд-Шамс. Мать Абў-ль-‘Аса являлась сестрой Хадиджи и была сильно привязана к своему племяннику Мухаммаду. Руқаййа вышла замуж за ‘Уқбу, сына Абў-Лахаба, но его заставили развестись с ней, когда противодействие Пророку стало особенно ожесточённым. Руқаййа впоследствии была выдана за ‘Усмәна,

¹⁸ Другой выдающийся пример — рок-опера «Иисус Христос Суперзвезда» — *Прим. перев.*

сына ‘Аффана из клана Умайя. После её смерти Мухаммад отдал Свою третью дочь, Умм-Кулсум, в жёны ‘Усмāну. Она также умерла бездетной. Четвёртая дочь, Фāтима, стала женой ‘Али, сына Абū-Тāлиба.

Как мы знаем, Мухаммад рос в доме Абū-Тāлиба, Своего дяди. Чтобы облегчить дяде бремя содержания большой семьи, Мухаммад взял ‘Али к Себе. Ещё одним из Его домочадцев был Зайд, сын Хāрисы. Зайд, христианин с севера, был захвачен во время одного из налётов и продан в рабство. Племянник Хадйджки выкупил его и отдал дяде, который, в свою очередь, передал мальчика её мужу. В конечном итоге, отец Зайда выяснил, что его сын находится в Мекке, и приехал, чтобы выкупить его. Мухаммад дал Зайду возможность выбора — отправиться с отцом в Сирию или остаться в Мекке, и Зайд предпочёл последнее. После этого Мухаммад освободил его из рабства и усыновил. ‘Али, хотя и был двоюродным братом Мухаммада, по возрасту также годился Ему в сыновья. Это было счастливое семейство, и Мухаммад, горячо преданный Своей жене и детям, Своему приёмному сыну и двоюродному брату, продолжал купеческую деятельность, спокойно торгуя и заключая сделки. Пока была жива Хадйджа, Мухаммад не брал других жён.

Рассказывают, что однажды, во время путешествия на север, Он укрылся от палящих лучей солнца под деревом. Христианский монах, проходивший мимо, воскликнул, увидев Его, что под этим деревом никогда не сидел никто, кроме Пророка. Христианское монашество, пионером которого был св. Антоний, удалившийся в египетскую пустыню в 285 г., достигло пика своего развития как раз в то время, когда Мухаммад вступил в зрелость.

Предание гласит, что Мухаммад с годами стал более склонен к размышлениям, удаляясь в однообразные холмы вокруг Мекки на всё более и более длинные периоды времени, чтобы предаться там спокойной медитации. Особенно приглянулась Ему одна пещера на горе Хирра’.

2

«Читай, во Имя Господа Твоего»

Традиционно считается, что носителем Откровения, пришедшего к Мухаммаду, был ангел Гавриил. Он держал перед Мухаммадом Скрижаль, чтобы Тот прочитал её. Но Мухаммад был неграмотен и не мог читать. Вновь Ему приказали читать, и вновь Он сослался на Своё невежество. В третий раз ангел велел ему читать, и вновь Мухаммад сказал, что Он не может этого сделать. И тогда слова Откровения достигли Его: «Читай во Имя Господа твоего, Который сотворил; сотворил человека из свернувшейся крови. Читай, твой Господь преблаг; обучающий Пером; наставляющий Человека в том, чего не знает он.»¹⁹ Мухаммад был так переполнен чувствами, что готов был броситься с обрыва. Тогда вновь в безмолвии пустынного холма раздался ясный голос, уведомивший Мухаммада, что Он избран Богом как Его Посланник к человечеству. Бремя откровения было слишком велико, и Мухаммад, уже осознавший Свою ошеломляющую миссию — провозгласить Единство Бога, — добежал до Своего дома, находившегося не далее пяти или шести километров, и попросил Хадйджу, Свою жену, накрыть Его плащом. Мухаммад рассказывал, что, когда Он так лежал, то почувствовал, что Его душа на время покинула тело. С тех пор Он якобы приобрёл привычку искать убежища под Своим плащом при приближении каждого нового откровения.

В Кур’āне есть две сūры, 73 и 74, — аль-Музаммил («Закутавшийся») и аль-Мудассир («Завернувшийся»), — обе мекканского периода, освещающие начало миссии Мухаммада. Богословы много дискутировали о них, некоторые даже предполагали, что самое первое указание на Его пророческую судьбу было дано Мухаммаду в семьдесят четвёртой сūре:²⁰

¹⁹ Сūрат аль-‘Алақ — «Свернувшаяся кровь», ХСVI, 1-5.

²⁰ Согласно Крачковскому, обе сūры, 73 и 74, называются «Завернувшийся»; в переводе Османова — «Закутавшийся» и «Завернувшийся»; в переводе Пороховой — «Завернувшийся» и «Плащом покрытый». — *прим. перев.*

О завернувшийся!
 Встань и увещевай.
 Господа своего возвеличивай.
 Одежды свои очистиь.
 Скверны беги.
 Не давай с тем, чтобы получить более.
 И будь терпелив пред Господом своим.

(стихи 1-7).

Утверждают, что поначалу задачей Мухаммада было «предупреждать» Свой народ. В Кур'ане Он назван *Назиром* («Предупреждающим») и *Баширом* («Благовестником»).

Жена Мухаммада, Хадиджа, первая уверовала в Него. Она ни на мгновение не усомнилась в том, что испытанное её мужем на горе Хирра́ было истинным призывом Божиим. У неё был двоюродный брат Варақа, сын Науфала, христианин (вероятно, несторианец или монофизит); считается, что он перевёл Евангелия на арабский и был сведущ в христианских преданиях. Хадиджа отправилась к нему и рассказала о том, что испытал её муж в пещере над Меккой. Варақа внимательно слушал, а потом радостно воскликнул, что на Мухаммада снизошёл Намӯс²¹ — Дух Божий, представший перед Моисеем на горе Синай. «Несомненно,— сказал он,— Мухаммад есть избранный Богом Посланник».

Все предания соглашаются в том, что после этого наступил долгий перерыв, когда Мухаммада не посещало никакое Откровение. Он был в отчаянии, пока, наконец, не был обнадѣжен, спустя какое-то время, получив напоминание о Божиих благодеяниях в прошлом:

Клянусь утром
 И надвигающейся ночью!
 Не покинул тебя твой Господь и не возненавидел.
 Воистину, жизнь последующая будет для тебя лучше жизни в сѣм мире.
 Вскоре Господь твой наградит тебя тем, что удовольствуется тебе.
 Разве не нашёл Он тебя сиротой — и приютил?
 Разве не нашёл Он тебя заблудшим — и дал тебе наставление?
 Разве не нашёл Он тебя бедным — и обогатил?
 И вот, сироту не притесняй.
 И вот, просящего не отгоняй.
 И о милости твоего Господа возвещай.

(Сӯра ХСIII, «Ад-Духā» — «Утро».)

По поводу длительности этого перерыва существуют разные мнения. Некоторые²² называют срок в три года, а некоторые — десять дней или две недели. Как бы ни обстояло дело, о первых трёх годах пастырства Мухаммада известно сравнительно мало. Всё, что мы знаем наверняка — это что с 610 по 613 год не было никакого публичного провозглашения Его миссии, что Его последователей можно было перечесть по пальцам, а жители Мекки не знали, что Бог избрал одного из них — человека хорошо известного — в качестве Своего Посланника к ним.

Пятьдесят третья сӯра Кур'ана, ан-Наджм — «Звезда», выразительно повествует о том моменте, когда Пророк был извещѣн о Своей миссии и судьбе. Но эта сӯра была явлена, когда мекканцы, узнав о притязаниях Мухаммада, начали высмеивать их:

Клянусь звездой, когда склоняется она к закату!
 Спутник ваш не ошибается и не введѣн в заблуждение.
 И говорит он не по собственной прихоти.

²¹ Это слово греческого происхождения (номос) и означает «закон».

²² Среди них — великий историк Мухаммад ибн Джарйр ат-Табарй (умер в 922 г. от Р. Х.)

Сие — не что иное, как ниспосланное откровение.
 Поведанное ему тем, у кого великая мощь
 и великая сила. Он утвердился
 На высочайшем уровне небосклона.
 Затем приблизился Он [к Мухаммаду] и подошёл к нему,
 На расстояние двух полётов стрелы или ближе.
 А потом явил Он Своему слуге то, что явил.
 Не лжёт его сердце о том, что он видел.
 Неужели поспорите вы с ним о том, что он видел?

(стихи 1-12)

Вторым человеком, уверовавшим в Мухаммада, причём исключительно преданно, был Его двоюродный брат 'Али, сын Абӯ-Талиба, которому было тогда всего девять или десять лет. Он и Зайд ибн Хари́са, следующий из поверивших в Мухаммада, были, как мы уже знаем, Его домочадцами. Безо всякого сомнения, четвёртым мусульманином стал Абӯ-Бакр ибн Абй-Қуҳафа из курайшитского клана Банӯ-Тайм. Он был моложе Мухаммада на два или три года и был человеком состоятельным. Заручиться его поддержкой означало одержать важную победу, потому что его весьма уважали в Мекке; но мы ничего не знаем об обстоятельствах принятия им новой веры. Имя Абӯ-Бахра было 'Атиқ; Мухаммад дал ему имя Своего отца: 'Абдалла́х.

Другим ранним верующим был Халид ибн Са'ид; его отец, один из богатейших людей в Мекке, остался неверующим. Халид, потомок Умаййи, был в то время совсем молодым человеком. Мы уже отмечали, что между соперничающими, но родственными домами Умаййи и Хашима существовали весьма натянутые отношения. Поэтому обращение Халида, за которым вскоре последовало обращение 'Усмана ибн 'Аффана, ещё одного члена Дома Умаййи, было особенно важным. Исла́м победил семейные и клановые междоусобицы. Как уже было упомянуто, Мухаммад отдал двух Своих дочерей (одну после смерти другой) в жёны 'Усмáну, который впоследствии стал третьим преемником Пророка. Один современный учёный выразил удивление по поводу того, что Халид не достиг в последующие годы выдающегося положения. Вероятно, причина этого в тех событиях, что последовали сразу за смертью Пророка, когда Халид, управлявший одним из районов Йемена, поспешил в Медину и немедленно объявил, что по праву преемником Мухаммада является 'Али. Он отказался подчиняться Абӯ-Бақру.

Ещё одним юным членом этой группы из пятидесяти человек, чьи имена остались в истории как имена первых мусульман, был Зубайр ибн аль-'Аувам, двоюродный брат Пророка, чья мать 'Атика была дочерью патриарха 'Абд аль-Мутталиба. Другим был Са'д ибн Абй-Ваққас, в то время семнадцатилетний юноша, которому было суждено усмирить могущество империи Сасанидов. Кто из них признал пророческую миссию Мухаммада именно в первые три года Его пастырства, неизвестно.

Следует иметь в виду, что люди, поклявшиеся в верности Мухаммаду в первые годы Его пастырства, должны были, прежде всего, отказаться от поклонения своим идолам, признать существование единого Бога, властвующего надо всем, и принять Мухаммада как Его Пророка и Посланника. Других обязанностей на них не возлагалось. Но отказ от идолов для мекканца не был простым делом. Жизнь Мекки вращалась вокруг святилища Ка'ба, где размещались идола аль-Лат и аль-'Уззá, Манат, Хубал, Тағут и другие, которым арабы отовсюду приезжали поклониться. Стать мусульманином означало изолировать себя от того общества, которое представляло единственную доступную им среду контактов в родном городе.

Идея монотеизма была не нова. Клань и племена Аравии жили бок о бок с евреями и христианами на протяжении нескольких веков. Варақа, двоюродный брат Хадйдж, был христианином, и он был не одинок в своих склонностях. Рассказывают о человеке по имени Зайд ибн 'Амр, который не мог больше верить в своих идолов. Иудаизм, Христианство и даже Исла́м прошли мимо него, а он так и продолжал горевать о том, что не знает, как поклоняться единому

истинному Богу. Монотеисты или люди с монотеистическими наклонностями были известны как «ханйфы». Считалось, что эти люди следуют религии Авраама, что бы это ни значило.²³ Но никакие ханйфы, проживавшие в Мекке или её окрестностях, не оказывали влияния на образ мыслей жителей этого города. Потряс Мекку до основания не кто иной, как Мухаммад.

3

Публичное возвешение

Большинство ранних мусульман было молодыми людьми, некоторые — очень молодыми, до двадцати лет. За немногими исключениями, все они занимали скромное общественное положение. Их обращение в Ислам не представляло особой угрозы для содружества купцов, вождей кланов и слугителей Ка‘бы, властвовавших в Мекке. Однако это не могло уберечь их, в определённых областях, от положения отщепенцев, а также дурного обращения. Халид ибн Са‘ид, например, навлек на себя такой родительский гнев, что какое-то время вынужден был искать прибежища в доме Самого Пророка. Рабы, ставшие мусульманами, более других подвергались преследованиям и даже пыткам со стороны хозяев. Одним из них был эфиоп по имени Билал ибн Рибāх. Его хозяин, Умайя, сын Халафа из клана Бану-Джумах, каждый день заставлял его лежать под палящими лучами солнца с огромным валуном на груди. Эта пытка не смирила эфиопа. В конечном итоге Абū-Бакр спас Билала от этого кошмара, обменяв на собственного раба и затем немедленно освободив. Позже Билал прославился как первый му‘аззин (муэдзин) в Исламе. Абū-Бакр потратил гигантские суммы, выкупая и освобождая рабов, которые, из-за своей новообретённой Веры, страдали от рук своих хозяев. Точные даты этих событий сейчас нельзя установить. Не исключено, что они относятся уже к тому времени, когда Мухаммад уведомил большинство мекканцев о Своих притязаниях на миссию Посланника единого истинного Бога.

Примерно в четвёртый год Своего пастырства Мухаммад получил откровение о том, что Он должен сообщить о Своей миссии друзьям, знакомым и родне:

Не призывай же с Богом другого бога, чтобы не оказаться тебе среди наказанных.
И увещевай свой клан, свою ближайшую родню.
И склоняй своё крыло пред теми, что следуют за тобой — верующими.
Если же они ослушаются тебя, то скажи: «Я свободен от того, что вы делаете».
И уповай на Всемогущего, Всесострадательного:
Который видит тебя, когда ты встаёшь,
И когда оборачиваешься среди тех, что склоняются и падают ниц, поклоняясь.
Он, воистину, Всеслышащий, Всеведущий.

(Сурат аш-Шу‘арā — «Поэты», XXVI, 213-220.)

Историки расходятся во мнениях, но общепринято, что Мухаммад пригласил потомков Хāшима на пир, чтобы рассказать им, что Бог выбрал Его в качестве Своего Посланника. Вряд ли многие из них (и особенно Его дядя, Абū-Тāлиб) оставались к тому времени в неведении касательно произошедших в Нём изменений. Рассказывают, что однажды Абū-Тāлиб застал Мухаммада в тот момент, когда Он, вместе с ‘Али и Зайдом, исполнял ежедневную молитву. Абū-Тāлиб, изумлённый их жестах и земными поклонами, потребовал объяснения столь странному поведению; так Мухаммад поведал ему о Своей миссии.

На пиршестве, куда ‘Али пригласил своих родственников от имени Пророка, ничего хоть сколько-нибудь значительного не произошло. Абū-Лахаб, дядя Мухаммада, самый богатый сын патриарха ‘Абд аль-Муттāлиба, с едкими остротами отослал гостей прочь прежде, чем

²³ Сам термин «ханйф» также применяется к Исламу и мусульманам.

Мухаммад смог заговорить с ними. Абӯ-Талиб, который уже сказал своему племяннику, что он слишком стар, чтобы менять свои убеждения, был, как обычно, снисходителен и чуток.

Потом было ещё одно собрание Дома Хашима. Один пересказ утверждает, что Пророк созвал всех мекканцев на гору Сафā, и Его родственники тоже пришли. На этом втором собрании — то ли исключительно Банӯ-Хашим, то ли всех мекканцев вообще, — Мухаммад публично провозгласил Свою миссию, призвав их поклоняться единому истинному Богу — Невидимому, Неизмеримому, Всевышнему. Абӯ-Лахаб, согласно именитому историку ат-Табарй, решил выступить апологетом отрицания. Он саркастически пожаловался, что Мухаммад попусту отнял у них время, заманив на встречу, где собирался потчевать их сентиментальными нелепиками. Затем он порекомендовал им идти прочь, заняться своими делами и не слушать Мухаммада, который явно лишился рассудка. Его жена Джамйля, сестра Абӯ-Суфйāна, предводителя Дома Умаййи, вела себя столь же ехидно. Абӯ-Лахаб до гробовой доски оставался непримиримым врагом своего Племянника.

Если до этой публичной декларации Мухаммад и горстка Его последователей могли спокойно совершать свои собственные обряды внутри Ка‘бы, в одном из её укромных уголков, то теперь им становилось всё труднее делать это. Практически каждый день они подвергались открытым нападкам. Другим противником, не менее решительным и едким, чем Абӯ-Лахаб, был Абӯ-Джахль,²⁴ член могущественного қурайшитского клана Банӯ-Махзӯм. С другой стороны, говорят, что аль-Арқам, богатый представитель того же клана, которому не было ещё и двадцати пяти лет, распахнул двери своего большого дома, расположенного недалеко от Ка‘бы, и сделал его местом встреч для Пророка и Его последователей. «Вступление в дом аль-Арқам» стало крупной вехой пастырства Мухаммада. С этого времени — то есть примерно с 614 года — противодействие Пророку усилилось, а число мусульман стало увеличиваться. Два человека, поклявшиеся в верности Мухаммаду в этот период, значительно укрепили всё ещё слабую на тот момент и незащищённую мусульманскую общину. Одним из них был Хамза, дядя Пророка, по роду занятий — охотник; другим — ‘Умар, сын аль-Хаттāба, выдающегося члена қурайшитского клана Банӯ-‘Адй.

Однажды, возвратившись из охотничьей экспедиции, Хамза узнал, что Абӯ-Джахль очень грубо оскорбил Мухаммада. Разгневанный, он бросился к Ка‘бе, где и нашёл Абӯ-Джахля, сидящего вместе со своими друзьями. Хамза накинулся на него и ударил его своим луком. Как посмел Абӯ-Джахль унижать Мухаммада, когда он, Хамза, является последователем веры, которую проповедует его Племянник? Некоторые представители Банӯ-Махзӯм, видевшие это, поднялись, чтобы схватиться с охотником, но Абӯ-Джахль, признав свою чрезмерную жестокость в обращении с Мухаммадом, остановил их, и кровопролития удалось избежать. До того, как случился этот инцидент, Хамза не исповедовал Ислам, но он не стал брать назад свои слова. Есть и другая версия этого неожиданного и решительного принятия им дела своего Племянника, но, что бы там ни произошло, Хамза остался пламенным мусульманином и встретил свою смерть, несколько лет спустя, на поле брани. Стих 122 шестой сўры, аль-Ан‘ām («Скот»), говорит именно о Хамзе и Абӯ-Джахле: «Разве мёртвый, коего Мы оживили и коему Мы дали свет, дабы он шёл среди людей, подобен тому, кто пребывает во мраке, из коего не выйти ему? Так неверующим видится прекрасным то, что делают они.»

Обращение ‘Умара произошло при столь же эффектных обстоятельствах. Он был хорошо известен своим вспыльчивым, несдержанным характером и склонностью к внезапным приступам гнева. Услышав как-то раз, что Мухаммад находится в доме аль-Арқам со Своими последователями, Он пришёл в ярость и решил немедленно отправиться туда, разогнать собрание и убить Мухаммада. По пути он встретил члена своего клана, который, услышав о намерении ‘Умара, возразил, что ему лучше сначала обратить внимание на собственных родственников. К

²⁴ Абу-ль-Хакам ‘Амр ибн Хишām. Абӯ-Джахль означает «отец невежества». Он известен под этим эпитетом из-за своего упрямого противодействия Пророку.

своему ужасу ‘Умар узнал, что его сестра Фāтима и её муж Са‘йд стали последователями Мухаммада. ‘Умар, обнажив меч, сейчас же бросился в дом своей сестры, где в это время Фāтима и Са‘йд принимали гостя, грамотного раба по имени Хаббāб, принёсшего двадцатую сūру Кур’āна, чтобы прочитать её им. ‘Умар услышал голос Хаббāба, и громогласные проклятия, возвестившие его появление, заставили Хаббаба броситься наутёк, поскольку ‘Умар мог запросто зарубить его, как раба. Вне себя от ярости, ‘Умар хотел было ударить своего зятя, но Фāтима заслонила мужа и приняла на себя всю силу удара, сильно рассёкшего ей лицо. Это слегка охладило неистовство ‘Умара, и он, вместо того, чтобы дальше истязать свою сестру и Са‘йда, попросил показать ему, что они читали. Но Фāтима сказала ему, что он идолопоклонник, человек нечистый, и потому недостоин взять в руки святой текст. Достаточно странно, что ‘Умар смиренно пошёл прочь, помылся и возвратился назад. Прочитав открывающие стихи сūры Тā-Хā, он восхитился их совершенством, и его охватили угрызения совести.

Мы послали тебе Кур’āн не затем, чтобы ты печалился.

Но как увещание тому, кто боится Бога; сие — откровение от Того, Кто сотворил землю и возвышенные небеса.

Всемиловитый восседает на престоле Своём.

Ему принадлежит всё сущее на небесах и на земле и всё, что между ними, и всё, что скрывается под прахом.

И если возвысишь ты голос свой,— Он, несомненно, ведаёт всё тайное и всё другое, сокрытое ещё глубже.

Бог — кроме Которого нет другого Бога, и Кому принадлежат наивеликолепнейшие Имена.

(XX, 1-7.)

‘Умар покинул дом своей сестры, чтобы вновь отправиться к Мухаммаду, в дом аль-Арқама. Мусульмане, собравшиеся там, заметили его приближение и были обеспокоены, но Хамза велел им успокоиться, потому что мог справиться с ‘Умаром в одиночку. Сам Мухаммад встретил ‘Умара у двери. «Сколь долго ещё будешь ты преследовать меня?» — спросил Он. И ‘Умар, покаянный и смущённый, ответил: «О Посланник Божий! Я пришёл поклясться тебе в верности.»

4

Переезд в Эфиопию

Примерно в 615 году ряд мусульман — мужчин, женщин и детей — отправился в Эфиопию. Некоторые возвратились через несколько лет, прочие остались в Африке более чем на десятилетие, и по меньшей мере один из них стал там христианином. Таковы факты. Однако западные учёные стали громоздить, в связи с этой миграцией, одну проблему на другую. Почему эти мусульмане покинули Мекку? Почему они решили поехать именно в Эфиопию? Почему некоторые вернулись раньше, а некоторые — много позже? Была ли какая-то опасность раскола в этой относительно небольшой мусульманской общине? Вот некоторые из вопросов, которые они задавали, и, поскольку нет никакой возможности найти содержательные ответы на них в трудах самих мусульман, принялись строить догадки. Впрочем, на эти вопросы можно найти и очень простые ответы.

Противодействие Пророку росло, но увеличивалось также и число мусульман. Даже Сам Мухаммад не был теперь защищён от нападков, ибо Его враги, переставшие к тому времени довольствоваться словесными оскорблениями, стали бить Его, бросать в Него грязью и разбрасывать на Его пути колючки. Его последователи — особенно рабы и молодые члены хорошо известных семей — также страдали от преследований. Что было естественнее, чем отправить некоторых из них прочь из кипящего котла Мекки? Но куда они могли отправиться? В то время они ещё не могли быть уверены, как их примет Йасриб. На северной оконечности полуострова

персы, византийцы и их поданные ожесточённо предавались взаимной резне. Йемен, на юге, был в руках персов. Однако уже на протяжении нескольких лет между Аравией и Эфиопией шла торговля, и было известно, что негус (или, как арабы называли его, наджāшī) — гуманный и благожелательный монарх.

Мусульмане, что отправились в Эфиопию, происходили из многих кланов и разной культурной среды. Там были ‘Усмāн ибн ‘Аффāн и юный Хāлид ибн Са‘йд, оба из клана ‘Абд-Шамс Дома Умаййи; Джа‘фар ибн Аби-Тāлиб, брат ‘Алī, из Дома Хāшима; ‘Усмāн ибн Маз‘ун из клана Банū-Джумах; ‘Амр ибн Сурақа из Банū-‘Адī — клана, к которому принадлежал ‘Умар ибн аль-Хаттāб; Абū-‘Убайда, сын аль-Джаррāха из клана аль-Хāрис; ‘Аййāш ибн Абī-Рабī‘а из могущественного клана Банū-Махзūм. Даже эти немногие имена демонстрируют пёстрый состав переселенцев.

И тем не менее, нигде не найдёте вы свидетельств раскола. Мусульманская община подвергалась нападкам как единое целое, была слишком мала, чтобы раскалываться, а кроме того, была полностью и беззаветно предана Пророку. Если были бы хоть малейшие свидетельства размолвок, разве позволил бы Пророк большой группе мусульман отправиться в отдалённые земли на неопределённый период времени, будучи полностью лишёнными Его руководства? Это очень трудно себе представить.

Мы никогда не узнаем, на чём был основан выбор переселенцев или каково было их точное число. Ибн-Хишām, в своём жизнеописании Пророка («Сīрату Расūлаллāх») приводит 83 имени, но некоторые считают, что их было больше, вплоть до ста девяти. Такая большая группа не могла покинуть Мекку сразу; враги не дали бы им уехать. Поэтому они тихо ускользали из города по несколько человек, оставляя позади таких людей, как Хāмза, Абū-Бакр и ‘Умар, которые не могли уйти в добровольное изгнание. Когда вожди мекканцев узнали об исходе мусульман, они испугались и послали двух своих представителей к негусу с просьбой вернуть эмигрантов назад. Одним из них был ‘Амр ибн аль-‘Ас, которого мы будем часто встречать на страницах этой книги. Другим был или ‘Абдаллāх, сын Абū-Рабī‘а, или ‘Аммāра, сын Валīда.

Именно хитрый ‘Амр выступал выразителем мнения обиженных қурайшитов. ‘Амр, которому суждено было стать завоевателем Египта, всегда умел сладко говорить и был мастером оболъщения — и когда был язычником, и когда стал мусульманином. Эти двое взяли с собой богатый запас кожаных изделий, которыми были знамениты ремесленники Мекки, чтобы проложить с их помощью путь к сердцам чиновников и придворных Аксума, столицы Эфиопии. ‘Амр, когда его принял негус, заявил, что эти переселенцы — изменники, навлёкшие позор на свой город и свои кланы; они отступились от веры своих праотцев, при этом не приняли ту веру, которую исповедует негус, а сочинили собственную вредоносную религию. Он молил негуса не оставлять таких смутьянов в собственном царстве, а отослать их назад в Мекку, где их можно было бы держать в узде. Придворные, хорошо подмазанные и улещенные, присоединились к его призывам. Однако, как верно предположили переселенцы, негус был справедливым человеком и не поддался ни на уговоры ‘Амр ибн аль-‘Аса, ни на увещевания собственных придворных. Он призвал эмигрантов к себе, и они выбрали Джа‘фара ибн Абī-Тāлиба, двоюродного брата Пророка, чтобы он говорил от их имени. Когда негус стал расспрашивать его, Джа‘фар обратился к нему с такими словами: «О Царь! Спроси этих людей, повинны ли мы в воровстве или убийстве». Те могли ответить только отрицательно. Тогда Джа‘фар сказал негусу, что эти люди — идолопоклонники, ведущие развратную и сумасбродную жизнь; они были жестоки к слабым и совершенно не понимали, что творят, пока Бог не дал им Пророка по имени Мухаммад ибн ‘Абди-ль-лāх. Их Пророк, сказал Джа‘фар, научил их поклоняться единому истинному Богу и велел им отвергать зло. Тогда негус пожелал услышать некоторые из высказываний этого Пророка. Джа‘фар имел при себе, целиком или частично, девятнадцатую сūру Кур’ана — сūру Марйам, или Марии — в которой рассказывается история Захарии, Иоанна Крестителя, Марии и Иисуса, и где говорится, что младенец Иисус, лёжа в своей колыбели, ска-

зал: «Мир да пребудет со мной в тот день, когда Я родился, и в тот день, когда Я умру, и в тот день, когда Я буду воскрешён» (стих 34). Правитель Эфиопии был полностью удовлетворён и объявил, что переселенцы могут оставаться в его стране и жить среди его подданных столько, сколько захотят.

‘Амр, хотя и удручённый таким оборотом дела, не пожелал признать своё поражение. Он придумал хитрость, которая, он был уверен, приведёт мусульман в ловушку. День или два спустя он вновь попросил аудиенции у негуса. Он предложил расспросить мусульман о том, как они относятся к Христу. Опять позвали Джа‘фара и стали задавать ему вопросы. Его ответ был таков, что Христос, по словам их Пророка, был Слугой Божиим, Его Апостолом, Его Духом и Его Словом, и родился от Марии, Непорочной Девы.

‘Амр потерпел поражение.

5 Бойкот хāшимитов

Муḥаммад в это время находился в Мекке, с меньшим, чем прежде, числом последователей, и казался более незащищённым, чем когда бы то ни было. Но страстность, с которой Он осуждал поклонение идолам, несколько не уменьшилась. Напротив, Он стал делать это ещё энергичнее. Он действительно стал Назйром — Предупреждающим. Лидером оппозиции Муḥаммаду всё более активно выступал Абӯ-Джахль (‘Амр ибн Хишām) из Банӯ-Махзӯм. Провал мекканской делегации в Эфиопии только укрепил решимость Его противников сокрушить Его Веру, столь опасно расширявшую своё влияние. Они стали встречать приезжающих в Мекку, особенно тех, кто хотел поклониться аль-‘Уззе, аль-Манāту и другим идолам Ка‘бы, и рассказывать им, что Муḥаммад — опытный колдун, благодаря Своему магическому искусству сумевший разрушить семейные узы. Для арабов семья и родственные чувства имели первостепенное значение, к ним нельзя было относиться легкомысленно. (Это стало особенно очевидным в отношении Самого Муḥаммада, когда все Его родственники, за исключением Его дяди Абӯ-Лахаба, встали на Его сторону, хотя большинство из них и не были мусульманами.) Лидеры қурайшитов были уверены, что эти тяжкие обвинения в напаках на семейные узы и магических занятиях, традиционно ненавидимых арабами, заставят любого гостя Мекки, к которому подойдёт Муḥаммад или Его последователи, отшатнуться в ужасе. Когда ‘Абдаллāх ибн Мас‘ūd, освобождённый раб, пытался читать стихи из Кур’āна на публике, его побили камнями и прогнали прочь.

Мусульмане в целом всё больше и больше начинали чувствовать бремя отверженности, и даже Абӯ-Бакр, очень уважаемый человек в мекканском обществе, не мог не замечать свою нарастающую изоляцию от тех купцов, что правили городскими делами. Он выкупил нескольких рабов — своих братьев-мусульман — с целью дать им свободу, и оказывал финансовую помощь переселенцам. Сейчас его бизнес приходил в упадок, и он постепенно беднел. В конечном итоге, даже его жизнь оказалась под угрозой, и Пророк велел ему уехать из Мекки и найти для себя безопасное место. Тот неохотно покинул город, недоумевая, куда ему отправиться. Его собственный клан, Банӯ-Тайм, был не настолько силён, чтобы обеспечить ему нужную защиту. Ибн-Хишām рассказывает, что в пустыне Абӯ-Бакр повстречал ибн ад-Дугунну (или ад-Дугайну) из клана Бан аль-Ḥāрис ибн ‘Абд-Манāt, который также был главой альянса под названием аль-Аḥāбйш. Этот человек хорошо знал Абӯ-Бахра, и спросил у него, что он делает посреди пустыни. Узнав о его судьбе, он привёл его назад в Мекку и объявил всем, что Абӯ-Бакр находится под его «дживāром», то есть защитой, и что никто не должен более досаждать ему.

Поскольку никакие нападки, клевета или преследования не смогли ни опорочить Муḥаммада, ни заставить Его замолчать, лидеры қурайшитов стали придумывать новые методы. Они послали делегацию к Абӯ-Тāлибу и принялись уговаривать его приструнить своего Племянника. В эту делегацию входили, среди прочих, Абӯ-Джахль; Абӯ-Суфйāн, сын Ḥарба,

одного из предводителей Дома Умаййи; ‘Утба, сын Рабй‘а, а также его брат Шайба из клана ‘Абд-Шамс — все без исключения богатые и влиятельные купцы Мекки. Абӯ-Талиб смог успокоить их, но осуждение Пророком всех многобожников предыдущих поколений глубоко уязвило қурайшитских лидеров, и к Абӯ-Талибу отправилась вторая оскорблённая делегация. Они заявили, что их терпение истощилось, и что если глава Дома Хашима не положит вскорости конец деятельности Мухаммада или не отречётся от Него, оба — и он сам, и его Племянник, — горько об этом пожалеют.

Делегация посетила Абӯ-Талиба и в третий раз. Тем не менее, ни Пророк не желал уступить ни на йоту идолопоклонникам, ни Абӯ-Талиб не лишал Его Своей защиты. Таким образом, қурайшиты исчерпали все свои возможности. Они решили бойкотировать Дом Хашима и Дом Мутталиба. Об этом было составлено официальное заявление, которое вывесили в Ка‘бе. В нём запрещалось вступать в брак с любым членом этих двух Домов и возбранялись все сделки с ними: у них ничего нельзя было покупать и им ничего нельзя было продавать. Этот бойкот был наложен примерно в 616 году и длился три года. За исключением Абӯ-Лахаба, все хашимиты и мутталибиты, большинство которых не было мусульманами, переехали в прилегающую к Мекке долину, где жил Абӯ-Талиб. Мухаммад по-прежнему мог посещать центральную часть города и беседовать с людьми. Мусульмане из других кланов, не подпадая под действие этого запрета, не имели необходимости переезжать, но, несмотря на это, всё равно ужасно страдали, и некоторые вынуждены были искать себе защитников.

Хотя большинство историков и летописцев приукрашивает события этих трёх лет бойкота, некоторые описания настолько причудливы, что переходят границы правдоподобия. Неправда, что Мухаммад и Его люди голодали и страдали от жажды, что они вели жизнь париев в голых пещерах. Запрет, объявленный қурайшитскими вождями Мекки, не был обязательным для других кланов и племён, обитавших вокруг этого города. Дороги в город не были закрыты ни для членов обоих Домов, ни для немекканцев, которые торговали с ними. Интересно отметить, что в это самое время ряд переселенцев возвратился из Эфиопии.

Тем не менее, учитывая всё вышесказанное, не следует недооценивать серьёзности проблем и испытаний этих трёх лет. Абӯ-Джахль, Абӯ-Суфйан и другие громкоголосые и неприимые враги Мухаммада достигли значительных успехов. А когда бойкот закончился, по причине своей неспособности отвратить мекканских купцов от величественной фигуры Пророка и из-за снизившейся заинтересованности подавляющей части населения, которая перестала обращать на этот бойкот какое-либо внимание и требовала его отмены, на Пророка неожиданно обрушился такой поток бедствий и преследований, которые создали прямую угрозу Его жизни и побудили Его сказать: «Ни один Пророк никогда не страдал так, как Я».

6

Худшие дни

Почти сразу после окончания бойкота умерла Хадйджа. В течение двадцати пяти лет она была для Мухаммада главной опорой и поддержкой. Именно она обеспечивала Его работой и средствами к существованию. Именно она приютила Его в собственном доме. Именно она укрепляла Его в минуты сомнений. Именно она, прежде, чем кто-либо ещё, поклялась Ему в беззаветной верности. Пока была жива Хадйджа, Мухаммад не брал других жён, хотя она была в преклонных летах, а Он — всё ещё в расцвете Своей зрелости. Теперь она ушла от Него, и чувство потери, должно быть, захлестнуло Его с головой. Годом позже Он женился на Сауде, вдове одного из эфиопских переселенцев; её отец, Зам‘а, был влиятельным человеком в Мекке. Сын Сауды от первого брака перешёл под опеку Пророка.²⁵

²⁵ Это был ‘Абд ар-Рахман, погибший в битве при Джалуле, второй великой битве арабов с силами Сасанидской империи.

Почти сразу после потери жены на Мухаммада обрушился ещё один удар: умер Абӯ-Талиб, в результате чего Он лишился защитника и оказался в серьёзной опасности. Когда Абӯ-Талиб лежал на смертном одре, лидеры қурайшитов пришли к нему и попросили его послать за Мухаммадом, чтобы они могли договориться и заключить между собой мир. Мухаммад ответил на это, что они должны сказать: «Нет божества, кроме Бога, и Мухаммад — Посланник Божий», и тогда всё будет хорошо. Эти непримиримые идолопоклонники никогда не согласились бы с этим, и пропасть между ними и Мухаммадом не уменьшилась. Наследником Абӯ-Талиба как главы Дома Хашима стал тот самый заклятый враг, который в течение трёх лет бойкота практически полностью изолировался от всей своей родни — но сейчас он по праву занял пост старейшины. Абӯ-Лахаб, от которого ожидалось, что он защитит Мухаммада, поначалу сделал это, но вскоре нашёл повод отменить своё решение и отрёкся от своего Племянника. Он пытался заставить Пророка пойти на компромисс и перестать осуждать Своих предков-идолопоклонников, — шаг, который отказывался предпринять Абӯ-Талиб. Лишиться опекающей руки своего клана означало в Аравии навлечь на себя очень серьёзные последствия. Жизнь Мухаммада была теперь в опасности, и он решил покинуть Мекку. В одиночестве, отказавшись от всякой помощи, Он отправился в Тә'иф. Впрочем, некоторые летописцы утверждают, что его сопровождал Зайд ибн Хәриса, Его освобождённый раб и приёмный сын.

Тә'иф, где обитало племя Банӯ-Сақиф, находился примерно в восьмидесяти километрах к юго-востоку от Мекки и ярко контрастировал с ней. Не испытывая недостатка в воде, Тә'иф был куда более приятным местом, изобиловавшим деревьями и другой зеленью. Многие купцы и аристократы Мекки владели там садами и виноградниками, куда они периодически отправлялись отдохнуть. Таким образом, влияние қурайшитов было весьма сильно в Тә'ифе.

Ибн-Хишәм утверждает, что в Тә'ифе жили три брата, сыновья вождя 'Амра ибн 'Умайра: 'Абд-Йәлйл, Мас'уд и Хәбйб. Пророк нашёл их и объявил им о Своей миссии. Но они отвергли Его. Один из них сказал: «Неужели Бог не мог найти кого-нибудь другого, чтобы послать нам как Своего Посланника?», а другой воскликнул: «Если бы Бог послал тебя, Он бы сорвал покров с Ка'бы», тогда как третий брат выдвинул следующее возражение: «Если ты Посланник Божий, как ты говоришь, тогда ты слишком велик, чтобы разговаривать со мной, а если ты лжёшь, то для меня унизительно будет беседовать с тобой». Мухаммад был неприятно поражён их легкомыслием и глупостью, и почувствовал, что с такими людьми во главе города Ему нечего больше ожидать от Банӯ-Сақиф. Он просил их никому не рассказывать об этом разговоре, но три брата посмеялись над Его просьбой и позвали других людей, чтобы вместе поиздеваться над Ним. Мухаммаду пришлось бежать от толпы, которая забрасывала Его камнями.

Израченный как телесно, так и душевно, Пророк нашёл укрытие в винограднике, принадлежащем двум братьям, 'Утбе и Шайбе, — сыновьям Рабй'а, который входил в первую делегацию, отправившуюся к Абӯ-Талибу с просьбой призвать своего Племянника к порядку. Оба брата находились в тот момент в своём винограднике и заметили, до какого жалкого состояния дошёл Мухаммад. Даже они пожалели Его и дали своему рабу-христианину, 'Аддәсу, тарелку винограда, чтобы он отнёс её Мухаммаду. Перед тем, как приступить к еде, Пророк сказал: «Бисми'лләх» — «Во Имя Бога». Раб-христианин был изумлён до глубины души и, внимательно взглянув на Мухаммада, сказал: «Клянусь Богом, такие слова редко услышишь от жителей этих мест». Мухаммад спросил его: «Какой земли ты уроженец, и какова твоя Вера?» «Я христианин из Ниневии», — ответил 'Аддәс. Пророк сказал: «Из дома Ионы, сына Матфея». 'Аддәс, ещё более изумлённый, спросил Мухаммада: «И что ты знаешь про Иону?» «Он был моим братом, Пророком, — ответил Мухаммад, — и я тоже Пророк». После этого, как рассказывает ибн-Хишәм, 'Аддәс поцеловал голову, руки и ноги Посланника Божиего, а его хозяева, увидев это, отругали его. Но 'Аддәс сказал: «Хозяева мои! В целом мире нет ничего лучше этого, ибо Он говорил о том, чего не может знать никто, кроме Пророка», на что сыновья Рабй'а возразили: «Не променяй свою религию на его — твоя лучше».

Именно в Та'ифе Пророк, отвергнутый и униженный его вождями и побитый его народом, произнёс такую молитву: «О Боже! Я оплакиваю пред Тобой немощность свою и незначительность среди людей. О Боже, Наимилосерднейший! Ты — Господь слабых, и Ты — мой Господь».

Это был самый мрачный час Его жизни. Мухаммад оказался в изоляции, не в силах найти убежище на Своей родине — там, где Он вырос и прожил всю Свою жизнь. Изгнанный из Та'ифа, он мог возвратиться в Мекку только в том случае, если бы нашёл могущественного вождя, который бы обеспечил Ему дживār (защиту). Он обратился к Ахнасу ибн Шурайку, главе Банū-Зухра, но был отвергнут. Тогда он воззвал к Сухайлю ибн 'Амру, который также отказался вступить за Него. Аль-Мут'им ибн 'Адй, вождь Банū-Науфаль, в конечном итоге согласился защитить Мухаммада. Как мучительно, должно быть, было для Пророка вступать в Собственный город под защитой вождя чужого клана, который, к тому же, был непримиримым идолопоклонником!

Когда Пророк достиг Мекки, ярмарка и ежегодный базар были в самом разгаре, и множество племён съехались засвидетельствовать почтение идолам Ка'бы и принять участие в различных церемониях. Мухаммад пытался заручиться их поддержкой, а Абū-Джахль, Абū-Лахаб и Абū-Суфйāн рассказывали всем этим бедуинам-паломникам, что Мухаммад лишился ума. Первым племенем, которое немедленно отвергло Его, стало Банū-Ханйфа. Лидер Банū-'Амир, ибн Са'са'а, выразил готовность вступить с Ним в союз, имея при этом целью установить свою собственную власть над всей Аравией. Однако Пророк оказался абсолютно глух к таким инициативам. Миссию Мухаммада принял Туфайль ибн 'Амр из клана Банū-Даус. Но Пророк решил остаться в Мекке и не отдавать Себя на милость Банū-Даус, которое неизвестно как приняло бы Его. Говорят, что отрицательный ответ Мухаммаду дали шестнадцать кланов. Именно к этому периоду в жизни Пророка относится событие, известное как «ми'рāдж», то есть «вознесение».

Первый стих семнадцатой сūры, называемой Банй-Исрā'иль («Дом Израиля»), гласит:

Хвала тому, кто перенёс ночью Своего слугу
из Мечети Святой в Мечеть Отдалённейшую,
пределы которой Мы благословили,
дабы показать ему из Наших знамений.
Он Всеслышащий, Всевидящий.²⁶

Этот стих и стал основой для рассказов о «Ночном путешествии» Пророка из Мекки в Иерусалим и «вознесении» из Иерусалима на небеса. Эмиль Дерменгем даёт полную версию истории ми'рāджа в своей книге «Жизнь Магомета». Исламский мир принял факт этого «Ночного путешествия» в буквальной интерпретации, в точности как христианский мир буквально принял Воскресение и Вознесение Христа. Впрочем, периодически раздавались утверждения о том, что ми'рāдж Пророка был не реальным физическим событием, но глубоким духовным опытом. Шайх Ахмад-и Ахса'й (1743-1826) и сиййид Кāзим-и Раштй (1793-1843), основатели школы шайхй, открыто отстаивали эту точку зрения, за что их сурово критиковали и даже неистово проклинали.

Прошло уже десять лет с того момента, когда Мухаммад впервые услышал обращённый к Нему призыв в холмах, окружающих Ка'бу. Идолы по-прежнему стояли вокруг Ка'бы, а Мухаммада терпели в Его родном городе только благодаря защите вождя-идолопоклонника, никак не связанного с Его собственным кланом. В конце этого десятилетия, летом 620 г. от Р. Х., случилось событие, которое поначалу казалось незначительным, но впоследствии открыло путь к полной победе дела Мухаммада.

²⁶ В переводе Крачковского эта сūра называется «Перенёс ночью».

7

Новообращённые в Йасрибе

В паломнический сезон 620 г. от Р. Х. Мухаммад сосредоточил Своё внимание на гостях из Йасриба. Именно в этом городе в расцвете лет умер Его отец, и там же была его могила. Амина, Его мать, в детстве возила Его в Йасриб, где у неё жили родственники. Обстановка в этом городе отличалась от атмосферы Мекки. Три сильные еврейские колонии — Бану-Қайнуқа', Бан ан-Надйр и Бану-Курайза — обогащали жизнь и расширяли мировоззрение его жителей, которые в большинстве были земледельцами и садовниками, в отличие от мекканцев, которые предпочитали базар и торговлю. Они в основном принадлежали двум племенам, Аус и Хазрадж, каждое из которых, в свою очередь, делилось на ветви и кланы. Гражданская война, случившаяся примерно в 615 году, нарушила покой Йасриба. В битве при Бу'ас племя Аус, при поддержке еврейских кланов Бану-Курайза и Бан ан-Надйр, одержало верх над Хазраджем.

Летом 620 года Мухаммад встретился с несколькими жителями Йасриба и побеседовал с ними. Согласно ибн-Хишаму, их было шестеро, согласно ибн аль-Асйру — семеро. Их имена были записаны и дошли до нас.²⁷ Они выслушали Мухаммада и признали Его. Затем они возвратились домой, неся радостные вести о том, что среди арабов восстал Пророк.

Бесполезно строить догадки касательно этих первых верующих Йасриба и мотивов, которые ими двигали. Все они принадлежали к Хазрадж, побеждённому племени. Никто из них, за исключением, может быть, Ас'ада ибн Зурары, не занимал никакого особого положения среди своих соотечественников. Жители Йасриба в целом были куда беднее купцов Мекки, поскольку все деньги и хорошие строения Йасриба принадлежали еврейским колониям, равно как и большинство специалистов были евреями. Йасриб не был компактным поселением. Он состоял из нескольких укреплённых деревень, где жили различные кланы, ухаживающие за пальмовыми рощами и садами, что их разделяли.

Те немногие, что приняли Мухаммада, ничего не приобрели от этого. Они просто пришли к убеждению, что Он — именно Тот, за Кого Себя выдаёт, то есть Посланник Божий и Его Апостол, и поступили соответственно. На следующий год пятеро из них вернулись в Мекку, приведя с собой ещё семерых, кому они рассказали о Его Послании. Мы не знаем, как именно они передавали эту информацию. Не знаем мы и о том, что делал Мухаммад в Мекке в течение этого года, от одного лета до другого. Судя по всему, Ему не удалось привлечь в Свою Веру более ни одного мекканца. Рассказывают, что идолопоклонник Мут'им дал Ему свою защиту при условии, что Он не будет затевать публичных дискуссий. Как бы то ни было, но Мухаммад к этому времени, судя по всему, уже махнул рукой на жителей Мекки.

Пророк встретился с двенадцатью жителями Йасриба на горном перевале 'Ақаба, поблизости от Мекки, и Они поклялись Ему в верности. Мекканцы, конечно же, не имели никакого представления о том, что произошло между Мухаммадом и этими людьми. В дополнение к семи новичкам, пятеро из них посетили Мекку вторично.²⁸ Согласно ибн-Хишаму, 'Убада, сын Сами́та, рассказывал, что в ту ночь они отправились на 'Ақаба и поклялись, что никогда не будут придавать Богу сотоварищей,²⁹ будут воздерживаться от воровства, прелюбодеяния, убийства своих детей и клеветы, и будут во всём подчиняться Пророку. Эта клятва была названа Бай'ат ан-Ниса́', «Клятвой женщин», потому что она включала обещание верности, но не вклю-

²⁷ Это были Ас'ад ибн Зурара, 'Ауф ибн аль-Харис, Рафй' ибн Малик, Қутба, сын 'Амира, и 'Уқба, сын другого 'Амира, Джабир ибн 'Абдаллах, и 'Амир ибн 'Абд-Хариса.

²⁸ Семь новичков были: 'Увайм ибн Са'ида, 'Убада ибн Сами́т, Абу-ль-Хайсам ибн Таййихан (или Тайхан), 'Аббас ибн 'Убада, Йазид ибн Са'лаба, Закван ибн 'Абд-Қайс и Му'аз ибн аль-Харис, брат 'Ауфа, который откликнулся на призыв Мухаммада годом раньше и теперь приехал вновь. Кроме упомянутого 'Ауфа, четыре человека приехали в Мекку вторично: Ас'ад ибн Зурара, Рафй' ибн Малик, 'Уқба и Қутба.

²⁹ Смысл этого выражения — ставить себя наравне с единым Богом, Который а действительности, конечно же, выше всего сущего.

чала обещания идти на битву. Когда им настало время уезжать, Мухаммад послал с ними Му‘аб ибн ‘Умайра, чтобы тот наставлял и обучал их. Му‘аб был потомком ‘Абд-Манāфа, прапрадеда Пророка. Вскоре он добился выдающейся победы, заручившись поддержкой Са‘да ибн Му‘āза, вождя племени Аус, и Усайда ибн Худайра, другого выдающегося представителя того же племени.

И вновь следует период, когда о событиях в Мекке нам ничего не известно. Нет ни сообщений о новых проявлениях противодействия Мухаммаду, ни о каких-то новообращённых в Ислам. Но в Йасрибе Му‘аб развернул бурную и успешную деятельность, поскольку в сезон паломничества следующего года, 622 от Р. Х., 72 мужчины и три женщины прибыли в Мекку, чтобы предстать перед Пророком. Под покровом ночи, когда мекканцы и гости города спали, эти семьдесят пять мусульман из Йасриба незаметно пробрались на тот же горный перевал ‘Ақаба. Мухаммад прибыл в сопровождении Своего дяди ‘Аббāса, который, хотя и был до сих пор идолопоклонником, пристально следил за деятельностью Племянника. ‘Аббāс хотел убедиться в том, что их верность Мухаммаду неподдельна, — на случай, если Он захочет переселиться к ним и полностью им довериться. ‘Аббāс первым обратился к ним, а затем Мухаммад прочитал им отрывки из Кур’āна. Му‘аб хорошо выполнил свою работу. Эти мусульмане из Йасриба были тверды, полны решимости, непоколебимы. Они дали ясно понять, что будут стоять за Пророка и в радости, и в горе.

Согласно ибн-Хишāму, аль-Барā‘ ибн Ма‘рūr, признанный лидер этой группы, от имени всех своих товарищей заявил, что они будут защищать Пророка с оружием в руках. Таким образом, они дали слово, что в случае необходимости не замедлят встать под знамя Пророка. Абу-ль-Хайсам теперь задал вопрос: не оставит ли их Мухаммад в будущем на произвол судьбы и не возвратится ли в Свой родной город? На это Пророк улыбнулся и решительно объявил: «Ваша кровь отныне — моя кровь, и ваше дело — моё дело. Вы принадлежите мне, и я — вам. Я буду биться с каждым, кто бьётся с вами, и пребывать в мире со всеми, кто заключает с вами мир». Тогда ‘Аббāс ибн ‘Убāда обратился к своим соотечественникам и спросил их, действительно ли они осознают, какому делу предают себя? Любой, сказал он, у кого есть хотя бы малейшие сомнения, должен уйти, потому что потом они не смогут повернуть назад; но если они поклянутся в верности Мухаммаду, то стяжут вечное благо. Все, как один, выразили своё согласие и подтвердили свою убеждённость: да, они верят в Мухаммада. Они принимают Его как Посланника Божиего. После этого они стали подходить к Нему по одному и касаться Его руки, символизируя этим, что клянутся Ему в верности. Затем тот же ‘Аббāс ибн ‘Убāда спросил Пророка, не прикажет ли Он им атаковать идолопоклонников утром, чтобы рассеять их силы? Мухаммад ответил, что Бог не дал позволения на такое действие, и что они должны мирно разойтись.

Двенадцать человек были выбраны в качестве нуқабā’ («предводителей») — девять из Хазрадж и три из Аус. Мухаммад сказал им, что они подобны Апостолам во времена Иисуса Христа; они станут пастырями Его паствы. Вот имена девяти хазраджитов: Ас‘ад ибн Зурāра, Са‘д ибн Рабй’, ‘Абдаллāх ибн Рауāха, Рафи‘ ибн Мāлик, аль-Барā‘ ибн Ма‘рūr, ‘Абдаллāх ибн ‘Амр, ‘Убāда ибн ас-Сāмит, Са‘д ибн ‘Убāда, Мунзар ибн ‘Амр; и трёх представителей Аус: Усайд ибн Худайр, Са‘д ибн Хайсама и Абу-ль-Хайсам ибн Тайхāн.

Дав клятву и заключив договор, мусульмане Йасриба тихо вернулись назад в свой лагерь. Но передвижения такой большой группы людей не остались незамеченными. Вожди мекканских идолопоклонников узнали, что между Мухаммадом и некоторыми паломниками из Йасриба что-то произошло. Они послали своих людей разобраться, но те, кто нёс ответственность за группу из Йасриба, с чистой совестью заявили, что ничего не знают. Йасрибцам позволили уехать, но в Мекке крепко убеждение, что не всё так хорошо, и что у Мухаммада были какие-то дела с этими людьми. Вдгонку за йасрибскими паломниками, ушедшими уже довольно далеко, был выслан отряд. Са‘д ибн ‘Убāда, один из двенадцати нуқабā’, несколько отставший от своих соотечественников, попал в руки мекканцев. Его избили и отволокли назад в Мекку, и

наверняка лишили бы жизни, если бы он не воззвал к дживāру Джубайра ибн Мут‘има, который защищал его. Джубайр был сыном того самого Мут‘има, который дал защиту Пророку.

Мухаммад посоветовал Своим последователям в Мекке переселиться в Йасриб, но они не должны были отправляться массово, потому что это привело бы идолопоклонников в ярость. Это означало, что им надо полностью оставить старую жизнь, бросить дома, бизнес, всю свою собственность — хотя многим из них и так уже было нечего терять. Но что более всего не нравилось вождям кланов и семей и о чём они уже ясно заявили ранее, когда просили негуса отослать прочь мусульманских переселенцев, — это полное пренебрежение кровными узами, проявленное мусульманами, пренебрежение, которое идолопоклонники Мекки считали преднамеренным и непростительным оскорблением. ‘Умар ибн аль-Хаттāб и его брат Зайд с лёгкостью оставили Мекку, но не всем молодым людям так повезло. Двое из них, Хишām ибн аль-‘Ас и ‘Аййāш ибн Абй-Рабй‘а, были задержаны и закованы в цепи, но в конечном итоге их удалось спасти. Другим мусульманином, которому не позволили покинуть Мекку, был Сухайб ибн Синāн; но он был богат и смог купить себе свободу. Считается, что стих 203 второй сūры Кур‘āна, аль-Бақара («Корова») относится именно к нему: «А среди людей есть и такой, который покупает свою душу, стремясь к благоволению Божиему, и Бог добр к слугам Своим».

За короткое время практически все мусульмане покинули Мекку, и идолопоклонники были не только разгневаны, но и жестоко испуганы. Однако Мухаммад всё ещё был в городе, равно как и первые мусульмане, ‘Алй, Зайд и Абū-Бакр.

8

Заговор идолопоклонников

Лидеры қурайшитов, остро осознавая возможные проблемы, созвали общее собрание с целью решить, что им предпринять в отношении Мухаммада. Весьма занимательно читать многочисленные слова историка о том, что на это собрание явился сатана собственной персоной, в обличье благообразного старца из Наджда. Был там сатана или не был, но намерение лидеров қурайшитов было поистине сатанинским: они обсуждали, как лучше всего погубить Пророка. Конечно же, там присутствовали Абū-Джахль и Абū-Суфйāн, а также ‘Утба и Шайба, сыновья Рабй‘а; Умаййа и Убайй, сыновья Халафа; Абу-ль-Бахтарй ибн Хишām и аль-‘Ас ибн Вā’ил — все заклятые враги Мухаммада. Примерно сорок человек собралось в зале советов, что построил Куṣайй, позаботившись исключить при этом всех членов Дома Хāшима и их союзников. Они пришли к заключению, что Мухаммада следует убить, но что сделать это должен не один человек, а все кланы, то есть каждый клан должен выделить своего представителя для этого дела. Таким образом, Банū-Хāшим будет поставлен перед фактом, что нет какого-то одного убийцы, против чьего клана они могли бы объявить кровную месть. Им пришлось бы довольствоваться «выкупом за кровь», который совместно выплатили бы все кланы. Об этом совещании мекканских идолопоклонников рассказывает стих 30 восьмой сūры аль-Анфāl («Добыча»): «Вот умышляют против тебя неверующие, чтобы задержать тебя, или умертвить, или изгнать. Они умышляют, и Бог умышляет, и Бог — лучший из умышляющих!»

Примерно в это же время Абū-Бакр готовился отправиться в Йасриб, но Мухаммад попросил его подождать, чтобы они могли отправиться вместе. Абū-Бакр был безмерно счастлив тому, что будет путешествовать вместе с Пророком, и подготовил всё необходимое для поездки. В это время идолопоклонники уже пристально следили за домом Мухаммада. Однажды в полдень, в июне 622 года (называют также сентябрь), Пророк незаметно покинул Свой дом и отправился к Абū-Бакру. Этой ночью в постели Пророка спал ‘Алй, но идолопоклонники не заметили подмены. Они думали, что спящий — Мухаммад, и продолжали следить за домом до самого утра. Тем временем Пророк и Абū-Бакр под покровом ночи покинули Мекку и спрятались в пещере на горе Саур, примерно в трёх милях от города, в направлении, противоположном от Йасриба. Абū-Бакр купил двух верблюдов и оставил их на попечение ‘Абдаллāха ибн Арқата

(или Урайқата) из клана Банӯ-Дайль (ответвление Кинāна), который не был мусульманином, но пользовался доверием Абӯ-Бакра. Освобождённый раб Абӯ-Бакра, мусульманин по имени ‘Амир ибн Фухайра, должен был приносить им каждый вечер молоко и пригонять к устью пещеры своё стадо овец, чтобы они затаптывали следы людей. ‘Абдаллāх, сын Абӯ-Бакра, должен был передавать им новости о том, что делают лидеры қурайшитов. У Абӯ-Бакра, из всех его богатств, осталось только пять тысяч дирхемов, который он и унёс с собой. Пророк, судя по всему, не имел денег вообще.

Поутру, когда идолопоклонники обнаружили, кто именно спал в доме, они, естественно, пришли в ярость, и один из них, Абу-ль-Бахтарй, убил бы ‘Алй, но Абӯ-Джахль удержал его: Муҳаммад всё равно сбежал, и смерть ‘Алй не принесла бы никакой пользы. Они отправились на поиски, и довольно близко подошли к пещере. Услышав шаги, Абӯ-Бакр был изрядно обеспокоен, но Пророк сказал ему, что Бог с ними, и им нечего бояться. «Если вы не помогли ему, то ведь помог ему Бог, когда изгнали его неверующие; когда двое были в пещере, и второй из них сказал своему спутнику: "Не печалься, ибо, несомненно, Бог с нами"; и низвёл Бог Свой покой³⁰ на него, и помог ему незримыми воинствами; и низложил слово неверующих, обратив его в ничто, и слово Божие — то, что достигает высот, и Бог — Всемогущий и Премудрый.» (Сӯра IX, ат-Тауба — «Покаяние», стих 40.) Легенда гласит, что у входа в пещеру вырос куст, разбросав свои побеги, прилетели голуби, свили в его ветвях гнездо и отложили яйца, а пауки сплели свои сети; когда преследователи хотели войти в пещеру, Умаййа, сын Халафа (тот самый, который истязал своего раба Билāла на полуденном солнце), посоветовал им не тратить попусту время, поскольку никто не смог бы войти в эту пещеру, не потревожив голубей и паутину, шутливо добавив, что пауки, судя во всему, сплели здесь свои сети задолго до рождения Муҳаммада. Идолопоклонники, не обнаружив никакого следа Муҳаммада и Его спутника, объявили награду в сто верблюдов (по другой версии — две сотни) любому, кто приведёт им Муҳаммада, живого или мёртвого.

По прошествии трёх дней ‘Абдаллāх, сын Абӯ-Бакра, сообщил, что волнение в Мекке пошло на убыль и мекканцы оставили надежду найти беглецов поблизости от города. Его сестра Асмā’ принесла припасы для путешествия — зажаренного целиком барана, завернутого в кожу. Чтобы закрепить мешок с пищей и сосуд с водой, требовались две верёвки, и Асмā’ сняла свой пояс и разорвала его на две части, заслужив прозвание Зāt ан-Нитāқайн (Обладательница Двух Поясов), под которым и осталась в истории. Затем ‘Абдаллāх ибн Арқат привёл двух верблюдов. Муҳаммад и Абӯ-Бакр поехали на одном из них, а ‘Амир и ‘Абдаллāх — на другом. Им пришлось просить сына Арқата, хотя он и был многобожником, провести их сквозь бездорожье пустыни. Вскоре их настиг Сурақа ибн Мāлик из Банӯ-Мудлидж, который жаждал получить награду, обещанную лидерами қурайшитов. Однако несчастье, приключившееся с его лошастью, заставило его обратиться к Пророку за помощью, получив которую, он отказался от своего намерения и вернулся назад, сказав қурайшитам, что он, сколько ни старался, не смог найти Муҳаммада в пустыне.

После этого они столкнулись с Бурайдой из Банӯ-Аслам, который вёл за собой семьдесят всадников. Могущество и красноречие Муҳаммада были таковы, что Бурайда, очарованный и поражённый, воскликнул: «Кто ты?», на что Пророк ответил: «Я Муҳаммад, сын ‘Абдаллāха, сына ‘Абд аль-Мутталиба, Посланник Бога, Господа всех миров». Бурайда немедленно заявил: «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Бога, и Муҳаммад, воистину, Посланник Божий». Всадники последовали его примеру и встали на сторону Пророка. Бурайда просил Муҳаммада, чтобы в Йасрибе Он остановился в его доме, на что Муҳаммад ответил, что позволит Своему верблюду идти туда, куда он захочет; где он остановится, там и будет Его дом. Но Бурайда, пылая огнём своей новообретённой Веры и желая сделать что-нибудь эффектное, снял тюрбан, привязал его к копы, и поскакал впереди Пророка как Его знаменосец.

³⁰ В оригинале используется слово из иврита: «щечина». В арабском оно звучит как «сакина».

Следующим, кого они встретили по дороге, был аз-Зубайр ибн аль-‘Аувām, двоюродный брат Пророка. К этому моменту Мухаммад уже давно миновал опасную зону. Аз-Зубайр, возвращавшийся из торговой экспедиции в Сирию, вёз с собой белые одежды, в которые оделись Пророк и Абū-Бакр. Мухаммад посоветовал ему отправиться в Мекку, завершить все свои деловые операции, и затем присоединиться к Нему в Йасрибе.

Естественным образом возникает вопрос: почему на поиски Мухаммада не отправились сами мекканские идолопоклонники, чтобы получить за это сто или двести верблюдов? Почему они отдали это дело целиком в руки жителей пустыни? Этого мы никогда не узнаем. Среди них было множество молодых и энергичных мужчин, весьма озлобленных на Пророка, например, ‘Икрима, сын Абū-Джахля; Сафвāн, сын Умаййи, сына Халафа; а также Хāлид ибн аль-Валīд. Абū-Джахль строго допросил ‘Абдаллāха и Асму, которые помогли своему отцу бежать. Он так сильно ударил Асму по лицу, что у той расстегнулась и упала на пол серёжка. Но на том всё и закончилось, и мекканцы не предпринимали дальнейших попыток найти Пророка.

Тем временем мусульмане Йасриба прослышали об отъезде Пророка из Мекки. Каждый день они отправлялись на окраину города, укрывались от солнца под нависающими скалами и оглядывали горизонт в ожидании Пророка; а когда солнце шло на убыль, они возвращались домой, обеспокоенные и смущённые. Двадцать восьмого июня (по другим версиям — 2 июля или 24 сентября), после того, как мусульмане уже разошлись по домам, один еврей, посмотрев через стену своего поселения, увидел, что к оазису приближается Пророк на Своём верблюде, которого звали аль-Қусва. Он крикнул мусульманам, что Тот, Кого они ожидают, появился; и мусульмане, примерно пять сотен мужчин и множество женщин и детей, бросились за город, распевая песни и крича: «Пришёл Пророк Божий, явился Посланник Божий». Говорят, что некий еврей — может быть, тот же самый, что возвестил появление Пророка,— горько жаловался в этот момент своему брату по вере, что эти проклятые арабы собрались вокруг мекканца, который объявил себя Пророком. Именно из этого разговора знаменитый Салмāн аль-Фāрисī³¹ — перс, трудившийся в пальмовой роще своего хозяина,— впервые узнал о Мухаммаде.

9

Медина — Город Пророка

С прибытием Мухаммада Йасриб поменял своё имя, и прежнее было скоро позабыто. Теперь он стал Городом Пророка — аль-Мадīнат ан-Набī. С течением времени его сократили до аль-Мадīна³² — Город, и именно это название закрепилось за ним навсегда.

Когда Пророк достиг Йасриба, Он сошёл с верблюда на краю оазиса, в местечке Қубā’, где проживал клан Банū-‘Амр ибн ‘Ауф. Он очень устал после всех трудностей Своего поспешного отъезда из Мекки. Кулсūм ибн Хидм, который в тот момент ещё не был мусульманином, пригласил Мухаммада в свой дом, и Пророк принял это приглашение. Как долго Он жил в Қубе, неизвестно — три дня, четыре, пять, четырнадцать — а может быть, и двадцать два. Достоверно известно только то, что Он жил там достаточно долго для того, чтобы к Нему присоединился ‘Алī, а на участке земли, принадлежащем Кулсūму и расположенном напротив его дома, была построена мечеть. ‘Алī задержался на несколько дней в Мекке, чтобы заплатить всем кредиторам Мухаммада и вернуть порученные Ему товары. После этого он отправился в Йасриб пешком, прибыв туда в состоянии полного истощения. Тем не менее, вскоре он опять приступил к работе, помогая строить мечеть — первый дом поклонения в исламском мире. Мухаммад выкупил у Кулеўма землю, и все мусульмане приложили руку к этой мечети. Сам Мухаммад, согласно свидетельствам очевидцев, носил землю и лепил глиняные кирпичи. Считается, что мечеть в Қубе упоминается в стихе 109 сūры «Покаяние» (IX, ат-Тауба):

³¹ Персы называют его Салмāн-и Фāрсī.

³² В русском языке используется форма «Медина», так же как аль-Маккā превратилась в «Мекку». — *прим. перев.*

Мечеть, основанная на богобоязненности с первого дня,—
 достойнее, чтобы ты в ней стоял;
 в ней люди, которые любят очищаться;
 а Бог любит очищающихся!

Наконец, настал день, когда Пророк вновь оседлал Своего верблюда и отправился дальше, в центральную часть Медины. Дорога Его пролегла через квартал, где жил клан Банӯ-Сәлим ибн ‘Ауф. Здесь у мусульман находилось место для поклонения, а поскольку была пятница, Мухаммад остановился, чтобы поприветствовать их и побеседовать с ними. Это была первая проповедь, которую Он произнёс в Своем городе.

Вновь взойдя на верблюда, Мухаммад был со всех сторон окружён народом, и каждый умолял Его поселиться именно в их доме. ‘Итбан ибн Малик и Науфал ибн ‘Абди-ль-лах из Банӯ-Сәлим схватили верблюда Пророка за узду, желая уговорить Его остаться в их квартале. Но Мухаммад дал им тот же ответ, что и Бурайде в пустыне: Он позволит Своему верблюду решить, куда Ему ехать. Так Он прошёл сквозь кварталы Банӯ-Са‘йда и Банӯ-Хәрис ибн аль-Хазрадж, а затем дошёл до квартала Банӯ-‘Адй ибн ан-Наджжәр. Абӯ-Салит из этого клана напомнил Мухаммаду, что Банӯ-‘Адй приходились Ему дядями; Ему следовало бы остановиться именно у них. Кроме того, из этого клана происходила Силмә, мать патриарха ‘Абд аль-Мутталиба. Но Пророк отправился дальше. Когда Он миновал дом ‘Абдаллаха ибн Убаййа, тот отвернулся в сторону и сказал: «Отправляйся к людям, которые обманули тебя и завлекли в этот город». Са‘д ибн ‘Убада (один из двенадцати нуқабә’) вмешался и объяснил Пророку, что сын Убаййа сейчас — разочарованный, обиженный человек, движимый завистью, и на него не надо обращать внимания; пережив ужасы гражданской войны, народ согласился провозгласить его правителем, но появление Пророка закрыло ему дорогу к власти.

Верблюд остановился и встал на колени на бесплодном пустыре, где не было ничего, — лишь росли несколько пальм. Именно здесь Пророк должен был теперь жить, но никакого дома на этом месте не было. Впрочем, поблизости от этого места жил Хәлид ибн Зайд, известный как Абӯ-Аййуб, и он принёс багаж Пророка к себе домой. Когда Его в очередной раз хотели пригласить в другое место, Мухаммад ответил, что человек должен всегда оставаться со своим багажом. Он жил в доме Абӯ-Аййуба несколько месяцев.

Земля, где остановился верблюд, принадлежала двум сиротам — Сахлу и Сухайлу, которые с радостью подарили бы её Пророку. Ас‘ад ибн Зурәра, один из первых мусульман Медины и один из двенадцати нуқабә’, был их опекуном, и он поддержал их предложение, но Мухаммад хотел, чтобы они приняли плату. Деньги за Него внёс Абӯ-Бакр. На этом месте была построена мечеть, а рядом — дом для Пророка. Впоследствии вокруг мечети, в то время имевшей простую архитектуру, были построены другие дома. Когда Мухаммад читал в ней Свою первую проповедь, Он опёрся на ствол пальмы. Именно здесь, рядом с этой мечетью, находится могила Пророка.

Ас‘ад ибн Зурәра вскоре умер. Его клан, ан-Наджжәр, попросил Мухаммада назначить им накйба (ед. ч. от «нуқабә») вместо Ас‘ада. Пророк, чья прабабка принадлежала этому клану, предложил в качестве Накйба Себя.

Итак, Мухаммад поселился в Медине. Но многие обитатели города до сих пор были идолопоклонниками, или просто изображали веру в Мухаммада, тая в душе совсем иные чувства. Евреи из трёх поселений поначалу надеялись, что Мухаммад, столь пламенно проповедующий монотеизм, естественным образом будет тяготеть к ним, но потом они начали отворачиваться от Него и даже проявлять враждебность, когда поняли, что Мухаммад призывает их принять Его Веру. Впрочем, один из выдающихся их представителей, Хусайн ибн Саләм, которому Пророк дал имя Своего собственного отца, любил общаться с Мухаммадом и, в конечном итоге, встал на Его сторону. Другие еврейские вожди держались от Него на расстоянии.

Мухаммад звал переселенцев из Мекки «аль-мухаджирун» (что и означает, собственно, «переселенцы»), а мусульман Медины назвал «аль-ансар» — «помощники». Затем Он связал братскими узами представителей этих двух групп, а также установил эти связи между некоторыми мекканцами. ‘Али Он назвал Своим братом. Его дядя Хамза, которого ибн-Хишам называет Асадаллах — «Лев Божий», а также «Лев Его Апостола», стал братом Зайда ибн Харисы, освобождённого раба Пророка и Его приёмного сына. Он назвал братьями Абӯ-Бакра и ‘Умара; кроме того, Он женил Абӯ-Бакра на Хәридже ибн Зайд из племени Хазрадж, и ‘Умара — на ‘Итбан ибн Малик, также из Хазраджа. ‘Абд ар-Рахман ибн ‘Ауф и ‘Усмән ибн ‘Аффан, оба мекканцы, стали братьями, а затем ‘Усмән был назван братом одного из ансаритов — Аратта ибн Сабита, тогда как ‘Абд ар-Рахман стал братом Са‘да ибн ар-Рабӣ. Са‘д предложил поделиться с ‘Абд ар-Рахманом всем, что у него было (включая одну из жён, с которой он был готов развестись, чтобы ‘Абд ар-Рахман на ней женился, причём решение о том, какую именно из жён выбрать, было оставлено за братом-переселенцем), но всё, чего хотел ‘Абд ар-Рахман — это немного денег взаймы и чтобы ему показали дорогу на базар. Он не зря назывался мекканцем — начав, вероятно, простым торговцем вразнос, он постепенно превратился в процветающего купца. ‘Усмән смог спасти из Мекки свои богатства, а в Медине приумножил их, и при этом щедро тратил это немаленькое состояние в интересах своей Веры. Но многие из мухаджирун были не столь удачливы, как ‘Усмән, или даже как ‘Абд ар-Рахман. Они целиком зависели от щедрости собратьев-верующих в Медине, которые сами отнюдь не купались в роскоши. Хамза, дядя Пророка, был бедным человеком, и вынужден был жить на то, что мог дать ему Племянник. Бывали времена, когда у Самого Пророка в доме не было ни крошки еды, и несколько раз Ему приходилось закладывать личное оружие. ‘Али некоторое время должен был зарабатывать на жизнь, таская воду из колодца и поливая сад некоего еврея. Кое-кому оказалось негде жить. Мухаммад организовал для них что-то вроде ночлежки в мечети — «суффа» («лавка»), поэтому их прозвали аль-Ахль ас-Суффа — «Живущие на лавке».

Мединские крестьяне выделили часть своей земли братьям-переселенцам, но мекканцы, выросшие в засушливой местности, не привыкли к плодородным полям и стоячей воде. Они стали болеть и некоторое время были неспособны работать. Акклиматизация заняла у них много месяцев. ‘Усмән ибн Маз‘ун из племени Банӯ-Махзӯм, молочный брат Мухаммада, в своё время уехавший в составе группы переселенцев в Эфиопию, умер и был похоронен на кладбище Бақӣ, знаменитом тем, что там покоятся многие родственники Пророка и большое количество первых мусульман.

Призыв к молитве, азан, был введён в практику уже в течение первых месяцев жизни в Медине. Пророк спросил у Своих последователей совета, как лучше это сделать. Некоторые предложили использовать сигналы горна, как у евреев, но у Пророка эта идея вызвала отвращение. Затем упомянули колокольный звон, как у христиан, и вновь Пророк заявил, что этот метод не подходит. Третьим вариантом, представленным на встрече, было зажигать костёр, но Мухаммад отверг его из-за ассоциаций с практиками магов (зороастрийцев). Интересно, что именно в это время Салман Персиянин — скорее всего маздеанец (зороастриец), — принял Веру Мухаммада. Наконец, ‘Умар предложил использовать голосовой призыв, что вызвало всеобщий восторг и было одобрено Пророком. На должность му’аззина³³ был назначен эфиоп Билал.

Дочери Мухаммада, Фатима и Умм-Кулсӯм, а также Его жена Сауда, по-прежнему находились в Мекке. Он послал за ними Зайда ибн Харису и Рафи‘, ещё одного Своего освобождённого раба. Вожди курайшитов не стали мешать их отъезду, и Зайд смог также увезти с собой собственную семью. ‘Абдаллах, сын Абӯ-Бакра, также смог уехать из Мекки, увезя с собой мать, Умм-Рӯман, и двоих сестёр, Асму и ‘А’ишу. Асмә’, находившаяся замужем за аз-Зубайром ибн аль-‘Аувамом, двоюродным братом Пророка, была беременна, и её знаменитый сын ‘Абдаллах родился почти сразу, как они достигли Кубы. ‘Абд ар-Рахман, другой сын Абӯ-

³³ По-русски это слово обычно пишется как муэдзин. Оно означает человека, возглашающего призыв к молитве.

Бакра, по-прежнему непримиримо враждебный по отношению к религии Мухаммада, остался в Мекке, так же как и Абӯ-Қухāфа, отец Абӯ-Бакра, уже совсем дряхлый и слепой. Вскоре после прибытия семьи Абӯ-Бакра Мухаммад женился на ‘А’ише, которой тогда было девять лет. Никакого свадебного пира не было, но Са‘д ибн ‘Убāда, как потом рассказывала сама ‘А’иша, послал им кувшин свежего молока. ‘А’иша была первым ребёнком, родившемся в Исламе.³⁴

Число мусульман в Медине неуклонно росло, и евреи, которые весьма холодно приняли Пророка, стали осознавать, что Мухаммад — это не просто мимолётная глава в жизни их города, и что им придётся договариваться с Ним. Точно неизвестно, в какой форме проходили переговоры между Мухаммадом и еврейскими лидерами, которых звали Ка‘б ибн Асад из Банӯ-Курайза, Хуйй ибн Ахтāб из Бан ан-Надйр, и Мухайрайқ из Банӯ-Қайнуқā; но не вызывает сомнения, что в хартии, провозглашённой Пророком для всех обитателей оазиса и сплывающей все его разнородные элементы в единое общество, евреям была предоставлена свобода исповедовать собственную Веру. Их безопасность была гарантирована под защитой Ислама. Их нельзя было преследовать или унижать. Нельзя было помогать их врагам. В случае нападения на Медину евреи должны были принимать участие в её защите, а если они когда-нибудь стали бы драться на стороне мусульман, они должны были также разделить и финансовое бремя. Ни одна группа в оазисе не должна была вести войну или вступать в союзы без санкции Пророка. Хартия Пророка на первое место ставила взаимное доверие и преданность.

10 Бадр и Ухуд

Мусульманское летоисчисление начинается от хиджры³⁵ — Переселения Пророка. Этот календарь учредил, будучи халифом, ‘Умар ибн аль-Хаттāб. Первым месяцем стал мухarrам, хотя путешествие Пророка из Мекки в Медину произошло в месяце раб’ аль-ауваль, втором после мухarrама.

К окончанию первого года хиджры Мухаммад стал фактическим хозяином Медины. Мусульманская община этого оазиса быстро росла, и внешне казалось, что всё спокойно. Но Медина, выражаясь метафорически, была единственным спокойным оазисом во всей Аравии, и даже внутри самого города, в еврейских поселениях, тлело пламя ненависти, а мунāфикун постоянно мутили воду. Название этих людей, не единожды проклятых в Кур’ане, можно перевести как «лицемеры». Но, как указывает сэр Джон Глабб, этот «перевод не полностью передаёт смысл». Мунāфикун, во главе которых стоял жестоко обиженный ‘Абдаллāх ибн Убайй, были обманщиками, на словах признававшими Веру Мухаммада, но высмеивающие её при каждом удобном случае. Однажды их собственные родные не смогли более терпеть этого и выбросили их прочь из мечети.

До появления Пророка евреи во всём превосходили крестьян Ауса и Хазраджа. Духовно, культурно и финансово они были вне конкуренции; но сейчас, год спустя после прибытия Мухаммада, они чувствовали себя униженными и ничтожными, а потому были полны обиды и гнева. Даже мягкий Абӯ-Бакр как-то раз не смог более выносить их колкостей, и ударил еврея, высмеивавшего сбор милостыни; еврей заметил, что их Бог, должно быть, весьма жалок, если нуждается в милостыне.

Мекканцы, хотя и обогатившись за счёт конфискованного ими имущества мусульман, которое те вынуждены были бросить, бесились от того, что их планы потерпели поражение.

³⁴ ‘А’иша, третья жена Мухаммада, была дочерью Абӯ-Бакра — четвёртого мусульманина, спутника Мухаммада на Его пути в Медину, предоставившего Ему средства для побега; его таявшее состояние было всегда в распоряжении как Пророка, так и мусульманской общины. Абӯ-Бакр ожидал, что ему окажут такую честь.

³⁵ Некоторые писатели на Западе (в том числе и русскоязычные — *прим. перев.*) переводили «хиджра» как «бегство». Такое толкование совершенно безосновательно. (Варианты русского написания: геджра, гиджра.)

Мухаммад ускользнул из их рук как раз в тот момент, когда Его гибель казалась неизбежной, и строил для Себя крепость на севере, недалеко от их караванных путей в Сирию; Они полагали, что в будущем Он непременно нападет на них.

Бедуины тоже потеряли покой. Они были грабителями и ценили свободу пустыни. Пророк был добр и снисходителен к ним. Он хотел, чтобы они оставили кочевую жизнь и, став мусульманами, поселились в Медине, забыв свои грубые обычаи. Однажды некоего бедуина застали мочащимся в мечети. Мединцы, естественно, были вне себя от гнева, но Пророк велел им оставить бедуина в покое с такими словами: «Пусть хоть ведро нальёт, если хочет». Мухаммад был готов даже на это, лишь бы обуздать диких жителей пустыни.

Пророк знал, что рано или поздно мусульманам придётся столкнуться с отрядами варваров, шныряющих по всей Аравии. Вторая клятва, произнесённая на перевале 'Ақаба и связавшая семьдесят двух жителей Йасриба и Его Самого, содержала обещание биться за Него, если возникнет такая необходимость. Через три года этому обещанию суждено было подвергнуться проверке.

Полтора года спустя после прибытия Пророка в Медину Он внезапно и без каких-либо предварительных намёков изменил қибли (точку, к которой мусульмане обращаются во время совершения ежедневных обязательных молитв) с Иерусалима на Мекку. Западные учёные высказывали мнение, что Мухаммад поначалу выбрал Иерусалим с тем, чтобы снискать расположение евреев, но позже, обнаружив, что они не идут на контакт, отвернулся от Иерусалима в пользу Мекки. Никаких данных в поддержку этой теории, впрочем, не существует, и даже наоборот. Қалат, ежедневная обязательная молитва, была учреждена Мухаммадом в первые годы Его пастырства, когда мусульман можно было пересчитать по пальцам. Он никак не контактировал со сколько-нибудь значительными группами евреев на протяжении, по меньшей мере, последующего десятилетия. Нигде нет никаких записей о том, что Мухаммад рассказывал о Своей миссии хотя бы одному еврею. Не вызывает сомнения, что перед тем, как Мухаммад прибыл в Йасриб, у него не было ни единого последователя из евреев. В этом случае, зачем Ему было завоёвывать расположение евреев? Мусульмане на протяжении многих лет обращались во время молитвы к Иерусалиму, когда ни одного еврея не было не то что в пределах видимости, но даже на горизонте.

Как ни странно, это мнение высказывают не только западные учёные: в работе персидского историка XIX века Лисан аль-Мульк-и Сипихра «Нәсиҳ ат-Тавәрийх» можно встретить такое же голословное заявление, что Мухаммад, обращаясь к Иерусалиму, хотел «смягчить сердца евреев». Ещё более нелепым выглядит заявление Сипихра, что всё это время Пророк будто бы скорбел об этом, и жаловался Ангелу Гавриилу, что хочет, чтобы Бог позволил обращаться к Мекке, которая была также Местом Поклонения для Авраама, Его предка. Эта абсурдная история получает своё дальнейшее развитие: Гавриил якобы уверял, что здесь он бессилен, и советовал Пророку молиться и просить Бога о ниспослании соответствующей заповеди. Такое состояние дел, согласно Сипихру, тянулось до тех пор, пока однажды Гавриил не принёс Мухаммаду, с величайшей радостью, откровение, позволившее изменить қибли. Топорность истории Сипихра, которую он, должно быть, откопал в произведениях какого-нибудь другого, столь же легковёрного автора, просто невероятна.

Вот стих, который позволил Мухаммаду изменить қибли:

Мы зрим Тебя свыше, как Ты обращаешь лицо Своё к небесам;
но Мы обратим Тебя в направлении (қибли), что возрадует Тебя.
Обрати лицо Своё к Святой Мечети; и где бы ни были вы, обращайтесь лица свои к ней.

Те, кому была дана Книга, знают, что сие — истина от их Господа;
 Бог не беспечен о том, что делают они.³⁶

Как евреи, так и идолопоклонники одинаково презрительно отозвались об этой перемене. Стих 136 той же сūры опровергает их пустые возражения:

Глупцы среди людей скажут:
 «Что отвратило их от направления,
 коего держались они во время молитвы прежде?»
 Скажи:
 «Богу принадлежат Восток и Запад;
 Он направляет, кого угодно Ему,
 на прямую стезю».

Стих 109 также ссылается на вопрос о қибли и на придирки противников Пророка:

Богу принадлежат Восток и Запад;
 куда бы вы ни обратились, там Лик Божий;
 Бог — Всеобъемлющий, Всезнающий.

Повеление поститься в течение всего месяц рамадāна также было установлено во втором году хиджры. Наставления касательно поста содержатся в стихах 179-183 той же сūры аль-Бақара.

В этом же втором году Фāтима, дочь Мухаммада, был выдана замуж за ‘Алй. Эта свадьба тоже была весьма простой. ‘Алй был беден, как и Мухаммад, а пиры стоили недешево. Чтобы обеспечить Свою дочь немногими необходимыми ей вещами, Мухаммад был вынужден продать Своё оружие. Его купил ‘Усмāн ибн ‘Аффāн, чьи дела процветали. Деньги отдали Абū-Бакру и послали его сходить на базар. Рассказывают, что когда Мухаммад увидел, что купили на эти деньги, Он был так тронут скудостью этих вещей, что на глаза Его навернулись слёзы, и Он сказал: «О Боже! Благослови тех, чья посуда почти целиком сделана из глины».

В том же году начались набег и стычки, вылившиеся в битву при Бадре и её следствие — битву при Ухуде. Этим битвам суждено было приобретать всё больший размах, пока, наконец, вся Аравия не признала Исламскую Веру. При Бадре мекканцы были наголову разгромлены, а при Ухуде сокрушительное поражение потерпели мусульмане. Обычно западные писатели утверждают, что зачинщиком войны выступил Мухаммад. Они не одиноки в таком мнении. Некоторые писатели-мусульмане полагают, что позволение вести войну против идолопоклонников, содержащееся в стихе 40 двадцать второй сūры (аль-Хаджж — «Паломничество»), означало приказ напасть и уничтожить врага. Этот стих и следующий за ним гласят: «Дозволение пожаловано тем, что сражаются, ибо они обижены были, а Бог, воистину, в силах помочь им, — тем, что несправедливо изгнаны из своих домов за то, что они говорили: “Господь наш — Бог”. И если бы не отвратил Бог людей, одних посредством других, то разрушены были бы монастыри и церкви, синагоги и мечети, в коих часто поминается имя Божие. И, воистину, Бог дарует победу всякому, кто дарует Ему победу, ведь Бог — Всемощный, Преславный».

Но такие учёные, как сэр Томас Арнольд, автор книги «Проповедь Ислама», и Сейид Амир Али отмечают, что агрессивное и угрожающее поведение идолопоклонников вынудило Мухаммада действовать, потому что Он был уже не только *Назйром* и *Баийром*,³⁷ но и правителем большого оазиса, что влекло за собой чёткие обязанности по отношению к его обитателям. Он должен был обеспечить защищённость и безопасность жителей Медины, а внутри самого оазиса Ему приходилось остерегаться колеблющихся и изменников, готовых предать своих сограждан при первой же возможности. Сейид Амир Али пишет:

³⁶ Сūра II аль-Бақара — «Корова», стихи 139 и 136.

³⁷ См. стр. 11.

«Он, никогда в своей жизни не державший в руках оружия, в ком зрелище человеческих мучений вызывало острую боль и сострадание и кто, против всех арабских канонов мужества, горько оплакивал смерть своих детей и учеников; он, чей характер всегда оставался таким нежным и склонным к жалости, что враги звали его “женщиной”, — этот человек теперь вынужден был, в силу обстоятельств и против всех своих наклонностей, отражать атаки врага с помощью вооружённой силы, организовывать своих последователей для самообороны, а зачастую и высылать патрули в ожидании вероломных и неожиданных нападений. До той поры арабские войны ограничивались внезапными и кровопролитными набегами, зачастую совершаемыми под покровом ночи или ранним утром, отдельными схватками или общей рукопашной, когда атакующие понимают замысел атакующих. Мохаммед, великолепно зная привычки своего народа, должен был постоянно остерегаться этих непредсказуемых ударов, высылая разведывательные отряды».³⁸

Вылазки, которые вёл Сам Пророк, известны как «газва», а остальные — как «сарййа». Многие из них заканчивались без стычек. Профессор Монтгомери Уатт полагает, что безрезультатность некоторых из них была обязана шпионажу со стороны врагов Мухаммада в Медине, которые уведомляли мекканцев о Его намерениях. Число газв точно никому не известно. Некоторые говорят, что их было 27, но только в девяти имели место столкновения. Столь же разнородные мнения существуют и касательно сарййа.

Согласно одному из рассказов, первой вылазкой была газва; согласно другой — сарййа. В первом утверждается, что Мухаммад с шестьюдесятью воинами дошёл до Абвы — деревни между Мединой и Меккой; старейшина этой деревни, Мусанна ибн ‘Амр, вождь Бану-Дамра, вышел к Нему с миром. Мухаммад остался в Абве на пятнадцать дней, и никакой битвы не было. Первую сарййа вёл Хамза, дядя Пророка. С тридцатью воинами он дошёл почти до моря, значительно углубившись на территорию, контролируемую кланом Джухайна. Они встретили Абуджахля в сопровождении примерно трёх сотен воинов. Маджд ибн ‘Амр из Джухайны вмешался и предотвратил столкновение. Позже Пророк похвалил Маджда за проницательность. Но когда Абуджахль достиг Мекки, он стал подбивать её граждан на немедленные действия против Мухаммада, собрав войско под предводительством ‘Икримы, своего сына. Новость об этом вскоре достигла Медины, и Пророк послал навстречу мекканцам шестьдесят воинов из числа Переселенцев, под командованием ‘Убайды ибн аль-Хариса. Два человека среди идолопоклонников, которым до этого времени удавалось скрывать своё обращение, воспользовались этим благоприятным моментом, чтобы присоединиться к своим братьям-мусульманам. ‘Икрима был разгневан их дезертирством, и приказал немедленно идти в атаку. Последовала взаимная перестрелка из луков. Первая стрела в направлении мекканцев была выпущена Са‘дом ибн Абй-Ваққасом, которому в будущем было суждено весьма прославиться. Что произошло дальше, в точности неизвестно. Судя по всему, мекканцы испугались и оставили поле боя. Так или иначе, никаких потерь никто не понёс. За этими бесплодными набегами последовали другие, столь же бесплодные. В Зу-ль-‘Ушайра, недалеко от прибрежного города Йанбу‘, Мухаммад не нашёл никаких следов қурайшитов, которые якобы находились где-то рядом, но пребывание там дало Ему возможность заключить мир с некоторыми вождями племени Бану-Мудлидж.

Затем қурайшиты совершили тайный набег и увели с пастбищ, принадлежавших мекканцам, верблюдов и другой скот. Мухаммад, взяв с Собой несколько Переселенцев, отправился в погоню, преследуя их до самого Бадра, но идолопоклонникам удалось ускользнуть. Однако следующая вылазка, сарййа, могла иметь очень серьёзные последствия. ‘Абдаллах ибн Джахш, двоюродный брат Пророка, был послан Им, во главе двенадцати человек, на разведку. Они встретили мекканский караван, возвращавшийся с товарами из Та’ифа. Около Бану-Нахла произошла стычка. ‘Амр ибн аль-Хадрамй, из қурайшитов, был убит, а два его соотечественника попали в плен к мусульманам, вместе с богатыми трофеями. Но случилось так, что это был по-

³⁸ «Дух Ислама» (The Spirit of Islam), стр. 61.

следний день месяца раджаб — одного из четырёх, когда военные действия были запрещены. По мере того, как разлетались новости, что мусульмане воюют в месяц раджаб, отовсюду посыпались обвинения. Даже евреи присоединились к ним. Мусульмане упали духом. Мухаммад запретил делить захваченную добычу. На протяжении нескольких дней 'Абдаллах ибн Джахш и его спутники роптали и были изрядно встревожены. Но, ко всеобщему облегчению, Мухаммаду пришло откровение, где возглашалось:

«Они спросят тебя о священном месяце и сражении в нём. Скажи: "Сражение в нём достойно порицания, оно заграждает путь к Богу и отрицает веру; но пред очами Божиими ещё хуже изгнание людей из Святой Мечети, и фитна³⁹ более оскорбительна, чем убиение». (Сӯра II, 214.)

Всё было готово для первой битвы с идолопоклонниками — великой битвы при Бадре.

БАДР

Осенью 2 года хиджры (623 от Р. Х.) Абӯ-Суфйāн повёл ежегодный мекканский караван в Сирию. С ним отправилось довольно много процветающих мекканских купцов. Они должны были вернуться весной. Мухаммад послал двух человек, чтобы выяснить местонахождение каравана, но они заблудились и вернулись назад в Медину без каких-либо новостей. Мухаммад тогда послал ещё двух человек на разведку, и они преуспели в поисках, но их пребывание рядом с Бадром стало известно Абӯ-Суфйāну. Он немедленно повернул обратно в Сирию, откуда только что пришёл. Он также послал гонца в Мекку, чтобы поднять тревогу. Затем, с помощью 'Амр ибн аль-'Аса, он сделал крюк, вышел к морю у Джидды, и в целости и сохранности довёл караван до Мекки. Тем временем Мухаммад отправился из Медины с 314 воинами, а мекканцы, в свою очередь, вышли защищать свой караван.

До этого момента участниками походов под водительством Пророка были исключительно Переселенцы, но в этот раз их было только 83 человека, тогда как Помощников — почти в три раза больше: 61 аусит и 170 хазраджитов. Такие цифры называет ибн-Хишām. На всех приходилось только две лошади и семьдесят верблюдов. Был месяц рамадāн, и Мухаммад прекратил поститься немедленно, как только они вышли из города. Но многие из Его воинов не стали следовать Его примеру. На другой день Он послал к ним глашатая, который провозгласил: «О непокорные! Я прекратил поститься, и вы поступайте так же».

В нескольких переходах от города к ним присоединились два мединца, которые не были мусульманами. Мухаммад спросил, что побудило их так поступить. Они честно ответили, что их интересует добыча. Пророк сказал: «Тот, кто не нашей Веры, не может идти с нами». Хубайб ибн Йасāф стал мусульманином и пошёл с ними. Қайс ибн аль-Хāрис отказался и уехал назад, но впоследствии, когда мусульмане возвратились с победой, пожалел об этом. Қайс погиб в битве при Ухуде. Дамдам ибн 'Амр — гонец, которого Абӯ-Суфйāн отрядил в Мекку, — достиг её за рекордное время и призвал народ поспешить на выручку своему каравану. Некоторые из выдающихся мекканцев, такие, как Абу-ль-Бахтарй и аль-Хāрис ибн 'Амир, наотрез отказались отправиться в этот поход, тогда как другие — Абӯ-Джахль, Ту'айма ибн 'Адй и Ханзала, сын Абӯ-Суфйāна, со всей энергией бросились собирать людей и оружие. Все кланы присоединились к этой экспедиции, кроме клана 'Адй ибн Ка'б, который отказался биться против Мухаммада. В этот момент Абӯ-Лахаб заболел и отправил вместо себя аль-'Аса ибн Хишāма. Последний был должен Абӯ-Лахабу большую сумму денег, в зачёт которой он и заменил его, но в битве при Бадре аль-'Ас погиб. Другим бунтарём оказался Умаййа, сын Халафа. По его словам, он был слишком стар и тучен, чтобы отправляться на войну. Но Абӯ-Джахль и 'Уқба, сын Абӯ-Му'айта, стали сурово упрекать его. 'Уқба, который за несколько лет перед этим плевал Мухаммаду в лицо по просьбе Умаййи, подошёл к последнему с курильницей для благово-

³⁹ Это слово переводится как «раскол», «подстрекательство», «преследования».

ний. «Сиди дома и душись духами, как женщина», — высмеивал он его. В итоге Умаййа вынужден был отправиться со всеми, чтобы встретить свою смерть при Бадре. ‘Аббас, дядя Пророка, всё ещё занимавший выжидательную позицию, никак не готовился к походу. На увещевания ‘Укбы он отвечал, что он уже старик, неспособный биться, и потому отправит вместо себя сыновей — ‘Абдаллаха, ‘Убайдаллаха, Фадла и ‘Усмана. Абү-Джахль был в гневе и угрожал по возвращении изгнать из Мекки всех ещё остававшихся там членов Дома Хашима, поскольку в глубине души они сочувствовали Мухаммаду. Другие старейшины Мекки соглашались с ним в этом. Таким образом, ‘Аббас вынужден был тоже начать приготовления. Он был так взбешён, что отказался взять с собой кого-то иного, кроме одного раба. Но его племянники — Науфаль, Талиб и ‘Акйль (последние два — братья ‘Али), беспокоясь, что его возраст скажется на нём, решили сопровождать его.

Қурайшиты встали лагерем около Мекки, имея в своём распоряжении 950 воинов, сотню лошадей и семьсот верблюдов — огромное войско по сравнению с мусульманским. Богатые старейшины — Абү-Джахль, ‘Утба, Шайба, Зам‘а и восемь остальных — взяли на себя снабжение армии, сменяясь поочерёдно в этом качестве каждый день. ‘Аддас, тот самый раб-христианин, который принёс Мухаммаду виноград в Тә’ифе, предупредил своих хозяев, что человек, с которым они собрались бороться, — подлинный Посланник Божий, и всё это должно плохо кончиться. Братья ‘Утба и Шайба были убиты при Бадре.

Ни один лагерь не был свободен от сомнений. Вторая клятва на ‘Ақабе заверяла Пророка в поддержке жителей Медины, но должны ли они защищать Его в пустыне — это оставалось спорным вопросом. Са‘д ибн Му‘аз, ауситский лидер, пообещал, что ансариты пойдут за Ним в любой опасности. Қурайшиты, выйдя из Мекки с целью биться против Мухаммада, получили весть от Абү-Суфйана, что их караван в безопасности. Теперь, когда *casus belli* исчез, возник серьёзный вопрос — следует ли им вернуться в Мекку. Абү-Джахль обратился к старейшинам Мекки исключительно пламенную речь и уговорил қурайшитов не быть трусами. Привели ‘Абдаллаха, брата убитого мусульманами в стычке в последний день раджаба ‘Амра ибн аль-Хадрамй. Разодрав на себе одежды, он взывал к мщению. ‘Утба и Шайба, которые склонялись к тому, чтобы отказаться от похода и возвратиться в Мекку, вынуждены были смириться. Но клан Зухра, также как и Талиб, брат ‘Али, отказались идти и вернулись домой. Обе стороны к этому моменту уже слали разведчиков, чтобы выяснить, насколько далеко продвинулся противник.

На подходе к колодцам Бадра Мухаммад объявил привал. Хубаб ибн аль-Мунзир спросил Его, почему Он выбрал именно это место — в результате откровения, или это Его личный выбор? Узнав, что они разбили здесь лагерь в результате собственного решения Мухаммада, а не по велению свыше, Хубаб стал горячо возражать и настаивать, чтобы они продвинулись вперёд и заняли колодцы, отрезав, таким образом, қурайшитов от воды. Мухаммад принял его совет и сменил позицию как раз в тот момент, когда қурайшиты выдвинулись к ним из-за холма.

Рано утром 15 марта (это был 624 год), Мухаммад получил откровение: «Если станут склоняться они к миру, и ты поступай так же; и уповай на Бога; Он, воистину, Всеслышащий, Всезнающий» (Сүра VIII, 63.) Он послал ‘Умара на переговоры с қурайшитами. ‘Умар сказал им, что Мухаммад не желает драться, ибо все они — Его друзья, знакомые и родня. ‘Утба ибн Рабй‘а, который всё это время изо всех сил пытался предотвратить столкновение, стал обходить мекканцев и умолять их прислушаться к словам Мухаммада, что принёс им ‘Умар. Он сам, объявил ‘Утба, отдаст им цену всех товаров, что мусульмане захватили у них при Банү-Нахла, и заплатит выкуп за кровь ‘Абдаллаха ибн аль-Хадрамй. Но Абү-Джахль, непримиримый враг Мухаммада, вновь вмешался, распалая гнев қурайшитов, и открыто обвинил ‘Утбу в трусости. Отступление стало невозможным, нужно было идти в бой.

‘Утба, уязвлённый оскорблениями, что бросил ему Абү-Джахль, выступил вместе с братом Шайбой и сыном аль-Валидом, и стал вызывать кого-нибудь из мусульман на поединок. На встречу им вышли три ансара, но ‘Утба объявил, что, признавая смелость этих противников,

они хотели бы драться со своими родственниками. Поэтому воины из ансаров вернулись назад, а Мухаммад послал на бой с тремя мекканцами 'Али, Хамзу и 'Убайду ибн аль-Хариса из Дома Мутталиба. Мекканцы были убиты, но 'Убайда тоже был смертельно ранен. Его отнесли к Пророку, Который укрывался под навесом из пальмовых ветвей. Вместе с Пророком находился Абү-Бакр, перед навесом стоял Са'д ибн Му'аз и ещё несколько человек, а позади были привязаны верблюды, готовые увезти Его прочь, если ситуация обернётся против Него. «Мученик ли я?» — спросил 'Убайда, на что Мухаммад ответил: «Воистину так». Затем, оплакивая 'Убайду, Мухаммад воскликнул: «О Боже! Исполни то, что Ты обещал мне, исполни то, что Ты обещал мне, исполни то, что Ты обещал мне! Если эти мусульмане погибнут, никого не останется на Земле, кто поклонялся бы Тебе».

Мухаммад пытался предотвратить битву, но не смог этого сделать; и что странно, первыми жертвами среди қурайшитов стали те самые люди, которые всегда стремились к миру. Мухаммад стал обходить ряды Своих сторонников, стремясь укрепить их дух. Врагов было в три раза больше, и они имели куда лучшее снаряжение и оружие. Один молодой человек, 'Умайр ибн аль-Химам, стоявший рядом с Пророком, праздно ел финики, когда услышал призыв Мухаммада. Он отбросил прочь свои финики и воскликнул, что между ним и Раем стоит только смерть, и что именно смерти мученика он жаждет. Он бросился в рукопашную схватку и был немедленно сражён.

Пали также и вожди қурайшитов, один за другим: Ту'айма, сын 'Адй; Ханзала, сын Абү-Суфйана; Зам'а, сын аль-Асвада, и его брат аль-Харис. Зам'а был отцом Сауды, которую Пророк взял в жёны после смерти Хадйджии. Абү-Бакр увидел, что его собственный сын 'Абд ар-Рахман бьётся против мусульман, и стал горько упрекать его, но услышал только сухой ответ. Два брата из ансаров, которых звали Му'аз и Ма'уз, старались отыскать Абү-Джахля, который, как они знали, был непримиримым врагом Пророка, на протяжении нескольких лет жестоко истязавшим Его. Стоя поблизости от 'Абд ар-Рахмана ибн 'Ауфа, они попросили его показать им Абү-Джахля, после чего набросились на последнего и повергли его наземь. В этот момент подоспел 'Икрима и, стремясь отомстить за своего отца, нанёс Му'азу удар, который почти перерубил тому руку. Му'аз, не осознавая, какую ужасную рану он получил, продолжал биться, пока вес руки, которая болталась на полоске кожи, не надоел ему, и он не оторвал её, наступив на неё ногой. Удивительно, но он восстановился после этой раны и жил ещё много лет, тогда как его брат Ма'уз был убит.

'Абдаллах ибн Мас'уд, также один из ансаров, нашёл Абү-Джахля, когда тот был на пороге смерти. В этот момент қурайшиты уже обратились в беспорядочное бегство, бросая оружие, чтобы легче было бежать; они потеряли семьдесят человек убитыми, семьдесят четыре были взяты в плен, и победителям достались богатые трофеи. Мусульмане потеряли только четырнадцать человек — шесть мухаджирун и восемь ансар. Умиравшие идолопоклонники спросили, кому досталась победа. 'Абдаллах ответил: «Богу и Его Пророку». Но Абү-Джахль вёл себя вызывающе до самого конца. 'Абдаллах добил его и отнёс его голову Пророку. Мухаммад долго смотрел на неё, а потом сказал: «Этот человек был фараоном для нашего народа».

'Абд ар-Рахман ибн 'Ауф обнаружил Умайю ибн Халафа, который беспомощно сидел среди мёртвых. Умайя был слишком стар и толст, чтобы бежать — как он и сам заявлял, ещё будучи в Мекке. Не было у него и коня, который унёс бы его прочь. Его сын 'Адй не мог бросить его на произвол судьбы, но тоже ничего не мог сделать, чтобы спасти себя или своего отца. 'Абд ар-Рахман и Умайя были знакомы друг с другом. Когда-то в прошлом, которое сейчас казалось таким далёким, они были друзьями. 'Абд ар-Рахман формально взял Умайю и 'Адй в плен, но как раз в этот момент на них наткнулся эфиоп Билал, который был рабом Умайи и терпел пытки от его рук. Узнав своего прежнего хозяина, он стал так отчаянно проклинать его, что возражения 'Абд ар-Рахмана пропали втуне: и Умайя, и 'Адй были убиты.

Абу-ль-Бахтарй заступился во время бойкота за Дом Хашима. Пророк велел сохранить ему жизнь. Однако судьба судила иначе, поскольку Абу-ль-Бахтарй не хотел бросить своего друга,

и оба они встретили свою смерть на поле брани. Ан-Надр ибн аль-Х̄арис и ‘Уқба ибн Абй-Му‘йт были казнены за свои злодеяния. Эти люди делали всё возможное, чтобы принизить Мухаммада и Его веру. Ан-Надр любил следовать за Мухаммадом по улицам Мекки, высмеивая Его слова и рассказывая невероятные персидские сказки, который, по его словам, были ничуть не хуже историй Мухаммада. ‘Уқба не упускал ни одного случая оскорбить Пророка.

Мёртвые қурайшитов были похоронены в одной общей могиле. Мухаммад подошёл к разверстой яме и произнёс такие слова: «О народ ямы! Исполнилось ли то, что ваш бог обещал вам? То, что мой Бог обещал мне, исполнилось». Абӯ-Хузайфа, сын ‘Утбы, увидев тело своего отца в этой яме, был видимым образом тронут, и сказал Пророку, что его отец был здравомыслящим, добрым и культурным человеком; ему было очень жаль, что он умер неверующим. ‘Утба действительно выказал как сострадание, так и миролюбие.

Возник вопрос, что делать с пленными. ‘Умар считал, что их надо всех умертвить. Среди них были ‘Аббас и его племянники, а также Абӯ-ль-‘Ас, муж дочери Пророка, Зайнаб. Мудрый и великодушный Абӯ-Бақр, предложил отпустить их за выкуп. Мухаммад согласился, и мекканцам было передано, чтобы они забирали своих родственников. ‘Аббас сослался на то, что он мусульманин, и его не следует заставлять платить выкуп. Но он сражался в рядах идолопоклонников, и Пророк знал, что Его дядя, как очень богатый человек, пытается взять самое лучшее от обоих миров. В итоге ‘Аббасу пришлось выкупать как самого себя, так и своих бедных племянников. Зайнаб послала дорогое ожерелье, перешедшее к ней от матери, чтобы купить свободу своему мужу. Увидев ожерелье Хадиджи, Пророк заплакал, и мусульмане решили не класть его в общую кучу. Абӯ-ль-‘Ас был любимым племянником Хадиджи, но не захотел признать Пророка, и, добравшись до Мекки, послал Зайнаб в Медину, как и обещал. Его история, однако, закончилась счастливо. Несколько лет спустя он стал мусульманином и воссоединился с Зайнаб. Руқаййа, ещё одна дочь Мухаммада, умерла, когда Пророка не было в Медине. Её муж, ‘Усмāн ибн ‘Аффāн, оставался с ней. Несмотря на это, Мухаммад включил ‘Усмāна в число участников битвы при Бадре. Пленные, у которых не было денег на выкуп, были освобождены с условием, что они никогда больше не выступят против мусульман с оружием в руках. Прежде, чем обрести свободу, они должны были научить мекканцев читать и писать. Мекканские купцы были гораздо грамотнее крестьян Медины.

В Мекке воцарилось беспросветное отчаяние. Абӯ-Лахаб не мог поверить вестям о несчастье, когда они достигли его, и со всей поспешностью, которую только позволяло ему развить его тучное и нездоровое тело, бросился к источнику Замзам, где собралась изрядная толпа. Он не смог пережить шок от поражения и через неделю скончался. Мекка лишилась почти всех своих старейшин, и главным стал Абӯ-Суфйāн, который был полон решимости отомстить за гибель қурайшитов. Некоторые мекканцы вознамерились помешать отъезду Зайнаб, дочери Пророка, но она уже покинула город. Абӯ-Суфйāн отправился вместе с ними в погоню. Хаббар ибн аль-Асвад и Нāфй‘ ибн ‘Абди-ль-Қайс догнали Кинāну, брата Абӯ-ль-‘Аса, который вёл в поводу верблюда, нёсшего на себе паланкин с Зайнаб. Хаббар поднял копьё, намереваясь атаковать её, но Кинāна, мастерски владевший луком, чуть было не застрелил Хаббара и его спутников, если бы Абӯ-Суфйāн не подоспел в этот момент и не предотвратил кровопролитие. Однако у беременной Зайнаб в результате потрясения от атаки Хаббара случился выкидыш. Мы ещё услышим о Хаббаре вновь на этих страницах.

Одним из пленников в Медине был человек по имени Вахб. Его отец, ‘Умайр, был беден и не мог заплатить выкуп за своего сына. Сафвāн, сын Умайи ибн Халафа, заключил с ‘Умайром тайный договор о том, что он позаботится о его семье и выплатит его долги, если последний поедет в Медину, сделав вид, что хочет просить Мухаммада об освобождении Вахба, но вместо этого попытается убить Пророка при первой же возможности. Но Мухаммад раскрыл его, и оба — ‘Умайр и его сын — приняли Ислам. Мухаммад послал их назад в Мекку, чтобы они водили мусульман через пустыню, когда возникнет такая необходимость.

Битва при Бадре — знаменательная веха в истории человечества. Её положительный исход обеспечил выживание Ислама. Если бы мусульмане были побеждены в этот день, тогда бы вся общественная система Медины рухнула, и Мухаммаду негде было бы закрепиться. Летописцы, смаковавшие рассказы об ангельских воинствах, нисходящих с неба, чтобы уничтожить идолопоклонников при Бадре, в действительности принизили значимость этого дня.

Убийство вскоре после событий при Бадре иудейки по имени 'Асмā, а также изгнание примерно через два месяца после этого еврейского племени Банū-Қайнуқā указывают на то, что опора Пророка в Медине на тот момент была отнюдь не столь прочна. 'Асмā, дочь Марвāна, знаменитая поэтесса, постоянно писала сатиры на Мухаммада и Его Веру. Арабы в целом всегда любили поэзию, и она оказывает на них глубокое воздействие, особенно когда её читают экспрессивно и ярко. Мухаммад жестоко страдал от враждебных поэтов. Он Сам весьма расстроился, когда его называли «очередным поэтом» (притом посредственным), которого другие поэты могут превзойти. Слепой мединец по имени 'Умайр ибн 'Адй вознамерился, исключительно по собственной инициативе, избавить мусульман от едкого язычка 'Асмы. Традиционное повествование об этом убийстве довольно необычно. Рассказывают, что он, хотя и будучи слепым, как-то ночью смог пробраться в дом 'Асмы, где нашёл её в кровати с её детьми, одного из которых она кормила грудью. Оттолкнув детей в сторону, он приставил кинжал к груди 'Асмы и давил до тех пор, пока не проткнул её насквозь. Но почему 'Асмā не сделала никакой попытки защититься или убежать? Этой истории трудно поверить. Другой еврей, Абū-'Афак, тоже поэт, насмехавшийся над Мухаммадом, был убит вскоре после этого; поскольку он был очень стар — якобы ему исполнилось сто двадцать лет, — то убийца, Сāлим ибн 'Умайр, должно быть, одолел его без особого труда.

Цепочка событий, приведшая к изгнанию Банū-Қайнуқā, началась, согласно ибн-Хишāму, с публичного унижения мусульманской женщины, совершённого евреем на базаре этого клана. Мусульманин, видевший это, убил еврея на месте и немедленно был убит сам, когда евреи набросились на него. Мухаммад послал за старейшинами из Банū-Қайнуқā и напомнил им о заключённом с ними пакте, но они ответили насмешками и удалились, уверенные, что легко одержат над Ним верх. Однако двухнедельная осада убедила их, что лучше сдаться. 'Убāда ибн ас-Сāмит, из ауситов, у которого были союзнические связи с Банū-Қайнуқā, отрёкся от них, тогда как 'Абдаллāх ибн Убайй из ҳазраджитов — нет. Мухаммад приказал изгнать их из Медины, и задача убрать их из города была поручена 'Убāде, их бывшему союзнику. Они отправились на север, где присоединились к своим братьям по вере, а их дома и имущество перешли к мусульманам. Странно, что два других еврейских клана Медины, Бан ан-Надйр и Банū-Курайза, не сделали никакой попытки придти им на помощь.

Как только между Мединой и Меккой началась война, всем, вероятно, стало ясно, что в условиях Аравии никогда не сможет быть прочного мира между двумя противоборствующими сторонами. В Мекке бурлило возмущение и желание отомстить. В Медине многие по-прежнему колебались или были настроены откровенно враждебно к Пророку, тайно торгуя с қурайшитами; они готовы были пойти на что угодно, лишь бы ослабить позиции Мухаммада. У Пророка тоже были свои люди в Мекке и вокруг неё, посылавшие Ему новости о деятельности қурайшитов и их союзников. Есть записи о ряде разведывательных рейдов и газв в течение нескольких месяцев после битвы при Бадре. Один раз Абū-Суфйāн совершил молниеносный набег, добрался почти до Медины, убил одного или двух человек, уничтожил несколько домов и пальм, и быстро вернулся обратно. Мухаммад бросился в погоню, но Абū-Суфйāн был уже далеко. Эта вылазка Пророка носит имя «газва савйқов», потому что Абū-Суфйāн — очевидно, спеша достичь безопасного места, — велел своим людям бросить мешки с савйқами (лепёшками из пшеницы или ячменя), чтобы они могли ехать быстрее, и эти мешки достались преследователям. Вскоре Пророк услышал о том, что члены племени Банū-Сулайм и Ғатафāн таятся в засаде поблизости от Медины, готовые нанести удар от имени қурайшитов. Но они поспешно бежали, узнав о намерении Пророка выступить им навстречу. В итоге было захвачено и приведено в Мекку множество верблюдов.

Вскоре после этого ряд представителей племени Банū-Са‘лаба собрались при Зū-Амр, надеясь захватить мединцев врасплох. Муḥаммад вновь выступил лично во главе отряда из четырёхсот пятидесяти человек. Однако Он не смог вступить в бой, потому что противники, услышав о приближении Пророка, заняли позиции на вершинах скал. Жизнь Пророка во время этой вылазки оказалась в опасности, когда вождь одного из враждебных кланов обнаружил Муḥаммада одного и безоружного. Муḥаммад, однако, одержал над ним верх и отослал его назад к его племени. Это произошло в июне 624 года; в августе пришла весть, что отряд представителей Банū-Сулайм собрался в Баḥрāне, к востоку от Медины. Но они тоже рассеялись по пустыне, как только узнали, что Муḥаммад отправился им навстречу.

Зайд, приёмный сын Пророка, вскоре после этого возглавил вылазку против каравана курайшитов, шедшего обходным путём в Сирию. После битвы при Бадре мекканцы решили не водить караваны поблизости от Медины. Одним из вожаков вышеупомянутого каравана был Ṣафвāн, который, после смерти своего отца Умайи ибн Ḥалафа при Бадре, достиг в Мекке видного положения. Зайд одержал победу: вожаки каравана бежали, бросив все товары.

В первые месяцы третьего года хиджры были убиты ещё два известных еврея, Ка‘б ибн аль-Ашраф и Саллām (также известный как Абū-Рāфи‘) ибн Аби-ль-Ḥуқайқ, — первый ауситам, а второй — ḥазраджитами. Ка‘б тоже был из числа поэтов, наполовину евреем по крови; он осыпал бранью Муḥаммада и превозносил Его врагов. После битвы при Бадре он поспешил в Мекку, чтобы выразить курайшителям соболезнования и призвать их к отмщению. Поскольку он жил поблизости от Медины вместе с евреями Бан ан-Надйр, его присутствие рядом с Мединой постоянно угрожало безопасности и спокойной жизни города. Говорят, что однажды Пророк воскликнул: «Кто избавит меня от ибн аль-Ашрафа?» После чего Муḥаммад ибн Маслама, вместе с Абū-На‘илом, молочным братом Ка‘ба, разработали план. Они втёрлись к поэту в доверие, выманили его из его крепости и закололи. На следующий день родственники Ка‘ба пришли к Пророку с вопросом, почему Он закрывает глаза на убийство одного из членов их клана. Муḥаммад рассказал им о непрестанных усилиях Ка‘ба подорвать Его позиции и полностью разрушить спокойную жизнь Медины своей ругательной, но яркой поэзией, которая стала проклятием для всех окрестных земель. Не в силах возразить что-либо в ответ на обвинения в адрес ибн аль-Ашрафа, его родные тихо удалились.

Ауситы повергли могущественного и непримиримого врага; ḥазраджиты вознамерились свершить что-нибудь столь же выдающееся. Выбор естественным образом пал на Абū-Рāфи‘, богатого купца, владевшего замком поблизости от еврейского поселения Ḥайбар на севере. Непримирымый враг Пророка, он постоянно пытался настроить против Муḥаммада как своих собратьев по вере, так и представителей жившего поблизости племени Ḡаṭафāн. Поскольку Абū-Рāфи‘ жил далеко от Медины, было трудно как добраться к нему, так и получить доступ в его крепость. Кроме того, незваный гость, незнакомый с планом крепости и обычаями её обитателей, мог легко заблудиться там и попасть в ловушку. ‘Абдаллāх ибн ‘Атйк, выбрав себе в подмогу четырёх спутников, отправился на север, ни у кого не вызвав подозрений. Хитростью он проник в крепость перед самым заходом солнца, когда сторож уже готовился закрыть ворота на ночь. Сгущающаяся тьма скрыла его, пока он искал место, где мог бы спрятаться и наблюдать за обычаями жизни в крепости. Абū-Рāфи‘ постигла та же участь, что и Ка‘ба. Спеша убраться прочь, ‘Абдаллāх упал с лестницы и сломал себе лодыжку, но ему удалось выкрасть главный ключ от крепости и присоединиться к своим спутникам.

УХУД

Абū-Суфйāн с самого своего налёта на окрестности Медины готовился к решительным действиям, собирая деньги и людей и пытаясь заключить союзы с кланами пустыни. Весной 625 года всё было готово для тайного похода на Медину. ‘Аббās, дядя Пророка, со всей возможной поспешностью послал гонца к Племяннику, чтобы предупредить Его о надвигающейся атаке. Муḥаммад созвал военный совет. Сам Он считал, что им лучше не выходить из города

навстречу врагам, а позаботиться о своих укреплениях и ожидать подхода мекканцев. Но молодёжь Медины, ожидая повторения победы при Бадре, настаивала на том, чтобы встретить курайшитов в открытом бою. Мухаммад уступил их желанию. Когда Пророк надел Свои доспехи и воины собрались, оказалось, что их только тысяча, причём на всех приходится только две лошади и двести панцирей. Некоторые выразили сомнение в избранной стратегии и заметили, что при таком раскладе мудрее было бы остаться под защитой стен Медины. Мухаммад отказался менять планы в последнюю минуту и сказал Своим людям, что если уж Пророк обнажил Свой меч, то вкладывать его обратно в ножны из страха будет недостойно.

Армия Мекки представляла собой внушительное зрелище: пять тысяч человек, три тысячи верблюдов, две сотни лошадей, семьсот панцирей, плюс пятнадцать паланкинов, в которых расположились жёны аристократов и вождей. Женщины воодушевляли мужчин на великие подвиги, распевая песни и читая стихи; но сам факт того, что их вывозят из Мекки, подвергая опасностям войны, свидетельствовал о железной убеждённости организаторов похода в успехе. Во главе мекканской армии стоял Абӯ-Суфйāн, поддержанный (помимо немногих членов старой гвардии) представителями нового поколения, среди которых были Ҷафвāн и 'Икрима (отцы которых погибли при Бадре), а также Ҳāлид ибн аль-Валйд, блистательный мастер и стратегии, и тактики, за несколько последующих лет сделавший головокружительную карьеру.

В двух днях пути от Медины, на подходе к горе Ухуд, мусульманская армия неожиданно уменьшилась на триста человек. 'Абдаллāх ибн Убайй и его сторонники покинули Пророка, потому что Он не послушался их совета и не остался в Медине. Они полагали, что следование бесполовому совету незрелой молодёжи без нужды ставит под угрозу слишком много жизней, и в этой ситуации они имеют право самоустраниться от битвы. Следующие стихи Ш сӯры Кур'āна «Аль-'Имрāн» («Дом 'Имрāна») ссылаются на Ухуд и дезертирство вышеупомянутых трёх сотен:

«Когда на рассвете ушёл ты от народа своего, дабы расставить верующих по их постам для сражения,— а Бог есть Всеслышающий и Всезнающий; и когда две партии из вас оробели, хотя Бог был им помощником — и на Бога должны полагаться верующие. Бог, воистину, дал вам победу при Бадре, когда вы были в совершенном отчаянии; посему бойтесь Бога, да пребудете вы среди благодарных.» (стихи 117-119.)

«И что бы ни постигло вас в тот день, когда столкнулись два войска, всё сие было по дозволению Божиему, дабы Он мог узнать верующих, и также узнать лицемеров. И когда сказано было им: «Идите и сражайтесь на пути Бога, или защищайтесь», они сказали: «Если бы мы только знали, как сражаться, мы бы последовали за вами». Они в тот день были ближе к отрицанию, чем к вере. Они говорят своими устами то, чего нет у них в сердце. А Богу хорошо ведомо то, что они скрывают.» (стихи 160-161.)

Мухаммад расставил Своих людей так, что они были обращены лицом к Медине, гора Ухуд была у них позади, а гора 'Айнāн (или 'Айнайн) — слева. Пятьдесят лучников под командованием 'Абдаллāха ибн Джубайра и 'Абдаллāха ибн 'Амра расположились в ущелье горы 'Айнāн, защищая фланг армии и готовясь отражать атаки мекканской кавалерии. Пророк особо подчеркнул, что они не должны покидать ущелье ни при каких обстоятельствах, что бы ни происходило на других участках. Мекканцы по прибытии обошли вокруг противника и закрыли путь к Медине. Они взяли с собой своего идола Хубала, воздвигнув импровизированный алтарь, вокруг которого женщины пели и играли на инструментах, криками ободряя своих воинов. Среди них была Хинд, жена Абӯ-Суфйāна, бешено ненавидевшая мусульман; она страстно ожидала дня, когда её отец 'Утба, дядя Шайба и брат аль-Валйд будут отомщены. Поскольку Ҳамза, дядя Мухаммада, убил её отца при Бадре, она велела рабу-эфиопу по имени Вахшй убить Ҳамзу с помощью метательного копья. Вахшй была обещана свобода, если ему удастся сделать это.

Потомки ‘Абд ад-Дара традиционно несли знамя Мекки. Сейчас один из них, Талха ибн ‘Абди-ль-‘Уззā, нёс знамя қурайшитов. Мухаммад, заметив это, отдал Своё собственное знамя в руки Муṣ‘аба ибн ‘Умайра, который также был из Дома ‘Абд ад-Дара. В рядах қурайшитов находился Абӯ-‘Амир, известный как ар-Рāхиб («Отшельник»), перебежчик из Медины. Одно время он склонялся к Ислāму, но затем порвал с Мухаммадом и ушёл в Мекку с пятьюдесятью своими родственниками. Он заверял қурайшитов, что когда мединцы увидят, что он бьётся на стороне противника, они оставят Мухаммада и перейдут на их сторону. Однако его появление при Ухуде вызвало только глумление и насмешки со стороны анṣаритов. Опозорившись, Абӯ-‘Амир стал осыпать мусульман стрелами, стараясь хотя бы так спасти своё лицо. ‘Икрима, охранявший левый фланг мекканцев, попытался инициировать общую атаку, но она захлебнулась. В этот момент Зубайр ибн аль-‘Аувām напал на правый фланг қурайшитов, которым командовал Хāлид ибн аль-Валйд. Хāлид, не в силах сдержать его натиск, уже готов был отступить, когда на выручку ему подоспел Абӯ-Суфйāн. Зубайру пришлось отойти. Затем настал черёд Талхи, знаменосца қурайшитов, бросить вызов мусульманам. ‘Али зарубил его, и тогда его брат Муṣ‘аб подхватил и удержал знамя. ‘Али убил и его тоже. Знамя схватил следующий брат, ‘Усмāн — и был убит Хамзой. Мекканское знамя поднял ещё один брат, Абӯ-Са‘йд, и его сбила наземь стрела, пущеная Са‘дом ибн Абй-Ваққāсом, опытным лучником. Са‘д стоял рядом с Пророком, который подавал ему стрелы. Настала очередь понести знамя қурайшитов сыну Талхи, Мусāфи’. В него пустил стрелу ‘Аṣим ибн Сāбит. Умиряющего Мусāфи’ отнесли к его матери Сулāфе. Она закричала, что тот, кто принесёт ей голову ‘Аṣима, получит сто верблюдов, а из черепа она сделает кубок. Братья Мусāфи’, аль-Хāрис и Килāб, вслед за ним подняли знамя қурайшитов, и умерли с ним в руках. Ещё пять представителей Дома ‘Абд ад-Дара погибли, один за другим, пытаясь удержать знамя, и не осталось никого из этого гордого Дома, кто мог бы взять знамя Мекки. Тогда Сувāб, раб павших потомков ‘Абд ад-Дара, бросился на поле битвы и поднял его из пыли. Когда ‘Али отрубил ему правую руку, Сувāб взял знамя левой, а когда лишился и её, то прижал знамя к груди и воскликнул: «О сыновья ‘Абд ад-Дара, довольны ли вы мной?» Наконец, знамя взяла женщина, ‘Амра, дочь ‘Алқамы, и её оставили в покое.

У Пророка был меч, на котором были выгравированы такие слова: «Трусость несёт своё клеймо, а решимость выявляет характер человека; бегущий в страхе не избегнет своей судьбы». Мухаммад воззвал к Своим людям: «Кто возьмёт у меня этот меч и воздаст ему должное?» ‘Умар и Зубайр выступили вперёд, но Пророк дал его не им, а одному из анṣаритов, Абӯ-Дуджāне. Обернув вокруг головы красный шарф с надписью «Помощь — от Бога, и победа близка», Абӯ-Дуджāна бросился в тесно сомкнутые ряды врага и стал раскидывать қурайшитов во все стороны, пока не добрался до места, где, установленный на спине верблюда и окружённый женщинами, находился идол Хубал. Хубал был сброшен наземь, женщины разбежались, и Абӯ-Дуджāна оказался лицом к лицу с Хинд, женой Абӯ-Суфйāна. Он поднял меч, чтобы зарубить её, но вовремя вспомнил, что меч принадлежит Пророку и его не следует пятнать кровью женщины.

Хамза, который последовал за Абӯ-Дуджāной в гущу битвы, врубился в самое сердце вражеской армии. Тут у Вахшй, эфиопского раба Джубайра,⁴⁰ появился шанс исполнить задуманное, и он бросил своё копьё в устрашающую фигуру, которая была уже так близка. Копьё ударило Хамзу в чресла. Он покачнулся и упал, и Вахшй, как он сам рассказывал через много лет, бросился вперёд, вытащил своё копьё из тела умирающего Хамзы и бросился прочь, к свободе.

Последовала атака мусульман, перед которой қурайшиты видимым образом дрогнули. Они начали отступать, а мусульмане — преследовать их. Однако в этот момент лучники, которых Мухаммад поставил в ущелье горы ‘Айнāн со строгим наказом не двигаться с места, увидели, что их братья-верующие собирают трофеи, оставленные мекканцами, и в беспорядке устремились в схватку. ‘Абдаллāх ибн Джубайр пытался остановить их, но потерпел неудачу. Хāлид

⁴⁰ Сын Мут‘има, чей дядя Ту‘айма погиб при Бадре. Ибн Хишām утверждает, что именно Джубайр послал Вахшй убить Хамзу в обмен на свободу.

ибн аль-Валйд и ‘Амр ибн аль-‘Ас заметили открытый фланг мусульманской армии и с двумя сотнями люди устремились туда; они убили ‘Абдаллāха, который остался стоять на своём посту, обошли место, где стоял Мухаммад, и атаковали наступающих мусульман с тыла. Мусульмане оказались зажатыми в тиски; попытки отойти вызвали полную неразбериху, так что друг стал биться с другом. Хузайфа не смог спасти своего отца, аль-Йамāна, от ударов собратьев-мусульман, и тот погиб на его глазах.

Как и при Бадре, Абӯ-Бакр заметил своего сына ‘Абд ар-Рахмāна, сражавшегося за идолопоклонников. Он вытащил свой меч, чтобы вызвать его на бой, но Мухаммад не позволил ему сделать этого. «Вложи свой меч в ножны,— сказал Он ему.— Иди сюда и будь с нами». Тридцать человек встали вокруг Пророка, чтобы защитить Его от врага. По мере того, как день клонился к закату, их количество постепенно уменьшалось, пока их не осталось всего четырнадцать.⁴¹ Убайй ибн Халаф, один из плененных, выкупленных после битвы при Бадре, на всём скаку рвался убить Мухаммада, как и обещал. Пророк попросил Своих людей предупредить Его, как только они увидят сына Халафа. Убайй мчался на них, понося Пророка и крича, что Его ничто не спасёт. Когда он приблизился, Мухаммад взял у Зубайра оружие и метнул его в надменного мекканца. Убайй получил рану в шею, которая заставила его повернуть назад, и в конечном итоге оказалась смертельной.

Мухаммад не отступал, хотя Его армия и пребывала в беспорядке. Муṣ‘аб из славного Дома ‘Абд ад-Дāра, столь многие члены которого пали в этот день во славу Хубала, держал знамя Пророка. Четыре идолопоклонника вышли вперёд, чтобы атаковать Мухаммада. Когда Абӯ-Дуджāна уничтожил ‘Абдаллāха ибн Хамйда, Мухаммад воскликнул: «О Боже! Будь доволен сыном Хараши,⁴² как я доволен им». Муṣ‘аб ибн аль-‘Ас, мастер метания камней, попал Мухаммаду в руку, отчего Тот выронил Свой меч. «Я убил Мухаммада»,— крикнул он, но ‘Алй, в свою очередь, закричал: «Ты лжёшь!»; тогда Муṣ‘аб вновь прицелился и ранил Мухаммада в лоб. В этот момент ‘Аммār ибн Йāсир бросился вперёд и зарубил Муṣ‘аба. Как раз в этот момент к Мухаммаду с обнажённым мечом приблизился ‘Абдаллāх ибн Ками’а. Муṣ‘аб, знаменосец, загородил ему путь. Когда ибн Ками’а отрубил ему правую руку, Муṣ‘аб, по преданию, сказал слова, которые позже были явлены Мухаммаду и составляют стих 138 третьей сūры Кур’āна (Аль-‘Имрāн): «Мухаммад — только Посланник; и, воистину, другие Посланники были прежде него. Если умрёт он или будет убит, неужели вы обратитесь вспять? а если кто-то и обращается вспять, то Богу ничто и никогда не нанесёт вреда; и Бог воздаст благодарным». Муṣ‘аб сейчас держал знамя в своей левой руке, которую ибн Ками’а тоже отрубил. Муṣ‘аб повторил только что изречённые им слова, и ибн-Ками’а зарубил его, думая, что это и есть Сам Мухаммад. Потом он громко закричал, что, наконец, избавил своих людей от Мухаммада. Этот крик подхватили остальные: «Мухаммад мёртв!» Услышав этот крик, мусульмане, прорвавшие ряды қурайшитов, были внезапно охвачены паникой и оставили поле боя. Когда они бежали мимо Пророка, Он воззвал к ним: «Я Посланник Божий. Я здесь, и я жив; вернитесь!». Но они не слышали или не обратили внимания. Анас ибн ан-Надр пытался остановить это паническое бегство, объясняя, что тем больше сейчас причин биться с идолопоклонниками. Но всё было тщетно. Сам Анас повернул назад и вновь бросился на вражеские ряды. После битвы на его теле нашли пятьдесят ран, и узнать его смогли только по пальцам.

Тем временем ибн-Ками’а, поняв, что убил не Мухаммада, возобновил свои атаки на Пророка, ударив Его в лоб камнем, так что у Того по лицу потекла кровь. ‘Абдаллāх ибн Шибāб ранил Мухаммада в руку, а ‘Утба — брат Са’да ибн Абй-Ваққāса, защищавшего Пророка — нанёс ему ещё один удар камнем, на этот раз в рот, выбив Ему два зуба. Са’д позже говорил, что его

⁴¹ Этими героями были ‘Алй, Абӯ-Бакр, ‘Абд ар-Рахмāн ибн ‘Ауф, Са’д ибн Абй-Ваққāс, Талха ибн ‘Убайдаллāх, аз-Зубайр ибн аль-‘Аувām и Абӯ-‘Убайда ибн аль-Джаррāх (из мухāджирūн); Хубāб ибн аль-Мунзир’, Абӯ-Дуджāна, ‘Асйм ибн Сāбит, Сахль ибн Ханиф, Усайд ибн Худайр, Са’д ибн Му’āз и аль-Хāрис ибн Сймма (из ансāритов).

⁴² Отец Абӯ-Дуджāна.

брат казался ему в тот момент самым злобным человеком среди всех людей, которого он хотел уничтожить сильнее всего. Согласно ибн Хишāму, Мухаммад воскликнул: «Как может достичь спасения народ, который обагрят кровью лик своего Пророка, тогда как Он призывает их к Богу?» И в этот самый момент, под градом ударов, Мухаммад получил Откровение:

Тебе нет ничего в этом деле, обратится ли Он
к ним вновь или накажет их; ибо они злодеи.⁴³

Тогда Он воздел руки и повторил слова, сказанные Иисусом на Кресте: «О Боже, прощаю народ мой, ибо не ведают, что творят».

И вновь ибн Ками'а атаковал Пророка, на этот раз с мечом. Кольчуга защитила Мухаммада от ранения, но Он потерял равновесие и упал с коня в одну из ям, которые, согласно ибн Хишāму, Абū-‘Амир выкопал, чтобы создать затруднения для мусульман. Талха ибн ‘Убайдаллāх, который пытался отразить удар меча голой рукой и тем защитить Мухаммада, прыгнул в эту яму, несмотря на свою рану, и с помощью ‘Алй Мухаммаду помогли встать и оказали помощь. Абū-Бакр принёс Пророку воды. Мухаммад велел ему помочь лежавшему без сознания Талхе, поступку которого Он воздал хвалу. Предания расходятся в этом случае, но одно из них приводит такие Его слова: «Если кто-нибудь захочет увидеть человека, что ходит в этом мире, будучи при этом в Раю, пусть взглянет на Талху ибн ‘Убайдаллāха».

Мусульмане к этому моменту бежали по всему фронту, и враг решительно наступал. Из Медины, где уже прослышали об отступлении мусульман, спешили Вахб ибн Қабūs и его племянник аль-Хāрис ибн ‘Уқба. Оба были зарублены. Та же участь постигла Ханзалу, сына Абū-‘Амира, который, с позволения Пророка, остался в Медине в связи со своей свадьбой. Он поднялся со своего супружеского ложа, облачился в доспехи и поспешил к Ухуду — и к своей смерти. Мухайрйқ (или Мухарйқ), еврей, и Асайрим аль-Ашхалй, идолопоклонник, оба мединцы, также поспешили к Ухуду, когда их достигла весть о катастрофе, вступили в битву с курайшитами и погибли. Мухайрйқ был очень богат; перед тем, как отправляться к Ухуду, он сказал своим братьям по вере, что если он умрёт, всё его имущество должно быть передано Мухаммаду. Среди погибших при Ухуде был также ‘Абдаллāх ибн Джахш, двоюродный брат Пророка и один из первых мусульман.

Мухаммад и немногие оставшиеся с Ним люди взобрались на вершину горы Ухуд. Мухаммад был слишком слаб, чтобы карабкаться самостоятельно, но Ему вновь помог Талха, обеспечив себе, как сказал Пророк, райскую обитель. В итоге Талху стали называть ат-Талхат аль-Хайр — «Талха Блаженный». Курайшитские женщины вышли на бранное поле, чтобы обобрать тела погибших. Они отрезали части тела, вспарывали животы и делали себе ожерелья и браслеты из носов, ушей, кусков печени и гениталий. Хинд пыталась съесть печень Хамзы, но не смогла её разжевать. Её и поныне называют «Хинд, Пожирательница Печени».

Наконец, Абū-Суфйāн решил, что настало время прекратить преследование и вернуться домой. Он отправился к подножию холма и выкрикнул имена Мухаммада, Абū-Бакра и ‘Умара. Пророк велел своим людям не отвечать. Тогда Абū-Суфйāн, обращаясь к своим сторонникам, воскликнул, что все эти три человека мертвы. ‘Умар не смог удержаться и крикнул ему: «Ты лжёшь, о враг Бога и Его Посланника. Бог сохранил им жизнь, тебе на беду». На прощание Абū-Суфйāн прокричал, что они найдут своих мёртвых изуродованными; он не давал такого приказа, но случившееся его несколько не огорчило; они вновь сойдутся при Бадре в будущем году. Курайшиты потеряли убитыми в день битвы при Ухуде примерно тридцать человек. Мусульмане потеряли семьдесят четыре: четверых из мухāджирун, остальных — из ансаритов. Это был Бадр наоборот.

Когда мекканцы ушли, Мухаммад послал Са‘да ибн Абй-Ваққāса за ними вслед, чтобы посмотреть, направляются они в Мекку или в Медину. Он сказал, что если они собираются устро-

⁴³ Сūra III, стих 123.

ить налёт на Медину, то Он бросится в битву с ними, несмотря на все Свои раны и истощение. Но Абӯ-Суфйāн в конце этого нелёгкого дня желал только одного — отдохнуть и расслабиться в родном городе. Из Медины пришла группа женщин, горняя и скорбя оттого, что, как они думали, Пророк убит. Среди них были Его дочь Фāтима и жена ‘А’иша. Муḥаммад спустился с горы, чтобы утешить их и принять участие в погребении мёртвых. Поскольку Его раны всё ещё кровоточили, Фāтима сожгла кусок соломенной циновки и присыпала их пеплом.

Пророк не знал, что Ḥамза мёртв, и повторял, ища его: «Что же случилось с моим дядей Ḥамзой; что же случилось с Ḥамзой?» Аль-Ḥāрис ибн Ḥимма отправился на поиски Ḥамзы, но обратно не вернулся, будучи не в силах сообщить Муḥаммаду весть о смерти Его дяди. Наконец, об это сказал Ему ‘Алй. Когда Муḥаммад увидел осквернённое тело Ḥамзы, Его горе было безмерно. «О Ḥамза, о дядя Посланника Божьего, о Лев Божий и Лев Его Посланника,— плакал Он.— О Ḥамза, о вершитель праведных дел; О Ḥамза, о утолитель печалей!» Он поклялся отомстить за смерть Ḥамзы, и тогда к Нему пришло Откровение, составляющее последние два стиха шестнадцатой сūры ан-Наḥл («Пчела»): И если вы наказываете кого-либо, то наказывайте в той мере, в которой пострадали сами; но если будете терпеливы,— благо терпеливым. Будь терпелив, и терпение твоё станет даром Божиим тебе. Не печалься о них и не скорби в сердце из-за ухищрений их. Поистине, Бог — с теми, что боятся Его; они — добродетельные». Муḥаммад покался в том, что дал поспешный обет, и подтвердил, что будет терпелив.

«Не считай мёртвыми тех, что убиты на пути Божиим. Нет, живут они со своим Господом, приобщаются Его щедрот, радуются тому, что даровал им Бог из Своей милости, и ликуют о тех, что остались и последуют за ними. Нечего бояться им, и не будут они опечалены.»⁴⁴ Такие слова были явлены в Кур’āне касательно мучеников Уḫуда.

Эпизод с Уḫудом на этом не закончился. По дороге в Мекку Абӯ-Суфйāн начал сомневаться, правильно ли они поступили, отправившись назад так быстро. Может быть, они упустили шанс навсегда покончить с Муḥаммадом? ‘Икрима, Ḥāлид ибн аль-Валйд и ‘Амр ибн аль-‘Ас были того же мнения — что победу можно было бы сделать полной. Однако другие вожаки, в частности, Ṣафвāн ибн Умаййа, не согласились с ними. Поэтому мекканцы сделали привал в местечке Рауḫā’, чтобы обсудить этот вопрос и определиться, что делать дальше.

Муḥаммад в Медине тоже чувствовал Себя беспокойно. Действительно ли қурайшиты возвращаются в Мекку? Не следует ли немедленно разрушить их планы, если они хотят тайно отправиться назад, к Медине? Поэтому Он велел всем, кто был при Уḫуде, приготовиться и выступить с Ним вдогонку қурайшита́м. Хотя многие из них, включая Самого Муḥаммада, были ранены и истощены, они прошли до самого Ḥамрā’ аль-Асада, что в тринадцати километрах от Медины. Им встретился Ма‘бад из племени Ḥузā’а, направляющийся в Мекку. Он остановился, чтобы выразить Пророку свою симпатию. Он не был мусульманином, но его племя, а также племя Джухайна, стали союзниками мусульман, тогда как Банӯ-Кинāна были сторонниками қурайшитов, и некоторые из них дрались при Уḫуде под командованием Абӯ-Суфйāна. Продолжая свой путь, Ма‘бад встретил қурайшитов в Рауḫā’ и уведомил их, что Муḥаммад вышел из Медины с большим войском и скоро догонит их. Ṣафвāн ибн Умаййа, который был решительно против возобновления битвы, почувствовал уверенность в своём выборе и порекомендовал собратьям-мекканцам немедленно отправляться домой. Ма‘бад послал сообщение Пророку, что мекканцы, в том числе и Ṣафвāн, ушли уже далеко. «Ṣафвāн наставил их на верный путь,— заметил на это Пророк,— хотя сам он не из тех, кто следует верным путём».

На пути в Мекку қурайшиты встретили людей из клана Банӯ-‘Абд-и Қайс, которые отправлялись в Медину за провизией. Абӯ-Суфйāн договорился с одним из них, На‘ймом ибн Мас‘удом, пообещав ему большую награду, что тот испугает мусульман рассказами о могуществе қурайшитов, чтобы они поспешили вернуться назад в свою крепость. На‘йм сделал всё, как

⁴⁴ Сūра III, стих 163.

ему сказали, но мусульмане возразили: «Достаточно нам Бога, и Он — наилучший Защитник». На этот случай ссылается сӯра III Кур'ана, стихи 167-168:

«Те, которым говорили люди: “Вот, люди собрались против вас, бойтесь их!” — но это только увеличило веру в них, и они сказали: “Достаточно нам Бога, и Он — наилучший Защитник”. И после вернулись они, сподобившись милостей и щедрот Божиих, и не коснулось их зло. Последовали они за благоволением Божиим, а щедрость Божия велика».

11 Осада Медины

Эхо битвы при Ухуде звучало ещё несколько месяцев, захватив частично и четвёртый год хиджры (длившийся с 13 июня 625 года по 2 июня 626). Первым отзвуком стал омерзительный инцидент, наполненный вероломством и обманом. В последней главе мы рассказали о том, как Сулафа, мать Мусәфи' ибн Талхи, предложила большую награду за голову 'Асима ибн Сабита, от руки которого Мусәфи' постигла смерть. 'Асим выжил при Ухуде, но предложение о награде осталось в силе и даже сделано вновь.

Когда мекканская армия победоносно возвратилась от Ухуда, несколько человек из племени Хузайль, союзников қурайшитов, пришли выразить свои поздравления. Среди них был член клана Банӯ-Лиҳйән племени Хузайль, которого звали Суфйән ибн Хәлид. Он слышал о тяжёлых потерях, понесённых Домом 'Абд ад-Дәра при Ухуде, и о ста верблюдах, предложенных Сулафой. Поэтому он разработал план, как можно получить эту награду. Решено было послать семь человек, выбранных из кланов 'Адал и Қәрих, в Медину с тем, чтобы они приняли Ислам и попросили Пророка послать учителей, которые бы наставляли и просвещали их. Они должны были обеспечить, чтобы в эту группу включили 'Асима ибн Сабита. Мухаммад выбрал в спутники заговорщикам шесть человек, включая 'Асима. У ар-Раджй', недалеко от Мекки, на эти скромные силы мусульман напал Суфйән ибн Хәлид во главе почти двух сотен воинов из Банӯ-Лиҳйән. 'Асим и два его спутника были убиты, а остальные были захвачены в плен. Хотя 'Абдаллах ибн Тәриқ сумел разрезать верёвку, которой были связаны его руки, у него не было никакой возможности бежать, и он погиб, сражаясь со своими пленителями. Двое других, Хубайб ибн 'Адй и Зайд ибн аль-Дасинна, были отведены в Мекку и проданы. Хубайба купила дочь аль-Хәриса ибн 'Амира, чей отец погиб при Бадре. Зайда продали Сафвәну ибн Умаййе. Был месяц зу-ль-қа'да, когда битвы запрещены. Поэтому Хубайба и Зайда два месяца держали в цепях, прежде чем увели на Тан'им, подальше от Ка'бы, чтобы там казнить. Хубайб попросил, чтобы ему позволили прочесть молитву из двух рик'а (земных поклонов), и это стало традицией: впоследствии мусульмане, которых должны были казнить, выдвигали такую же просьбу. Хубайба привязали к кресту, но сказали, что если он отвергнет Мухаммада, его пощадят. Это предложение он презрительно отверг и проклял своих палачей. Слова его были исполнены такой силы, что қурайшиты содрогнулись. Абӯ-Суфйән находился там вместе со своим сыном Му'авийей, который впоследствии, став халифом, вспоминал, что его отец бросил его на землю, поскольку бытовало мнение, что проклятие минует того, кто лежит ничком. Са'йд ибн 'Амир, позже ставший правителем Сирии, был подвержен периодическим обморокам. Однажды 'Умар ибн аль-Хаттаб (ставший к тому времени вторым халифом) спросил его, что с ним произошло. Са'йд ответил, что он присутствовал при казни Хубайба; всякий раз, как он вспоминает эту сцену и слова Хубайба: «О Боже! Сочти их всех, убей их всех, и пусть никого не останется», он теряет сознание. Хубайба закололи копьями до смерти, но прежде, чем умереть, он восклицал: «О Боже! Нет у меня иного Апостола, кроме Мухаммада — мир Ему! Передай, о мой Боже, мои приветствия Ему». Зайд был обезглавлен Нағтасом, рабом Сафвәна, в отместку за смерть отца Сафвәна при Бадре.

Согласно ибн аль-Асйру, Мухаммад послал двух человек в Мекку, чтобы они убили Абӯ-Суфйәна, но они были узнаны и потерпели неудачу в своей миссии. Рассказывают также, что

мекканцы держали изувеченное тело Хубайба на кресте и охраняли его. Мухаммад спросил, кто готов отправиться в Мекку и спасти его тело. Зубайр ибн аль-‘Аувām (мекканец, хорошо известный в своём родном городе) и Миқдād ибн аль-Асвад вызвались сделать это и преуспели. ‘Абдаллāху ибн Анасу было поручено уничтожить Суфйāна ибн Хāлида, который не только подстрекал членов ‘Адала и Қāриха отправиться по ложному заданию в Медину, что привело к смерти шести мусульман, но и, согласно некоторым сообщениям, собирал в этот момент силы для налёта на Медину.

После трагедии ар-Раджй‘ мусульман постигла другая катастрофа, ещё больших масштабов. ‘Амир ибн Мāлик, глава клана Банū-‘Амир ибн Са‘са‘а, известный как Абū-Барā’, отправился из Наджда в Медину, чтобы возобновить своё знакомство с Мухаммадом. Он был уже довольно старым человеком и хотел стать мусульманином, но волновался о том, как отреагирует на это его клан. Может быть, Пророк мог бы послать в Наджд учителей, чтобы проповедовать Его Веру? Однако Мухаммад не желал делать этого, памятуя о том, что недавно произошло недалеко от Медины; Наджд был расположен дальше, а обитатели пустыни там не проявили никакой склонности к Исламу. Абū-Барā’, однако, настаивал, убеждая Пророка, что с мусульманами ничего плохого не произойдёт, поскольку они будут под его защитой. Мухаммад послал сорок человек, как утверждает ибн Хишām; согласно ат-Табарй, их было семьдесят. ‘Амир ибн Туфайль, племянник Абū-Барā’, был весьма недоволен инициативой своего дяди, однако, обнаружив, что его собственные люди верны обету о защите, стал подстрекать членов Банū-Сулайм убить посланцев Мухаммада. По дороге мусульмане остановились рядом с колодезем, известным как Би’р-Ма‘ўна, примерно в восьмидесяти километрах от Медины. Люди Банū-Сулайм напали на них превосходящими силами и убили всех, за исключением двух человек: ‘Амра ибн Умаййи и Ка‘ба ибн Зайда. Добираясь обратно в Медину, ‘Амр наткнулся на двух человек из Банū-‘Амир ибн Са‘са‘а и убил их, хотя они ничего не знали о вероломстве племянника своего вождя. Когда Пророк узнал о непродуманном поступке ‘Амра, Он был в гневе, и выплатил их клану «выкуп за кровь», поскольку убитые находились под Его защитой. Ка‘б, другой спасшийся мусульманин, был серьёзно ранен и принят за мёртвого, однако он нашёл в себе достаточно сил, чтобы добраться до Медины. Клан Би’р-Ма‘ўна потерял ‘Амира ибн Фухайру, освобождённого раба Абū-Бакра, который ушёл из Мекки в Медину с Пророком и его прежним хозяином.

Всего за несколько месяцев Пророк потерпел три жестокие неудачи,⁴⁵ и это оказало явное воздействие на ситуацию в Медине. Мунāфикўн («лицемеры») открыто глумились над несчастьями, что постигли мусульман. Среди евреев тоже царил ликование. Согласно ибн Хишāму, евреи Бан ан-Надйр замыслили убить Мухаммада. Поводом к этому стала ссора между племенем Бан ан-Надйр, численность которого, по некоторым данным, достигала тысячи человек, и Банū-Курайза, которых было около семисот. Последние расторгли существовавшее между ними соглашение, заявив, что оно противоречит Закону Торы. ‘Абдаллāх ибн Убайй, главный среди мунāфикўн, находился в союзе с Бан ан-Надйр и отстаивал их позицию. Он отправился к Мухаммаду и обратился к Нему с высокомерной речью, оскорбившей Пророка. Об этом эпизоде упоминают следующие два стиха Кур’āна:

«О посланник! Пусть тебя не печалят те, кои устремляются к неверию — будь они из тех, что говорят: “Мы уверовали!” своими устами, а сердца их не уверовали, или из иудеев, кои прислушиваются ко лжи и другим людям, что не приходили к тебе. Они искажают слова [Закона], меняя их местами, и говорят: “Если тебе даровано сие, то возьми его; а если не даровано, то берегись [взять что-либо иное]”; Ведь для того, кого Бог хочет унижить, ты ничего не получишь у Бога. Тех, чьи сердца Бог не соблаговолит очистить, постигнет унижение в сём мире и суровое наказание в следующем — тех, что внимают лжи и едят запретное. Если они придут к тебе, то рассуди между ними или отвернись от них. Если отвернешься от них, то не будет тебе вреда.

⁴⁵ Ухуд (март), ар-Раджй‘ (май), Би-р-Ма‘ўна (июль).

А если станешь судить меж ними, то суди по справедливости, ибо воистину, Бог любит справедливых.»⁴⁶

Мухаммад обнаружил, что Банū-Курайза были правы, и вынес соответствующее решение. Но Бан ан-Надйр обиделись и посчитали, что их преднамеренно унизили. Хуйй ибн Ахтаб, непримиримый враг Пророка, жил с Бан ан-Надйр, и он стал уговаривать их устроить покушение на Мухаммада. Однажды Мухаммад отправился в поселение этого еврейского клана для совершения некоторых сделок. Он отдыхал, прислонившись к стене, и на Него уже собирались сбросить камень, когда Он внезапно поднялся и ушёл прочь. Традиционалисты утверждают, что об их злобном умысле Его известил Ангел Гавриил. Как бы то ни было, Бан ан-Надйр были посрамлены.

Мухаммад вскоре вынужден был заключить, что большое поселение евреев, где подспудно тлеют ненависть и недовольство, и которому оказывают поддержку относительно могущественные Лицемеры, представляет постоянную угрозу для мирной жизни Медины. Он также понимал, что Бан ан-Надйр ведут тайные дела с идолопоклонниками. Поэтому им предъявили ультиматум: покинуть Медину и найти себе жильё в другом месте. Конечно же, ‘Абдаллāх ибн Убайй был в гневе и, рискуя вновь оскорбить Пророка, всеми силами попытался добиться уступок для своих еврейских союзников. Он дошёл даже до того, что уговорил их отвергнуть ультиматум и решительно выступить против Пророка, обещая, что он и его люди придут на помощь. Сūra LIX Кур’ана — Сūрат аль-Хашр («Собрание») — предвосхищает эти события и объясняет, почему они развивались именно так:

«Разве ты не видел Лицемеров, как они говорят своим братьям из народа Книги, которые не уверовали: “Если вы будете изгнаны, то мы выйдем вместе с вами и не подчинимся в отношении вас никогда никому; а если с вами будут сражаться, мы поможем вам”. И Бог свидетельствует, что они, воистину, лжецы. Если они будут изгнаны, то они не выйдут вместе с ними, а если с ними будут сражаться, то они им не помогут. А если они и помогут, то обратят тыл к ним, и оставят их без помощи.» (стихи 11-12.)

Бан ан-Надйр бросили Пророку вызов, но после двухнедельной осады осознали, что сопротивление бесполезно. ‘Абдаллāх ибн Убайй не пришёл им на помощь; их собратья-верующие из Банū-Курайза отмежевались от них, потому что были обиженной стороной, и Мухаммад решил в их пользу. Бан ан-Надйр стали договариваться о выгодных условиях сдачи. Однако Мухаммад позволил им взять с собой только те товары и личные вещи, которые они могли погрузить на своих верблюдов. Они попросили дополнительных уступок, но Пророк решительно отказался и, в конечном итоге, им пришлось принять условия, предложенные изначально. Они покинули Медину, изображая радость и ликование, и их музыканты играли и пели, когда племя выезжало из оазиса. Но двое из них, ‘Имрāн и Бинйāmйн (Вениамин), стали мусульманами и остались при своём имуществе. После отъезда Бан ан-Надйр Мухаммад сказал ансāритам, что, если они не против, Он хотел бы передать освободившиеся дома мухāджирūн, чтобы те не были больше обузой для них. Са‘д ибн Му‘āз и Са‘д ибн ‘Убада, вожди Ауса и Хазраджа, дали согласие, и даже заявили, что мухāджирūн по-прежнему могут пользоваться всем их имуществом. Мухаммад изрёк такую молитву: «О Боже! Яви милость к ансāритам, и сыновьям ансāритов, и сыновьям сыновей ансāритов». Сūрат аль-Хашр («Собрание») одобряет и превозносит великодушие ансāритов:

Те, которые утвердились в своём жилище и вере до них, любят выселившихся к ним и не находят в груди своей никакой нужды в том, что им даровано, и отдают предпочтение другим пред собой, даже если удел их — нищета.

⁴⁶ V:45-46: Сūрат аль-Мā’ида — «Трапеза».

И тот, кто сберёг себя от душевной алчности — те процветать будут.⁴⁷

Вместе с тем, Мухаммад отдал часть этого имущества двум очень бедным ансаритам: Абӯ-Дуджәне (герою Ухуда) и Сахлу ибн Ханифу. Изгнание Бан ан-Надир произошло в сентябре 625 г.

Абӯ-Суфйән, как мы помним, угрожал Мухаммаду при Ухуде, что на следующий год вновь встретится с Ним при Бадре. В апреле 626 года Пророк повёл полторы тысячи человек против қурайшитов, но мекканцы не пришли. Вместо этого мусульмане, захватившие с собой товары для торговли, приняли участие в ежегодной ярмарке, проходившей в месяц зу-ль-қа‘да при Бадре, и, продав все свои товары, возвратились домой значительно богаче прежнего.

В том же году — четвёртом от хиджры — Пророк запретил употреблять вино.⁴⁸ Предыдущее Откровение, содержащиеся в суре XVI:69 — Сурат ан-Нахл («Пчела») — не запрещало использование опьяняющих напитков, а даже как будто рекомендовало это делать:

И из плодов пальм и лоз вы берёте себе напиток
пьянящий и хорошую пищу.
Поистине, в сём знамение для тех, кто разумеет.⁴⁹

Но поскольку мусульмане иногда приходили на дневную молитву пьяными, почти не осознавая, что именно они говорят, им было дано предупреждение, переданное в суре IV — ан-Ниса’ («Женщины»): «О истинно верующие, не приходите на молитву, когда вы пьяны, пока не понимаете вы, что изрекаете...» (стих 46.) Однако положение оставалось неясным и даже, вероятно, хаотичным, до тех пор, пока Пророк не произнёс Своего запрета. «Они спрашивают тебя о вине и майсире⁵⁰. Скажи: “В них обоих — великий грех и некая польза для людей, но греховность их больше пользы”». (Сūra II:216 — аль-Бақара — «Корова».)

Вскоре после битвы при Бадре Мухаммад женился на Хафсе, овдовевшей дочери ‘Умара ибн аль-Хаттāба, на которой Пророка попросил жениться сам ‘Умар. Муж Хафсы был одним из четырнадцати мусульман, павших при Бадре. После битвы при Ухуде Мухаммад женился на Зайнаб бинт Хузайме, другой такой же вдове. Зайнаб оставалось жить всего несколько месяцев после этого. Другой женщиной, овдовевшей после Ухуда, была Умм-Салама, переселившаяся в своё время в Эфиопию вместе со своим мужем, Абӯ-Салама; она стала шестой женой Мухаммада. Однако особую критику со стороны западных учёных вызвала женитьба Мухаммада на Зайнаб бинт Джахш в марте 627 года. Зайнаб, сестра ‘Абдаллāха, погибшего при Бадре, была также двоюродной сестрой Пророка. Она, против своего желания, была выдана замуж за Зайда, приёмного сына и освобождённого раба Мухаммада. Предполагают, что она была недовольна этим браком из-за низкого положения Зайда. Рассказывают невероятную историю, что будто бы однажды Мухаммад зашёл к Зайду, которого не оказалось дома; увидев Зайнаб не полностью одетой, Мухаммад якобы влюбился в неё, и когда Зайд услышал об этом, он развёлся со своей женой, чтобы Мухаммад мог взять её себе. Следует заметить, что, будучи двоюродной сестрой Мухаммада и женой Его приёмного сына, она была знакома с Ним на протяжении многих лет. Вряд ли между ними могла возникнуть «любовь с первого взгляда». Кроме того, молодость Зайнаб давно миновала — через два или три года ей должно было исполниться сорок. Вероятно, ‘Абдаллāх ибн Убайй и другие мединцы такого же склада ума косо смотрели на этот брак Пророка, прежде всего потому, что Зайнаб ранее была женой Его приёмного сына. Свет на обстоятельства этого брака и на положение Пророка в мусульманской общине проливают несколько стихов (36-40) XXXIII сūры аль-Ахзāб («Союзники»):

⁴⁷ LIX:9

⁴⁸ Некоторые комментаторы считают, что это случилось четыре года спустя.

⁴⁹ XVI:67 у Крачковского.

⁵⁰ Разновидность азартной игры, бросание стрел.

Не бывает ни для верующего, ни для верующей выбора в их деле, когда изошло повеление от Бога и Его Посланника.

Прекословящий Богу и Его Посланнику впал в очевидное заблуждение.

Когда говорил ты тому, кого благодетельствовал Бог и кого ты благодетельствовал:

«Удержи при себе свою жену и побойся Бога»,

и ты скрывал в своей душе то, что должен был явить Бог, и боялся людей;

а Бога более надлежит тебе бояться.

Когда же Заид⁵¹ удовлетворил своё желание по отношению к ней, Мы женили тебя на ней, чтобы верующим не было греха касаться жён своих приёмных сыновей, когда те удовлетворят свои желания с ними; и Божию заповедь надлежит исполнить.

Нет на Пророке греха, когда касается он того, что Бог установил для него — Божий обычай с теми, что были прежде;

и Божия заповедь — судьба предreshённая;

с теми, что передавали Послания Божии, и боялись Его, и не боялись никого, кроме Него;

довольно Бога в счётчики.

Мухаммад не отец никому из ваших мужчин, но Посланник Божий и Печать Пророков;

у Бога — знание обо всём.

Мусульманин не мог взять себе более четырёх жён, однако Мухаммаду было даровано особое позволение превысить это число. Оно содержится в той же суре — аль-Ахзāб:

О пророк, Мы разрешили тебе твоими жёнами тех, коим ты дал их приданое, и также [рабов], коими владеет твоя десница, из [трофеев], что даровал тебе Бог; и дочерей твоего дяди, и дочерей твоих тёток, как со стороны отца, так и со стороны матери, кои бежали вместе с тобой [из Мекки], и любую [другую] верующую женщину, если она отдала себя пророку; если пророк пожелает жениться на ней. [Сие] особая привилегия, [дарованная] тебе, выше остальных истинно верующих.⁵²

(стих 49)

Сэр Джон Глабб [John Glubb] указывает: «Следует заметить, что из всех его жён только Аиша была девственницей, когда он женился на ней. Зайнаб бинт Джахаш была разведённой женой, а все остальные — вдовами, причём некоторые из них, судя по всему, не особенно привлекательными. Кроме того, Апостол женился на Хадидже, когда ему было двадцать пять, тогда как она была вдовой и значительно старше него. Он был беззаветно верен ей в течение двадцати четырёх лет, до самой её смерти.»⁵³ Далее сэр Джон говорит: «Примечательно, что у Апостола, когда Он был ещё молод, было шесть детей от Хадиджы, но впоследствии — ни одного ребёнка ни от одной из двенадцати женщин, что последовали за ней, за исключением сына от Марии, наложницы-египтянки. Большинство его жён, хотя и не первой молодости, находились в детородном возрасте. В Медине у Мухаммада оставалось всё меньше и меньше свободного времени, и он, скорее всего, был умственно и физически истощён, особенно принимая во внимание

⁵¹ Зайд — единственный мусульманин, упомянутый в Кур'āне по имени.

⁵² В квадратных скобках поставлены слова, отсутствующие в исходном тексте и добавленные при переводе.

⁵³ Жизнь и времена Мухаммада (The Life and Times of Muhammad), стр. 237.

то, что ему было уже за пятьдесят, а позже — и за шестьдесят. Это не те обстоятельства, в которых мужчину интересуют буйные сексуальные утехы.»⁵⁴

Профессор Монтгомери Уатт комментирует это таким образом: «Большинство собственных браков Мухаммада, а также союзов, устроенных им для своих дочерей и близких друзей, имели ту или иную политическую подоплёку.»⁵⁵

В четвёртом году хиджры Пророка постигла личная потеря — в возрасте шести лет умер его внук ‘Абдаллах, сын ‘Усмāна ибн ‘Аффāна. Его матерью была Руқаййа, первая из двух дочерей Мухаммада, отданная в жёны ‘Усмāну. Примерно три месяца спустя, в январе 626 года, у Мухаммада родился ещё один внук: у ‘Али и Фāтимы появился Хусайн.

В пятом году хиджры (2 июня 626 г. — 22 мая 627 г.) Медина оказалась в осаде. Однако прежде, чем произошло это событие, которое деморализовало мекканцев и стало предвестником их полного поражения, Сам Пророк несколько раз отправлялся в исключительно успешные походы. В июне 626 года Мухаммад выступил с карательной экспедицией против Ғатафāн, враждебность которых не ослабевала. Он дошёл до самого Зāt ар-Риқā‘, уже на территории Ғатафāн, почти в ста километрах от Медины. Но кочевники не отважились на открытое столкновение и поспешно бежали. Мусульмане возвратились домой с большими трофеями. Следующая вылазка, в августе, в Дūмата-ль-Джандал (сейчас этот день называется аль-Джауф), имела особое значение. Этот оазис расположен примерно в 650 километрах к северу от Медины. Вести о том, что его захватили разбойники, побудили Пророка, во главе армии из тысячи человек, пройти всё это расстояние, хотя никогда прежде Он не водил экспедиции в столь отдалённые места. Его уверенность в том, что Он может спокойно отойти так далеко от Собственного города, чтобы подавить беззаконие и обеспечить безопасность торговых путей, продемонстрировала прочность Его положения. Полученные Им разведанные оказались правильными, и разбойники были обращены в бегство.

Помимо своих непосредственных задач, данная экспедиция произвела глубокое впечатление на кочевников этой северной окраины Аравии. Через три месяца племя Музайна, как один человек, поклялось Пророку в верности.

Осада Медины, предпринятая в апреле 627 года, в конце пятого года хиджры, стала последней попыткой мекканцев сокрушить Мухаммада. Годом ранее они не смогли встретиться с Пророком при Бадре, однако сейчас их понуждали к действиям изгнанные еврейские лидеры Бан ан-Надйр и другие иудеи, которые боялись, что остатки их колоний в Аравии могут быть скоро уничтожены; особенно активными среди них были Хуйй ибн Ахтаб, Кинāна ибн ар-Раби‘ и Саллām ибн Аби-ль-Хуқайқ. Примерно двадцать этих еврейских лидеров отправились в Мекку и встретились с рядом высокопоставленных қурайшитов в Ка‘бе, договорившись, что будут биться против Мухаммада до победного конца. Затем они посетили непокорных Ғатафāн и обещали им значительную долю от урожая фиников Хайбара, если те присоединятся к походу против Мухаммада. Ғатафāн с готовностью согласились. Были также заключены союзы с Банū-Асад, Банū-Мурра, Банū-Ашджа‘, Банū-Аслам и Банū-Сулайм.

Абū-Суфйāн вышел из Мекки с четырьмя тысячами воинов, и на пути к Медине к его армии присоединялись отряды из других племён, так что в итоге их стало десять тысяч. Мощь союзников ошеломляла. Если бы Мухаммад вышел из Медины им навстречу, то союзники, скорее всего, одержали бы победу. Оказалось, что у Пророка уже нет времени просить помощи у дружественных кланов, и Ему придётся уповать только на ресурсы собственного города. Он посоветовался со Своими последователями. ‘Абдаллах ибн Убайй, который присутствовал на этом совете, высказал ту же идею, что и перед битвой при Ухуде, и на этот раз Мухаммад согласился с ним. Он решил не покидать Медину, а остаться в стенах города и укрепить его против атаки.

⁵⁴ Там же. стр. 239.

⁵⁵ «Мухаммад, Пророк и государственный деятель» (Muhammad, Prophet and Statesman), стр. 102-3.

Затем Салмāн Персиянин представил план защиты. Персы, сказал он, выкапывают вокруг своих городов рвы или траншеи, чтобы помешать продвижению врага. Для арабов это была новая мысль, но они быстро принялись воплощать её. Сам Мухаммад работал бок о бок со Своими последователями. Инструменты взяли у Банū-Курайза. Та сторона Медины, где было расположено это еврейское поселение, была оставлена без охраны, потому что Мухаммад рассчитывал на строгий нейтралитет евреев.

Был месяц рамадāн, и хотя лето ещё не наступило, при тяжёлой физической работе поститься оказалось весьма тягостно. Как-то раз Пророк, ослабевший и вымотанный, лежал ничком в мечети, когда пришёл Салмāн и сказал, что в той части рва, который они сейчас копают, им встретился камень, который отказывается уступить любым их усилиям. Барā' ибн 'Азиб из ансāритов, которому в то время было не более пятнадцати лет, рассказывал, что Пророк пришёл, взял кирку и с трёх ударов расколол этот камень. Согласно ибн Хишāму, Мухаммад сказал Салмāну, что с первым ударом ему была дана власть над Йеменом; со вторым перед Ним открылись Сирия и земли за ней на Западе; а с третьим Он дотянулся до владений царей Востока. Его последователи, пообещал Он, свершат эти подвиги после Его смерти и захватят все эти страны. Лицемеры, услышав это, стали смеяться и говорить: «Послушайте этого человека! Его загнали в угол в Йасрибе, он копает канаву, за которой хочет укрыться, и при этом хвастается властью над Йеменом и владениями Кисры (Хосрова) и Қайсары (Цезаря)!»

Но как раз в тот момент, когда Лицемеры смеялись и глумились над Пророком, когда всех вокруг охватили сомнения и неуверенность, Он являл такие слова:

Скажи: «О Боже, Господь Царствия! Ты даруешь Царствие всякому, кому пожелаешь, и отнимаешь Царствие у всякого, кого пожелаешь; Ты возвышаешь всякого, кого пожелаешь, и низвергаешь всякого, кого пожелаешь. В руках Своих держишь Ты всё благое. Воистину, ты властен надо всем сущим».

(Сўра III, 26: Аль-'Имрāн — Дом 'Имрāна.)

О возрождении надежд среди злопыхателей Пророка свидетельствует один эпизод, произошедший в первые дни копания рва. Пророк разместил женщин и детей в хорошо укрепленной части города, где они находились под надёжной защитой. Как только Он выступил со Своей трёхтысячной армией к горе Сал', некий человек по имени Надждāн вбежал в квартал Банū-Хāриса, где находились эти женщины и дети, и велел им выходить, наставив на них меч. Возникла ужасная ситуация, поскольку начал собираться всякий сброд, однако вмешательство некоего Зāфира ибн Рафй' спасло положение. Незванный гость был зарублен.

Джāбир рассказывает о тех днях траншеекопания историю, напоминающую легенду об Иисусе и хлебах. Этому Джāбиру из ансāритов, чей отец, 'Абдаллāх ибн 'Амр, погиб при Ухуде, приписывают множество преданий. Однажды он якобы увидел столь явные признаки голода на лице Мухаммада, что немедленно бросился домой, зарезал козу и велел жене готовить её, а также испечь какое-то количество хлеба; он собирался просить Пророка отужинать с ними. В конце дня, когда работа закончилась и люди стали расходиться, Джāбир подошёл к Пророку, чтобы пригласить Его и ещё нескольких человек к себе домой. Но Мухаммад крикнул тысяче человек, что копали вместе с ними, и сказал им, что Джāбир приготовил для них пир. Все пришли, все наелись, и даже часть еды осталась; Пророк сказал, что её следует отнести тем, кого не было на этом пиру.

Ров был завершён до того, как союзники достигли Медины (это случилось 31 марта). Должно быть, они были изумлены открывшимся зрелищем — ни один араб такого ещё не видел: глубокий ров преграждал им путь, а на другой стороне стояли лучники, готовые стрелять во всякого, кто посмел бы прыгнуть в траншею,— нарушители оказались бы в очень невыгодном положении. Тысяча верблюдов и триста лошадей Абū-Суфйāна оказались совершенно не у

дел в его четырёхтысячной армии. В действительности они даже стали для неё бременем. У идолопоклонников не осталось другого выбора, кроме как разбить лагерь и осадить Медину. Но эта тактика оказалась губительной. Одно дело — когда множество людей и вьючных животных находятся на марше, останавливаясь только для нападения на кого-нибудь; и совсем другое — удерживать их в одном месте длительное время, не имея достаточно провизии и не обладая возможностью добыть её. Они встали лагерем против Мухаммада и Его людей, не зная, что им делать дальше. Взять Медину с наскока явно не получалось.

Тем временем Хуйй ибн Ахтаб, вышеупомянутый еврейский лидер, предстал перед воротами крепости Бану-Курайза. Ка'б ибн Асад, вождь этого поселения, велел ему убираться прочь, — Хуйй был отмечен злым роком и уже довёл Бан ан-Надйр до катастрофы. Кроме того, как напомнил ему Ка'б, Бану-Курайза заключили договор с Мухаммадом, у них не было к Нему никаких претензий. Он всегда был с ними справедлив и честен и не нарушал Своего слова. Но Хуйй не собирался уходить. Он объявил, что пришёл с великой новостью: прибыла большая армия союзников, которая может свергнуть Мухаммада и уничтожить все следы Его трудов. Такую возможность не следует упускать. Но Ка'б всё равно не хотел ни о чём говорить с ним, пока Хуйй не прибеж к насмешкам, приписывая его нежелание открыть ворота тому, что ему не хочется кормить ещё один рот. Обруганный таким образом и выйдя из себя, Ка'б позволил сыну Ахтаба войти в посёлок, чем и обрёк своих людей на поистине печальную участь.

Именно этот Хуйй ушёл в своё время в Мекку с несколькими близкими ему по образу мыслей евреями, чтобы разработать план уничтожения Мухаммада. Когда идолопоклонники Мекки спросили, превосходит ли их собственная религия религию Мухаммада, эти евреи, хотя и будучи монотеистами, ответили утвердительно. Эта отвратительная ложь сурово осуждается в четвёртой суре Кур'ана ан-Ниса' («Женщины»):

Разве ты не видел, как те, кому дарована Книга,
поведали о вере своей в Джибта и Тагута и
сказали неверным, что они на более правильном
пути, чем верующие? Они прокляты Богом, а
кого проклял Бог, для тех не найдёшь
помощника.

(стихи 54-5)

Несмотря на решительные протесты таких выдающихся людей среди евреев Бану-Курайза, как Зухайр ибн Бата и Йасин ибн Қайс, Ка'б ибн Асад поддался льстивым речам Хуййа, решил расторгнуть договор с Мухаммадом и объединиться с идолопоклонниками. Когда Мухаммад узнал, что Хуйй пришёл в крепость Бану-Курайза, Он послал двух Са'дов, одного — сына Му'азы, главы ауситов, а другого — сына 'Убады, главы хазраджитов, чтобы они предупредили Ка'ба и посоветовали ему не нарушать своё слово. Их сопровождали ещё три выдающихся человека из ансаритов, но все они возвратились и сказали, что Бану-Курайза избрали путь 'Адала и Қариха. Как мы помним, эти кланы предали мусульман при ар-Раджй'.

Отступничество Бану-Курайза было не маленьким делом. Положившись на их верность, Мухаммад оставил эту сторону города совершенно без защиты. Ему нужно было найти путь — хоть какой-нибудь путь — противостоять злонамеренным замыслам вождя этого племени. Откроет ли Ка'б осаждающим дорогу в Медину через своё поселение? Нападёт ли на мусульман? Предсказать это было невозможно, но некоторое время казалось, что Ка'б занимается только собственными укреплениями.

Некий человек из племени Гаффан, по имени Ну'айм ибн Мас'уд, обратился в Ислам всего за несколько дней до того, как к Медине подошла армия союзников. Ни евреи, ни идолопоклонники не знали этого, и Пророк согласился на предложение Ну'айма воспользоваться этим, чтобы создать между союзниками раскол. Сначала Ну'айм отправился к Бану-Курайза; завоевав их доверие, он предложил им, с целью обеспечить собственную безопасность, попросить

қурайшитов дать им несколько заложников из числа идолопоклонников, особенно мекканцев, чтобы те не бросили их на произвол судьбы. Затем Ну‘айм отправился в лагерь союзников и посоветовал им опасаться обмана со стороны евреев. Он сказал, что они попросят у қурайшитов заложников, но затем передадут их Мухаммаду, чтобы снискать Его расположение и отвратить Его гнев. Через некоторое время Бану-Курайза был передан приказ атаковать мусульман на южной стороне оазиса; те сначала попросили дать им заложников, но им отказали. Взаимное подозрение, которое заронил Ну‘айм, удержало қурайшитов и Бану-Курайза от совместных действий в ходе этой войны.

Пророк предложил племени Ғатафāн треть урожая фиников Медины, если они покинут қурайшитов и возвратятся домой. Вожди племени попросили половину. В этот момент Са‘д ибн Му‘āз вмешался и спросил, откуда появилась мысль купить поддержку Ғатафāн — указание ли это от Бога или собственная идея Пророка? Узнав, что это собственная мысль Мухаммада, Са‘д сказал, что когда они были идолопоклонниками, Ғатафāн платили за свои требования; и сейчас они не должны получить их даром.

Весь эпизод с осадой Медины — Ғазва Рва (Ғандақ), или Ғазва Союзников (аль-Ахзāб), как её называют мусульманские историки, — длился всего двадцать пять дней, но это были нелёгкие дни, потому что никто не знал, чем закончится дело. Стрелы лучников почти не наносили вреда, и как обстоятельства осады, так и невозможность сторон одержать верх друг над другом приводили в отчаяние. Мусульманам приходилось быть всё время начеку, готовыми отразить внезапную атаку. Союзники не могли позволить себе общей атаки, которая бы не захлебнулась сразу. Не могли они найти и другого способа проникнуть в Медину.

В какой-то момент ‘Амр ибн ‘Абдувуд, человек гигантского роста, и ещё четыре видных қурайшитских воина смогли заставить своих лошадей перескочить ров в узком месте. Возникло смятение и защитников обуял ужас. ‘Али заставил сына ‘Абдувуда спешиться и биться с ним в поединке. ‘Амр был побеждён, и его спутники бежали, причём среди них был Хубайра, муж Умм-Хāни, сестры ‘Али. Науфал ибн ‘Абди-ль-лāх не смог убежать, мусульмане забросали его камнями, и он молил избавить его от мук. ‘Али добил его. ‘Икрима, сын Абū-Джахля, смог скрыться. Именно в этой стычке Са‘д ибн Му‘āз, вождь ауситов, был ранен стрелой в руку; рана оказалась смертельной. Как и его тёзка, вождь хазраджитов, Са‘д был опорой для жителей Медины, и его смерть оказалась серьёзным ударом для мусульманской общины.

Всего потери в Ғазве Рва составили девять человек: шестеро ансāритов и три қурайшита.

Конец великому союзу против Мухаммада положила безжалостная погода. Было и так не по сезону холодно, а однажды ночью налетела буря и разметала лагерь союзников. Не имея надежды на поддержку со стороны Бану-Курайза и не в силах пополнить тающие запасы провизии, Ғатафāн решили отступить. Несмотря на противодействие таких лидеров, как ‘Икрима, Абū-Суфйāн снял осаду и увёл своих людей назад в Мекку. Последняя попытка қурайшитов уничтожить Мухаммада провалилась.

Союзники ушли, но Бану-Курайза по-прежнему пребывали за крепкими стенами своей крепости. Избрав путь предательства, они вполне могли бы свести на нет все труды Пророка, если бы тонкая уловка не парализовала их волю к действию. Никто не смог бы поручиться, какой путь они выберут в будущем, при возникновении других непредвиденных обстоятельств. Было очевидно одно: они оказались ненадёжны, и верить им нельзя; безопасность Медины требовала их изгнания. Мухаммад обратился к этой проблеме сразу же, как только Его уведомили, что союзники благополучно отбыли восвояси и их альянс распался. Бану-Курайза скоро осознали, в какое затруднительное положение они попали. Либо Хуйй ибн Ахтаб, их злой гений, либо Ка‘б ибн Асад, их вождь, либо они вместе, представили клану три возможных пути действия: покориться Мухаммаду и принять его Веру; бросить вызов Мухаммаду и бороться до последнего, сначала убив всех своих женщин и детей, чтобы избавить их от рабства в случае поражения; или выйти из крепости на следующее утро, в шаббат, и напасть на окружающих их мусульман.

Ни один из этих вариантов не мог быть принят. Они не могли уверовать в Мухаммада, не могли убить своих женщин и детей, и идти в атаку в шаббат было для них отвратительно. Когда-то раньше Бану-Курайза были союзниками Ауса, и сейчас они попросили Мухаммада послать к ним человека из Ауса по имени Абӯ-Лубāба. Рассказывают, что этот самый Абӯ-Лубāба якобы дал им понять, с помощью какого-то жеста, что если они выйдут из своей крепости, Мухаммад их уничтожит; затем, осознав, что предал Пророка, он бежал в мечеть и привязал себя к колонне, наложив на себя епитимью. (Впрочем, вскоре он был прощён.) Однако здесь наблюдается противоречие с фактически произошедшими после этого событиями, поскольку, как мы увидим, уничтожение всех мужчин Бану-Курайза было предпринято по приказу не Мухаммада, но умирающего Са'да ибн Му'āза.

Бану-Курайза отсиживались за своими стенами, а мусульмане держали их в осаде. Хотя летописцы рассказывают о стычках, потерь, судя по всему, было немного. Ни одна из сторон не могла обеспечить себе победы, но положение Бану-Курайза было гораздо хуже, потому что они были окружены и не имели в своём распоряжении тех ресурсов, которыми обладала Медина. Наконец, они выступили с предложением покинуть Медину, как это сделали раньше Бан ан-Надйр. Но Мухаммад потребовал безусловной капитуляции. В итоге они согласились выйти и подчиниться решению арбитра, назначенного Мухаммадом. Пророк назначил Са'д ибн Му'āза, вождя Аус, чтобы он решил их судьбу. Он был союзником и другом этих евреев. Будучи тяжело ранен и находясь при смерти, слишком слабый, чтобы двигаться, Са'д сидел на осле, поддерживаемый двумя спутниками. В таком виде его доставили в мечеть. Члены Ауса просили его быть милосердным. Но Са'д, суровый и непреклонный, приказал умертвить всех мужчин Бану-Курайза. Их женщины и дети должны были быть проданы в рабство, а их имущество поделено среди мусульман. Количество погибших в результате этого массового избиения достоверно неизвестно; вероятно, их было около семисот. Некий старик, Зубайр ибн Бāтā, когда-то спас жизнь Сāбиту ибн Қайсу ибн аль-Шаммāсу, последователю Пророка. Сāбит просил Мухаммада помиловать Зубайра, и Пророк удовлетворил его желание, однако Зубайр предпочёл умереть. Мухаммад женился на одной из женщин Бану-Курайза по имени Райхāна бинт 'Амр.

Профессор Монтгомери Уатт так комментирует участь Бану-Курайза:

«Некоторые европейские писатели критикуют этот приговор за его якобы жестокий и бесчеловечный характер...

Для мусульман, участвовавших в казни, главным вопросом был следующий: нужно ли ставить верность исламской общине превыше всех прочих союзов и привязанностей?.. Те члены Ауса, которые просили о снисхождении для Курайза, по-видимому, считали, что они предали только Мухаммада, но не Аус. Такое отношение подразумевает, что эти люди считали себя, прежде всего, членами Ауса (или некоторого его клана), а не исламской общины. Нет никакой необходимости считать, будто Мухаммад оказал какое-то давление на Са'да ибн-Му'āза, чтобы он наказал Курайза именно так, как тот это сделал. Такой дальновидный человек, как Са'д, несомненно, понимал, что если позволить племенной или клановой верности встать выше исламского единства, то братоубийственные распри, от которых приход Мухаммада должен был избавить Медину, вспыхнут с новой силой. Говорят, что Са'д, когда его привели к Мухаммаду, чтобы он огласил свой приговор, высказался в том смысле, что на пороге смерти он должен думать прежде всего о своём долге по отношению к Богу и исламской общине, даже если для этого надо будет пожертвовать былыми союзническими связями.»⁵⁶

Профессор Монтгомери Уатт замечает также:

«После уничтожения Курайза в Медине не осталось ни одного значительного еврейского клана,— только, вероятно, несколько мелких групп. Упоминается имя одного еврейского купца, который даже купил некоторых женщин и детей Курайза!..

⁵⁶ Мухаммад, Пророк и государственный деятель (Muhammad, Prophet and Statesman), стр. 173-4.

Присутствие в Медине по крайней мере нескольких евреев опровергает мнение, иногда высказываемое европейскими учёными, что во втором году после хиджры Мухаммад стал проводить политику очищения города от всех евреев просто потому, что они были евреями, причём постепенно эту политику ужесточал. Но придерживаться подобных стратегий было не в стиле Мухаммада. У него было сбалансированное мнение насчёт основных причин возникшей ситуации и собственных долговременных целей, и он составлял свои повседневные планы именно в свете этого понимания и с учётом меняющихся условий. Обстановка во время его атак на первые два еврейских клана была обусловлена просто стечением обстоятельств; впрочем, в основе их лежали серьёзные причины. Евреи в целом, путём устной критики коранического Откровения, старались подорвать основание всей исламской общины; они также оказывали политическую поддержку врагам Мухаммада и его противникам — например, Лицемерам. Как только евреи прекратили противодействовать Мухаммаду в таких формах, он позволил им спокойно жить в Медине.»⁵⁷

12

Перемирие аль-Худайбийя

После откровенно неудачной кампании союзников и изгнания Бану-Курайза безопасность исламской общины Медины достигла такого уровня, о котором раньше она могла только мечтать. Казалось очевидным, что никакой альянс отныне не сможет угрожать Городу Пророка. Однако в самом городе Лицемеры, хотя и лишившиеся теперь массовой поддержки, продолжали насмеяться и брюзжать. Мухаммад дал им возможность в полной изоляции следовать выбранному ими тупиковому курсу; навредить общине они уже не могли. Он направил Свой взор далеко за пределы Медины, туда, где таились другие враги. Таким образом, в 6 году хиджры (23 мая 627 г. — 10 мая 628 г.), в июле, он отправил экспедицию к Бану-Лиҳйāн, чтобы наказать их за предательство при ар-Раджй'. Но Бану-Лиҳйāн ушли в холмы, и битвы не получилось. Во время этого похода Мухаммад посетил могилу Своей матери.

В течение следующих месяцев было предпринято, с переменным успехом, ещё несколько походов, под предводительством таких выдающихся воинов, как 'Альй, Зайд, Мухаммад ибн Маслама, 'Уккāша ибн Муҳсин, 'Абд ар-Раҳмāн ибн 'Ауф и Абӯ-'Убайда ибн аль-Джаррāх. Тот, в котором принимал участие Сам Мухаммад, начался скромно: его называют Ғазва Зй-Қарад. 'Уйайна ибн Хисн, вождь Ғатафāна, которому Мухаммад во время осады предложил треть всех фиников Медины, был расстроен тем, что атака на Медину в компании с курайшитами не принесла ему никакой выгоды; он совершил молниеносный налёт и захватил несколько верблюдов, принадлежащих Пророку. В стычке погибло несколько пастухов. Когда новости об этом достигли Медины, несколько человек поспешили на место схватки, а за ними отправился Пророк с небольшим отрядом. Серьёзной битвы не получилось, но во время быстрого обмена ударами (так называемая «тактика булавочных уколов», или «ударь и беги») были убиты 'Абд ар-Раҳмāн, сын вождя Ғатафāна, и ещё три члена этого племени. Погиб также один мусульманин. Несколько верблюдов удалось отбить, а с остальными налётчики скрылись. Пророк остановился у колодца Зй-Қарад — отсюда и название этой Ғазвы. Мусульманка, похищенная вместе с верблюдами, смогла бежать от своих пленителей. Когда она добралась до лагеря, где находился Пророк, она рассказала Ему, что дала обет пожертвовать верблюда, на котором ехала, в случае своего спасения. Мухаммад с улыбкой ответил ей, что она свободна от своего обета, потому что, во-первых, это не её верблюд, чтобы им жертвовать (верблюды принадлежали Ему), а во-вторых, вряд ли это будет хорошая награда животному, что в целостности доставило её домой.

Особенно активным в 6 году хиджры, судя по всему, был Зайд. Он повёл торговый караван в Сирию — первый караван, когда-либо отправившийся из Медины. Он также совершил удач-

⁵⁷ Там же, стр. 174-5.

ный налёт на караван мекканцев. Среди этих мекканцев был Абӯ-ль-‘Ас, муж Зайнаб, дочери Пророка. Как мы помним, Абӯ-ль-‘Ас был взят в плен при Бадре и затем освобождён под выкуп. Как он и обещал, он отослал свою жену в Медину. В этот раз он смог добраться до Медины и попросить её о помощи. Зайнаб бросилась к Своему отцу, пока ещё Ему не сообщили о прибытии незнакомца, и сказала, что дала своему мужу дживār — защиту. Её обещание было принято, и все товары, принадлежавшие Абӯ-ль-‘Асу, были возвращены. После этого он отправился в Мекку, вернул своим клиентам их товары, уладил все свои дела, возвратился в Медину и поклялся в верности Пророку. Его обращение, должно быть, весьма обрадовало Муҳаммада, потому что Абӯ-ль-‘Ас был не только Его зятем, но и любимым племянником Хадйджи.

Сирийский караван Зайда попал в ловушку. Его перехватил Банӯ-Бадр, один из кланов Ғатафāна. Много мусульман было убито, а товары разграблены. Сам Зайд смог добраться до Медины. Муҳаммад дал ему людей, чтобы он нашёл налётчиков. Зайд нагнал их у Вāди-ль-Кура’ и смог отомстить за своё поражение.

Экспедиция под предводительством ‘Абд ар-Раҳмāна ибн ‘Ауфа достойна особого упоминания. Его целью был оазис Думат аль-Джандаль, куда за год до этого отправлялся Сам Пророк с целью покарать грабителей. Племя Банӯ-Килāб приняло его спокойно. Он пробыл с ними три дня, и за это время Асбаг, их вождь, исповедовавший Христианство, а также несколько членов его клана, приняли Ислām. Остальные согласились платить джизйа — налог. ‘Абд ар-Раҳмāн взял в жёны дочь вождя и возвратился в Медину, не ввязавшись за время похода ни в одну битву.

В декабре 627 года Муҳаммад узнал, что аль-Хāрис ибн Абй-Дирār, вождь Бан аль-Мусталиқ, одного из кланов Хузā‘а, собирает войско и заключает союзы с целью напасть на Медину. Однако планы его, по-видимому, были мало известны, и поэтому Бурайда, — тот самый, что въехал в Медину со знаменем Пророка в день Его прибытия в город, — вызвался разузнать о намерениях вождя. Он отправился к аль-Хāрису, сделав вид, что хочет присоединиться к нему для битвы против Муҳаммада. Аль-Хāрис был безмерно рад и рассказал Бурайде о всех своих приготовлениях, а тот сразу поспешил с этой информацией к Пророку. Муҳаммад во главе Своей армии отправился к аль-Мурайси’ — колодцу, которым пользовались члены Бан аль-Мусталиқ. Их сопротивление было вскоре сломлено, и многие попали в плен, включая дочь самого аль-Хāриса. Её пленитель, некто Сāбит ибн Қайс, отвёл её к Пророку, чтобы обсудить вопрос выкупа. Представ перед Муҳаммадом, она провозгласила себя мусульманкой. Муҳаммад предложил заплатить за неё выкуп, дал ей имя Джувайрййа и женился на ней. Увидев, что дочь аль-Хāриса стала женой Пророка, мусульмане решили, что они могут освободить всех своих родственников, попавших в плен, и так и сделали. После этого сам аль-Хāрис пришёл к Пророку и объявил о своей вере в Него. Муҳаммад дал Джувайрййе выбор: вернуться к своему клану вместе с отцом или отправиться с Ним в Медину. Она с радостью выбрала последнее.

На обратном пути в Медину произошло два значительных события. Пока мусульмане стояли лагерем у колодца, некий человек из клана Ғифārй, состоявший в услужении у ‘Умара, и один из родственников ансāритов поспорили, кто будет первый доставать воду из колодца. Синāн, джуханйтский союзник ансāритов, был ранен и воззвал к мединцам о помощи. А конюший ‘Умара, обнаружив себя в опасности, позвал на помощь мухāджирун. Некоторые летописцы утверждают, что две стороны подрались, и, более того, пролилась кровь. Другие ничего не говорят о вооружённом столкновении между мусульманами мекканского происхождения и ансāритами Медины, упоминая только, что некий человек по имени Джи‘āль был настолько агрессивен, что столкновение казалось неизбежным, но остальные умоляли Синāна простить грубость ғифārйтского конюшего, и тот согласился. На этом бы всё и кончилось, если бы не ‘Абдаллāх ибн Убайй, который устроил Джи‘āлю грубый нагоняй. Джи‘āль не пожелал кротко терпеть оскорбления ‘Абдаллāха и ответил ему тем же. В итоге этот представитель Лицемеров вышел из себя и сказал своим соотечественникам, что они пожинаят то, что посеяли: они впус-

тили этих мекканцев в свой город, поделились с ними всем, что у них было, дали им кров и работу, а те обнаглели и распоясались. «Вот так кормишь свою собаку,— сказал он,— а она потом тебя сожрёт». В завуалированных выражениях он дал понять, что хотел бы изгнать Мухаммада из Медины. Зайд ибн Арқам, юноша из ансаритов, которому, очевидно, ещё не было пятнадцати лет, услышал угрозы 'Абдаллаха и передал его слова Пророку. Мухаммад не хотел верить этому и ответил Зайду, что он, наверное, плохо расслышал, что именно сказал сын Убаййа. Но Зайд был непреклонен, хотя многие мединцы строго упрекали его за то, что он так нагло обвиняет столь уважаемого в их городе человека. 'Умар ибн аль-Хаттаб, как всегда нетерпеливый, попросил разрешения отрубить голову лицемеру 'Абдаллаху. Мухаммад запретил ему и предпочёл ждать. Затем Он получил Откровение, подтверждающее правдивость Зайда. К этому моменту 'Абдаллах уже громко отстаивал свою невиновность, а его собственный сын предлагал избавить общину от отца-смутьяна. Мухаммад, однако, не позволил этого. Тем не менее, несмотря на свои громкие протесты, 'Абдаллах скоро нашёл ещё одну возможность высмеять и принизить Пророка.

Всякий раз, как Мухаммад отправлялся в поход, Его сопровождала одна из Его жён (а иногда и две). Во время этой газвы против Бан аль-Мусталик с Пророком были и 'А'иша, и Умм-Салама. На обратном пути, во время последней остановки перед Мединой, 'А'иша потеряла ожерелье и отправилась его искать. Когда она вернулась назад, армия уже ушла. Поскольку в её паланкине шторы были задёрнуты, её отсутствия никто не заметил. Теперь 'А'иша могла только сидеть на обочине и ждать помощи. Поскольку время было предрассветное, 'А'иша заснула. Тем временем некий молодой человек приятной наружности по имени Сафван ибн Му'тал задержался в покинутом лагере. Согласно указанию Пророка, он разыскивал забытые вещи, чтобы потом вернуть их владельцам. Проходя по оставленному лагерю, Сафван заметил нечто, что сначала показалось ему тюком, но, подойдя поближе, он с изумлением осознал, что это женщина, причём не просто женщина, но 'А'иша, жена Пророка. Хотя он и чувствовал себя в высшей степени неудобно, ему ничего не оставалось, кроме как заставить своего верблюда встать на колени, сойти с него самому и посадить на него 'А'ишу. Ведя верблюда в поводу, он без приключений привёл его домой — но зрелище было весьма необычным.

И вновь на этом всё и закончилось бы, если бы не старания сплетников, главным из которых был 'Абдаллах ибн Убайй. Сама 'А'иша пребывала в блаженном неведении относительно этих чудовищных инсинуаций и никак не могла понять отчуждённость Мухаммада. Когда она узнала от них (ей рассказала об этом мать Мистаха, который сам приложил руку к распространению слухов), она попросила разрешения уйти в дом своего отца. Мухаммад согласился. Насмешки 'Абдаллаха ибн Убаййа были особенно болезненными. Мухаммад был опечален и избегал общества; атмосфера была гнетущей. Две основные ветви ансаритов, Аус и Хазрадж, уже готовы были взяться за оружие, потому что 'Абдаллах Лицемер был из хазраджитов и всё ещё обладал некоторым влиянием в своём клане. Абӯ-Бакр, в высшей степени уважаемое лицо, был глубоко оскорблён и не решался предпринять что-нибудь, чтобы очистить имя своей дочери, поскольку Пророк сознательно хранил молчание. «В те дни, когда мы были идолопоклонниками,— сказал он,— никто не смел выдвигать против нашего Дома таких обвинений. Насколько меньше могут они повредить ему сейчас, когда наши сердца освещены верой в единого истинного Бога!» Однако Пророк по-прежнему хранил молчание, пока не получил Откровение, устанавливающее невиновность 'А'иши и порицающее её обвинителей:

Пришедшие с клеветой — из вас же самих;

Не считайте, что в том зло для вас;

нет — сие для вас благо.

Всякий грех, свершённый одним из них, будет вменён ему в вину,

а всякий из них, кто принял на себя большую часть его,— того ожидает великое наказание.

Отчего бы, когда вы это услышали, верующие — мужчины и женщины — не подумали сами об этом доброе и не сказали:

«Сие явная клевета»?

Почему не привели они четырёх свидетелей в этом?

Но поскольку не привели они свидетелей, то они в глазах Бога суть лжецы.

Если бы не благоволение и милость Божии к вам в мире сём и в мире грядущем, то вас за ваши роптания постигло бы великое наказание.

Вот, вы подхватываете ложь своими языками,
и говорите своими устами о том, чего не знаете,
и считаете сие мелким делом,
тогда как пред Богом сие — тяжкое дело.

И отчего вы, когда слышали о том, не сказали:

«Не годится нам говорить о сём;
слава Тебе! Сие — величайший навет»?

Увещевает вас Бог, чтобы вы никогда не повторяли ничего подобного,
если вы верующие.⁵⁸

Четвёртый стих той же сūры предписывает наказание в восемьдесят плетей тому, кто клеветает на замужнюю женщину и не может представить в поддержку своего обвинения четырёх надёжных свидетелей. Поэтому Мухаммад велел схватить зачинщиков смуты и бичевать их. Одним из них был Хассан ибн Сабит, главный поэт среди ансаритов; другим был Мистах ибн Уса, двоюродный брат Абū-Бакра. Некоторые утверждают, что Абдаллах ибн Убайй не был наказан, но это кажется маловероятным, поскольку никто не смог бы (да и не хотел, скорее всего) встать на его защиту в этих обстоятельствах. Рассказывают, что поэт написал сатиру на Сафвана, того самого красивого молодого человека, чьё имя было соединено с именем 'А'иша', и Сафван был в таком гневе, что ударил поэта кинжалом; после чего Қайс ибн Сабит собирался наказать Сафвана, но Абдаллах ибн Рауаха, один из выдающихся людей среди ансаритов, вмешался и отвёл обоих к Пророку. Мухаммад обратился к поэту с просьбой простить Сафвана за его горячий поступок. Хассан согласился, и Пророк передал ему в качестве возмещения кое-какое имущество.

Мистах был бедным сиротой, целиком зависевшим от Абū-Бакра, своего двоюродного брата. Когда он вырос, Абū-Бакр продолжал поддерживать его, но после того, как тот так ужасно оскорбил 'А'ишу, его двоюродный брат не желал больше его поддерживать, и поклялся прекратить делать это. Однако когда он услышал вердикт Откровения касательно этого решения — решения, порождённого обидой, — он восстановил Мистаха во всех его прошлых правах:

И пусть не перестают щедрые и обладающие достатком среди вас давать родственникам и бедным, и выселившимся на пути Божиим;

но пусть прощают и милуют.

Разве не хотите вы, чтобы Бог простил вам?

Бог — Всепрощающий,

Всесострадательный.⁵⁹

Мистах был родным Абū-Бакра, бедным человеком и переселенцем.

Еврейские противники Пророка, которые сейчас все собрались в крепости Хайбар, что к северу от Медины, продолжали разжигать враждебность кланов. Они всё ещё мечтали о единой кампании против Пророка. Создать новый союз, враждебный Мухаммаду, было к этому времени уже невозможно, но их мелкие интриги от этого не шли на убыль. Аль-Харис из Бан аль-Мусталик, судя по всему, получил моральную и материальную поддержку от эмиссаров из Хайбара. Саллам ибн Аби-ль-Хуқайк, человек, изгнанный из Медины, был одним из заклятых

⁵⁸ Сурат ан-Нур («Свет»), XXIV:11-16.

⁵⁹ Там же, ст. 22.

врагов Пророка. В начале 628 года он погиб от руки убийцы. Мусульманские историки соглашаются в том, что Пророк дал санкцию на его уничтожение, поскольку тот стал очень опасным противником.

Как-то ночью Мухаммаду приснилось, что Он отправился на паломничество в Мекку. Утром Он объявил, что немедленно отправляется в это путешествие, и призвал Своих последователей присоединиться к Нему. Он объявил, что они отправляются в Мекку как паломники, а не как воины, собирающиеся на битву. У каждого будет, из всего оружия, только его меч, когда они приблизятся к окраинам Мекки. Между тем, это был месяц зу-ль-қа'да, предшествующий месяцу зу-ль-хиджжа, когда совершаются обряды хаджжа (паломничества). Таким образом, это путешествие Пророка могло быть предпринято только ради 'умра, то есть малого паломничества. Тринадцатого марта 628 года Мухаммад выступил по направлению к Мекке в сопровождении примерно 1600 человек. На Нём было белое облачение — одежды паломника, и Он вёл с Собой семьдесят верблюдов для жертвоприношения. Многие Его последователи нашли причину не идти с Ним в это паломничество. Это был не джихад против идолопоклонников. Это была не газва под предводительством Пророка. В конце пути ждала неизвестность. Однако Пророка сопровождало несколько человек из клана Хузә'а, некоторые из которых, вероятно, не были мусульманами. В 'Усфәне некто Буср ибн Суфйән из племени Банӯ-Ка'б сообщил Пророку, что қурайшиты решили помешать Ему войти в Мекку. Они не могли поверить, что Мухаммад пришёл с мирными целями. Отряд кавалерии под командованием неустрашимого Хәлида ибн аль-Валйда занял позиции у Курә' аль-Ғамйм, чтобы помешать Его продвижению. Но Пророк отправился другой дорогой и вышел к аль-Худайбийя, всего в нескольких километрах от Мекки. Там Он остановился и стал ждать дальнейшего развития событий.

Вскоре в аль-Худайбийя прибыл Будайль ибн Варқә', занимавший высокое положение в Банӯ-Хузә'а, — он хотел выяснить ситуацию и сообщить о ней қурайшита. Пророк сказал ему то же самое, что уже говорил Своим последователям: Он пришёл не для битвы, но как паломник. Будайль ему поверил; а вслед за ним поверил и аль-Хулайс ибн 'Алқама, член Банӯ-Кинәна, прибывший в аль-Худайбийя с таким же заданием. В то время как Банӯ-Хузә'а были дружественно настроены по отношению к Мухаммаду, и Будайль питал такие же чувства, люди из Кинәна были союзниками қурайшитов и принимали участие в осаде Медины. Поэтому аль-Хулайс был глубоко уязвлён, когда мекканцы отвергли его рассказ, заявив, что он — невежественный бедуин; а ведь он так старательно служил қурайшита в прошлом! Ещё один эмиссар мекканцев, Микраз ибн Хафс, сам қурайшит, принёс назад те же новости: что Мухаммад пришёл не на битву, а хочет только посетить Дом Ка'бы. Несмотря на всё это, қурайшиты были недовольны и не знали, на что решиться. Их угнетала мысль о том, что Мухаммад, в сопровождении значительных сил, находится от них всего в нескольких километрах. Было очевидно также, что перспектива битвы их нисколько не вдохновляет. В Мекке жил некто 'Урва ибн Мас'уд из Банӯ-Сақйф, хорошо известный и в высшей степени уважаемый человек. Он сказал, что может пойти и встретиться с Мухаммадом. Разговаривая с Мухаммадом, он избрал настолько покровительственный и высокомерный тон, что, согласно ибн Хишәму, Абӯ-Бакр, обычно столь мудрый и воздержанный в своей речи, сделал по этому поводу непристойное замечание. Во время разговора 'Урва непрестанно дёргал Пророка за бороду; а аль-Муғайра ибн Шу'ба, стоявший у Пророка за спиной, каждый раз бил 'Урву по руке ножнами своего меча. Визит 'Урвы ничего не решил, но он был настолько впечатлён увиденным, что по возвращении в Мекку сказал қурайшита, что такого обожания, которое мусульмане выказывают Мухаммаду, он не видел больше ни у кого — ни при дворе Хосрова, ни у цезаря или негуса.

Ситуация зашла в тупик. Мекканцы испытывали неуверенность и ни на что не могли решиться, мусульмане чувствовали себя не в своей тарелке и начали терять терпение. Наконец, Мухаммад взял инициативу в Свои руки. Он послал 'Усмәна ибн 'Аффәна, Своего зятя, на переговоры с қурайшитами. Согласно ибн аль-Асйру, Мухаммад хотел поручить это дело 'Умару ибн аль-Хаттәбу, но 'Умар сослался на то, что у него не осталось никакого влияния в Мекке, и поскольку там нет теперь почти никого из его клана, Банӯ-'Адй, его жизнь может оказаться в

опасности. Он предложил отправить ‘Усмāна, потому что тот принадлежал к влиятельному Дому Умаййи и был двоюродным братом Абū-Суфйāна. ‘Усмāн ушёл, и некоторое время от него не было никаких вестей. Мусульмане были очень обеспокоены, поскольку разнёсся слух, что ‘Усмāна убили. Муḥаммад не мог проигнорировать страхи и сомнения, охватившие Его лагерь, и потребовал от Своих последователей вновь принести Ему клятву верности, как это сделали шесть лет назад мужчины и женщины Йасриба на перевале ‘Ақаба. Он стоял под деревом, и все они, один за другим, подошли к Нему, коснулись Его руки и поклялись Ему в вере и преданности. ‘Усмāна всё не было. Муḥаммад поднял Свою правую руку, объявил, что она будет как будто бы рукой ‘Усмāна, и коснулся ею другой Своей руки. Эта обновлённая клятва верности известна как Бай‘ат ар-Ридвāн — клятва Ридвāна (доброй воли). Стих 19 сūры XLVIII (аль-Фатḥ, «Победа»), повествует об этом событии:

Был доволен Бог верующими, когда они присягали тебе под деревом; и ведомо было Ему, что у них в сердцах, и низвёл Он на них сакину,⁶⁰ и наградил их близкой победой и обильной добычей; воистину, Бог — Всемогущий, Премудрый.

Но Усмāн, в конечно итоге, всё же вернулся, а из Мекки пришёл Сухайл ибн ‘Амр, чтобы вести переговоры с Пророком от имени қурайшитов. Он был одним из вождей города; в своё время его взяли в плен при Бадре, а затем выкупили. Когда дошло до подписания договора и ‘Алй, выполнявший роль писца, записал под диктовку Пророка: «Вот о чём Муḥаммад, Апостол Божий, договорился с Сухайлом ибн ‘Амром», Сухайл немедленно возразил: «Если бы мы признавали тебя Апостолом, мы не закрывали бы тебе дорогу в Мекку». Пророк хотел заключить мир, а потому спокойно велел ‘Алй написать «Муḥаммад ибн ‘Абди-ль-лāх» вместо «Муḥаммад, Апостол Божий». Условия договора вызвали смятение среди мусульман. ‘Умар, изумлённый и потрясённый, отправился к Абū-Бакру, чтобы выразить своё недоумение. Абū-Бакр, как всегда безмятежный и невозмутимый, посоветовал ему поговорить с Самим Пророком. Пророк же на все увещевания ‘Умара отвечал, что Он не отклонится от того, что заповедал Бог: Он не будет биться с мекканцами, но будет стремиться к миру.

Муḥаммад согласился на десятилетнее перемирие с қурайшитами, пообещал отсылать назад в Мекку любого, кто придёт к Нему из этого города, чтобы стать мусульманином, не требуя аналогичных действий от противной стороны. Таким образом, беженец из Медины мог жить в Мекке в полной безопасности. Племена могли вставать на любую сторону, пользуясь при этом неприкосновенностью, вытекающей из условий десятилетнего перемирия. Единственной уступкой со стороны мекканцев было позволение Муḥаммаду и Его последователям прибыть на следующий год в Мекку, имея при себе из оружия только мечи в ножнах, и остаться там на три дня, чтобы выполнить ритуалы ‘умры. Неудивительно, что мусульмане чувствовали себя обиженными и пали духом. Однако они только что обновили свою клятву верности Муḥаммаду. Именно в этот момент из Мекки пришёл Абū-Джандаль, сын самого Сухайля ибн ‘Амра, — в лохмотьях, волоча за собой ножные вериги. С ним обошлись так жестоко потому, что он хотел стать мусульманином. Теперь он смог убежать и добраться, как ему казалось, до безопасного места. Его отец вмешался и потребовал вернуть сына, согласно условиям только что подписанного договора. Муḥаммад просил Сухайля сделать в отношении Абū-Джандалья исключение, но Сухайль отказался удовлетворить просьбу Пророка. Абū-Джандаль, сокрушённый жестокостью своей судьбы, воззвал к мусульманам, которые могли лишь стоять вокруг него, смущённые, беспомощные и разгневанные. Муḥаммад велел Абū-Джандалью быть терпеливым, и Бог облегчит его путь; а член мекканской делегации пообещал, что Абū-Джандалья не будут больше мучить. ‘Умар отвёл юношу в сторонку, крепко держась за свой меч, так, чтобы Абū-Джандаль это видел, и стал шептать ему, что все эти мекканцы — многобожники, и поэтому в пролитии их крови не будет греха. Абū-Джандаль понял эту мысль, но не стал ничего предпринимать.

⁶⁰ См. стр. 480 (англ. текста — вторая часть книги).

Как только Сухайль ибн ‘Амр и его спутники возвратились в Мекку, Мухаммад велел Своим людям обрить головы (часть обряда паломничества) и совершить жертвоприношение. Он повторил этот приказ дважды, потом ещё раз, но мусульмане, ошеломлённые и сломленные, ничего не отвечали. Когда Мухаммад пожаловался Умм-Саламе, Своей жене, что никак не может заставить их сделать то, что нужно, она предположила, что только Его собственный пример окажет необходимое воздействие. Её оценка ситуации оказалась правильной. Исполнив часть обрядов ‘умры в аль-Худайбийя, Пророк отправился назад в Медину. Но мусульмане всё ещё были подавлены и чувствовали себя униженными. На полпути между двумя городами Пророку была явлена Сурат аль-Фатх (сūra «Победа»). Она открывается такими словами: «Воистину, Мы даровали тебе блистательную победу». (XLVIII, 1.) Мухаммад исполнился радости, но мусульмане не могли понять, что это означает, и по-прежнему пребывали в глубокой депрессии.

Вскоре стало очевидно, что перемирие, заключённое в аль-Худайбийя, действительно было замечательной победой. Десятилетнее перемирие означало, что мусульмане и идолопоклонники теперь могли спокойно общаться друг с другом. В результате такого свободного общения люди преисполнялись высочайшего уважения к Мухаммаду, что сильно ослабляло позицию қурайшитов. В течение буквально нескольких месяцев такие выдающиеся мекканцы, как Халид ибн аль-Валид и ‘Амр ибн аль-‘Ас дезертировали из Мекки, чтобы принять Ислам. Но как же им позволили остаться в Медине, несмотря на договор аль-Худайбийя? Вот, вкратце, эта история. Не успел Мухаммад достичь Медины, как Абū-Бақйр — ‘Утба ибн Усайд из Банū-Сақйф — вырвался из Мекки и покрыл расстояние между двумя городами за семь дней. По пятам за ним следовали два человека, которые должны были увезти его назад в Мекку. Пророк выдал его, согласно заключённому договору. По пути в Мекку, Абū-Бақйр убил одного из охранников его собственным мечом. Другой охранник бежал в Медину, ища там защиты. Абū-Бақйр тоже возвратился в Медину, но, зная, что Пророк не позволит ему остаться, отправился в Вадй аль-‘Айс, расположенный недалеко от моря, на торговом пути. Вскоре Абū-Джандаль и многие другие смогли также бежать из Мекки и присоединиться к нему. Их число достигло семидесяти, а возможно, и более. Некоторые источники называют даже цифру в триста человек. Там они стали настоящим бичом для мекканской торговли. Қурайшиты, волей-неволей, вынуждены были послать в Медину депутацию и просить Мухаммада опустить в их соглашении пункт, обязывающий возвращать назад мекканских беглецов, на что Мухаммад с радостью согласился. Абū-Бақйр был при смерти, когда он получил от Пророка письмо, извещающее его, что он может вернуться в Медину. Абū-Джандаль похоронил его, построил над его могилой мечеть и, вместе со своими друзьями, триумфально въехал в Медину. Бог облегчил путь Абū-Джандалья, как Мухаммад ему и обещал. Перемирие аль-Худайбийя, хотя поначалу и вызвавшее упадок духа, в итоге оказалось мощным стимулом для развития Ислама и одной из его блистательных побед.

13

Призыв к царям

Все мусульманские историки соглашаются в том, что Мухаммад написал правителям близлежащих земель, призывая их принять Его как Посланника Божиего. Западные историки, с другой стороны, подвергают сомнению любые подобные утверждения. Конечно, архивы Сасанидов Ирана, императоров Византии, прелатов Египта и амхаритских царей Эфиопии безнадежно утрачены. Эти источники ничем не могут нам помочь. Кроме того, даже если бы какая-нибудь из исторических работ того времени дошла до нас, ни один историк не стал бы упоминать о письме некоего безвестного человека, проживающего в захолустной Аравии. В то время два гиганта, раскинувшихся на Восточную Европу, западную Азию и Северную Африку, полностью истощили силы друг друга. Иранцы и византийцы уже на протяжении почти целого поколения вели смертельную битву. Когда их двадцатичетырёхлетняя война только началась, персы одерживали одну победу за другой. Они захватили Палестину, Сирию и Малую Азию,

приближались к Александрии и осадили Константинополь. Затем Гераклий, византийский император, сделал гигантское усилие и оттеснил захватчиков к подножиям Иранского плоскогорья. Хусрау Парвиз (Хосров II), сасанидский монарх, безрассудно продолживший войну, хотя у него была возможность заключить весьма выгодный мир, в гневе казнил своих потерпевших поражение генералов, а потом и сам был свергнут и убит в 628 г. от Р. Х. Когда в стране бушуют бедствия и земля лежит в руинах, любой летописец будет обращаться к текущим событиям — поражениям и триумфам, горестям и облегчениям,— и не станет уделять внимания письму от никому не ведомого араба, которое покажется ему совершенно ничтожным.

Окончательная победа Гераклия предсказана в Кур'ане. В то время, как персы и византийцы практически не интересовались делами Аравии (даже персидская община в Йемене была позабыта и предоставлена самой себе), мекканцы, для которых торговля была вопросом жизни и смерти, хотели знать всё о событиях Византийского и Сасанидского царств. Рассказывают, что когда письмо Мухаммада достигло Гераклия, император находился в Эмесе [Химс], где осматривал разрушения, учинённые персами, и там же находился в это время Абӯ-Суфйāн по своим торговым делам. Предание гласит, что впечатляющий успех, достигнутый сасанидской армией в преддверии её полного провала, побудил мекканских идолопоклонников высмеять Мухаммада, потому что последователи Иисуса, которых так превознёс Кур'ан, потерпели жестокое поражение и были в полной растерянности. Якобы именно после этого была явлена Сурат ар-Рӯм (XXX):

Рӯм [византийцы] побеждены в близлежащей земле. Они, после поражение своего, будут победоносны через несколько лет. Богу принадлежит власть, и раньше, и позже; в тот день верующие возрадуются помощи Божией. Бог дарует помощь, кому пожелает. И Он есть Всемогущий, Милосердный. Обещание Божие: не нарушит Бог Своего обещания, но большинство людей не знает сего.

(стихи 1-5).

Среди правителей, к которым обратился Мухаммад, единственным, кто кое-что знал о Нем, был негус (называемый мусульманскими историками «наджāшй»). Посланцем Пророка к негусу был человек по имени 'Амр ибн Умаййа. (Здесь можно удивиться, почему был послан особый человек, ведь в Эфиопии всё ещё жили мусульмане, переселившиеся туда более десяти лет назад.) Рассказывают, что негус засвидетельствовал пророческую миссию Мухаммада и послал собственного сына в сопровождении 60-80 человек, чтобы он служил Пророку; но корабль, на котором эфиопский принц плыл в Аравию, утонул в Красном Море, и никто не выжил. Может быть, это просто легенда. Однако непреложным фактом является то, что негус питал к Пророку дружеские чувства. По Его просьбе негус сосватал за Него, через посредника, дочь Абӯ-Суфйāна, и дал ей возможность вернуться к себе на родину. Эта дочь заклётого врага Мухаммада, Умм-Хабйба, была вдовой 'Убайдаллāха ибн Джахша. Последний был братом того самого 'Абдаллāха, что пал при Бадре, и Зайнаб, чей брак с Пророком вызвал конфликт. Находясь в Эфиопии, 'Убайдаллāх отрёкся от Мухаммада и стал христианином, но Умм-Хабйба не последовала за своим мужем. С помощью этого брака Мухаммад ещё больше укрепил Свои связи с Домом Умаййи. Из Эфиопии вернулось ещё несколько мусульман, в том числе Джа'фар, сын Абӯ-Тāлиба и брат 'Алй.

Письмо Мухаммада Хусрау Парвизу (Хосрову II), который терпел в это время одно поражение за другим, отвёз 'Абдаллāх ибн Хузāфа. Рассказывают, что сасанидский монарх был в гневе, разорвал письмо Мухаммада и написал Бāзāну, своему заместителю в Йемене, чтобы тот взял Мухаммада под стражу и отослал в Ктесифон. Пророк, когда ему сообщили о реакции сасанидского императора, предрёк его падение,— а может быть, молился об этом. Бāзāн отрядил двух доверенных лиц в Медину, чтобы они проинформировали Мухаммада о приказе Хос-

рова. Если Мухаммад откажется покориться, объявили они, Хосров принудит Его к покорности и разрушит Его город. Пророк задержал их на некоторое время, а когда они потребовали определённого ответа, Он сообщил им, что Хосрова больше нет: в минувшую ночь его сын Шйрўйа убил его. Предание повествует далее, что Базан удивился тому, какое послание принесли ему его люди, и принял Ислам сразу же, как только вести из Ктесифона подтвердили слова Пророка. То, что персидский правитель Йемена принял Ислам, не вызывает никаких сомнений.

То, что рассказывает о Гераклии такой выдающийся историк, как ибн аль-Асйр, совершенно невероятно. Он утверждает, что когда Гераклий получил письмо Пророка, то провозгласил, что уверен в истинности притязания Мухаммада, расспросил Абў-Суфйана (который, как уже упоминалось выше, как раз находился в городе) касательно происхождения, положения и характера Мухаммада, а затем посоветовал посланцу Мухаммада отправиться в Рим и призвать папу принять Ислам. Ещё более странным выглядит заявление о том, что этот папа (им должен был быть Гонорий I Кампанийский, годы правления 625-638) засвидетельствовал пророческую миссию Мухаммада, но был отвергнут своими последователями. Гераклий, согласно этому преданию, не хотел публично объявлять о своей вере, опасаясь, что его подданные его свергнут. Вряд ли этот рассказ соответствует действительности.

Реакция правителя Египта, которым, согласно мусульманским историкам, был в это время Мақауқис, была столь же двусмысленной. Он послал Пророку подарки вместе с носителем письма, Хатибом ибн Абй-Балта'а. Среди подарков Мақауқиса были две рабыни, Марйа (Мария) и её сестра Шйрйн. Мухаммад взял Марью в жёны, и у них родился сын, которого Пророк назвал Ибрāхїм (Авраам). Ребёнок умер во младенчестве. Мақауқис также послал белого мула по имени Дулдул, и осла по имени Йа'фўр. Предание гласит, что Мухаммад часто ездил верхом на этом муле; затем он перешёл к 'Алй, а от 'Алй — к Хасану, его сыну. Дулдул, как предполагают, жил очень долго; но Йа'фўр якобы умер через несколько лет.

Письмо Пророка аль-Харису ибн Абй-Шимру, гассанидскому принцу в Дамаске, отвёз Шуджā' ибн Вахб из Банў-Асад. Аль-Харис был в гневе и собирался послать против Медины армию. Отговорил его от этого, судя по всему, Гераклий. Принц Йамāмы, Хауза ибн 'Алй, был христианином, и принял посланца Пророка, Салйта ибн 'Амра из Банў-'Амир, с распростёртыми объятиями. На самом деле Хауза, однако, желал всего лишь разделить с Мухаммадом власть; вскоре после этого он умер. Из всех посланцев Пророка по-настоящему успешен был только аль-'Алā ибн аль-Хадрамй. Согласно ибн аль-Асйру, Мунзир ибн Сāvй, правивший Бахрайном от имени сāsанидского монарха, и большинство жителей островов, поклялись в верности Мухаммаду.

Помимо множества неясных моментов, оспаривается также время посылки этих эмиссаров. Ибн аль-Асйр завершает свою летопись событий 6 года хиджры описанием делегаций к правителям; когда он доходит до конца этого эпизода, он пишет: «Начался год седьмой».

14

Иудеи и христиане Севера

Седьмой год хиджры, начавшийся 11 мая 628 года и закончившийся 30 апреля 629 года, стал свидетелем падения последнего еврейского оплота в Аравии. Мухаммад вступил в десятилетнее перемирие с мекканцами, и это соглашение приносило Ему всё больше выгод. Қурайшиты, которые когда-то преследовали и презрительно отвергали Его, вынуждены бежать из родного города, теперь, заключив это перемирие, вынуждены были относиться к Нему как к равному. Свободное общение идолопоклонников и мусульман, ставшее теперь возможным, работало против қурайшитов. Их ущербность становилась всё более очевидной. Все важные центры противодействия Мухаммаду почти перестали функционировать, за одним ярким исключением, которым был Хайбар, большое еврейское поселение к северу от Медины. Враждебность еврейских лидеров Хайбара никак не шла на убыль. Они всячески старались навредить

Мухаммаду и подорвать Его репутацию, они извращали Его слова, смеялись над Его изречениями, и поддерживали любого, кто имел смелость бороться с Ним. Местоположение этого поселения — на пути к северным районам полуострова, поблизости от племенных земель Ғатафāн и Банū-Асад — делала враждебные выпады еврейских вождей ещё более опасными. Ряд западных исследователей утверждает, что Мухаммад предпринял поход на Хайбар для того, чтобы успокоить тех из Своих последователей, которые сопровождали Его в попытке совершить ‘умру, чтобы «вознаградить» их за то, что они вернулись ни с чем. В этих рассуждениях они опираются на тот факт, что атака на Хайбар последовала практически сразу по возвращении из аль-Худайбийя, и что Мухаммад позволил принять в ней участие только тем мусульманам, которые были с Ним на паломничестве. Однако есть и другие, не менее важные факты, которые необходимо учесть при размышлении о мотивах Мухаммада в этом случае. Когда Мухаммад отправился в паломничество, закончившееся почти у ворот Мекки, Он ясно и чётко объявил, что целью его является совершить обряды ‘умра, и около Зу-ль-Хулайфы Он заставил Своих людей освободиться от всего военного снаряжения, за исключением мечей. Когда же Он готовился пойти на Хайбар, то объявил, что если кто-то идёт в этот поход в надежде на трофеи, то ему лучше остаться дома. Несомненно, захват Хайбара обещал значительную прибыль, об этом не стоит даже и говорить. Но целью Пророка было разрушить главный оплот противодействия Ему.

Некоторые мусульманские историки, готовые обвинить лицемера ‘Абдаллāха ибн Убайя во во всех смертных грехах, заявляют, что он послал весть евреям Хайбара о намерениях Пророка, призывая их не замыкаться в крепости, но выйти и биться в открытую. Если бы ‘Абдаллāх ибн Убайй действительно совершил такой обман, то очень странным выглядит поведение Мухаммада, который Сам прочитал за него молитву по усопшим, стоя над его похоронными носилками. Те же историки сообщают нам, что когда армия Мухаммада появилась перед оазисом, евреи, занятые своей обычной работой на полях, были глубоко изумлены и устремились под защиту своих укрепленных домов. Мухаммад двигался из Медины в Хайбар недлинными переходами; если евреи были предупреждены о намеченной атаке, то почему же они тогда беззаботно ходили по открытому месту со своими ведрами и лопатами, вместо того, чтобы позаботиться об обороне, особенно принимая во внимание то, что их хорошие друзья и соседи, клан Ғатафāн, жившие всего в нескольких километрах от них, не спешили придти им на помощь? Сказочная история повествует о том, как ‘Уйайна ибн Хисн, вождь Ғатафāн, с которым мы уже сталкивались ранее, ответил на призыв о помощи из Хайбара и поспешил туда вместе со своими людьми, однако голос с небес предупредил их, что их собственная земля находится в опасности, и поэтому они бросились обратно. Вероятнее всего, ‘Уйайна пришёл, но рассорился с евреями. По прошлым событиям мы знаем, что этот бедуинский вождь был одновременно жаден и ненадёжен.

Хайбар был не единой большой крепостью, окружённой садами и пальмовыми рощами, как это часто представляют при слове «укрепленное поселение». Там было, по крайней мере, пять укрепленных мест, где жили крестьяне. Мухаммад покорил эти пять фортов, один за другим, менее чем за месяц. Население оазиса, должно быть, равнялось примерно двадцати тысячам. Не исключено, что это завышенная оценка, но, в любом случае, у евреев было численное преимущество. Армия Мухаммада была невелика — всего около тысячи четырёхсот человек, ходивших с Ним к аль-Худайбийя. Потери были в обеих сторон, хотя и небольшие. Несколько еврейских вождей погибли в единоборствах, в том числе Мархаб, известный своей смелостью и силой. Его убил ‘Али. По общим отзывам, ‘Али, хотя и занемогший, исключительно храбро воевал при Хайбаре. Очевидно, впрочем, что чудесные подвиги, которые ему приписывают: что будто бы он сорвал железные ворота крепости, использовал их в качестве щита, а затем держал их над крепостным рвом как мост, чтобы мусульманские воины могли пройти в крепость, — являются вымышленными. Удивительно и прискорбно читать в работах, притязующих на историчность, как ангел Гавриил сказал Пророку, что могучие удары ‘Али в этой битве могли пронзить Землю и разрубить быка, на котором она стоит, и поэтому он сам подставился под эти уда-

ры, чтобы уменьшить ущерб от них. Именно такие нелепые истории и делают из Ислама пошлостью. Столь же абсурдно описание ещё одного события, якобы произошедшего во время битвы за Хайбар. Рассказывают, что Мухаммад лежал, положив голову на колени ‘Али, когда на Его лице появились признаки приближающегося Откровения. ‘Али, заметив это, замер. Тем временем солнце село, и у ‘Али не было возможности прочитать молитву, предписанную для предзакатного времени. Тогда Мухаммад помолился о том, чтобы солнце вернулось, оно действительно опять появилось над горизонтом, и ‘Али, таким образом, смог прочесть нужную обязательную молитву. В поддержку этой гротескной истории приводятся ссылки на множество авторитетов. Люди, первоначально озвучившие эту вздорную историю, не имели никакого понятия о том, что означало бы раскрутить Землю в обратную сторону. Повторять её в нынешние времена непростительно.

Не вызывает сомнения, что многие евреи Хайбара служили мусульманам осведомителями. Именно еврей показал Мухаммаду, как можно захватить один из фортков, отключив его водоснабжение. Другой еврей раскрыл местонахождение сокровищницы Кинана ибн Аби-ль-Хукайфа, вождя Хайбара, который уверял, в один голос со своими братьями, что всё золото и все самоцветы давно растрочены. Поскольку евреи сдались на условиях, предписанных Пророком, и согласились не прятать никакого имущества, Кинан должен был теперь поплатиться за этот обман жизнью. Его жена Сафийя, дочь Хуййа ибн Ахтаба, — непримиримого врага Мухаммада с давних времён, виновного в уничтожении Бану-Курайза, — была востребована одним из мусульман. Мухаммад выкупил её, она стала мусульманкой, и Пророк взял её в жёны. Билал-эфиоп, препровождая Сафийю в жилище Пророка, провёл её слишком близко от того места, где лежали мёртвые евреи. Услышав об этом, Мухаммад упрекнул Билала за жестокосердие. Мухаммад был также весьма расстроен, когда Сафийя со слезами на глазах сказала Ему, что Его жёны презрительно зовут её жидовкой. «Аарон был Моим отцом, а Моисей — Моим дядей», — объявил Он.

Евреям теперь позволили остаться в Хайбаре и заниматься своими делами; но половина того, что они производили, отправлялась мусульманам. Фадак, Вади-ль-Кура’ и Тайма’, три других еврейских оазиса поблизости от Хайбара, также капитулировали. Евреи остались в своих прежних крепостях, ведя мирную крестьянскую жизнь до тех пор, пока халифом не стал ‘Умар: он с лихвой воздал им за все прошлые обиды и выслал их из Аравии. К июню 628 года Мухаммад полностью покорил евреев Севера.

Одна еврейская женщина, Зайнаб бинт аль-Харис, чей муж, Саллам ибн Мишкам, погиб при Хайбаре, пыталась отравить Пророка. Узнав, что Мухаммад любит блюдо из лопатки, Зайнаб зажарила козла, намазала его ядом, особенно в районе лопатки, и подарила его Пророку. Пророк пригласил нескольких Своих последователей отведать этого мяса за ужином. Вкус первого же куса был настолько отвратителен, что Мухаммад выплюнул его и объявил, что пища отравлена; но один из мединцев, Бишр ибн аль-Бар’а, был не столь удачлив, и в конечном итоге умер от последствий отравления, — судя по всему, год спустя. Зайнаб с готовностью призналась в своём преступлении. Она сделала это, по её словам, потому что её родственники погибли от рук мусульман. Что произошло с Зайнаб, точно не известно, но, скорее всего, её простили.

Остальную часть 628 года Мухаммад провёл, снаряжая небольшие экспедиции, некоторые из которых были чисто карательными по своей природе. Но Сам Он не участвовал ни в одной из них. Зайда послали в деревни вокруг Фадака, чтобы он пригласил их обитателей принять Ислам. Некий человек по имени Мирдас бежал в холмы со своей семьёй и отарой овец. Усама, сын Зайда, погнался за ним. Когда его уже почти догнали, Мирдас обратился к своему преследователю и произнёс символ веры Ислама: «Нет божества, кроме Бога, и Мухаммад — Его Апостол». Однако Усама не обратил на его декларацию веры никакого внимания и пронзил его копьём. Мухаммад осудил Усаму за этот опрометчивый поступок: «Ты убил человека, который исповедовал Единство Божие и Моё апостольство». Усама пытался было возразить, что Мирдас

произнёс эти слова с целью спасти свою жизнь. «Откуда знаешь ты об этом? — возразил Мухаммад. — Ты что, открыл его сердце и прочёл сокровытое в нём?»

«О верующие! Когда отправляетесь вы куда-то на Стезе Божией, не будьте поспешны и, надеясь на прибыль, не клеймите неверующим того, кто приветствует вас так, как это делают набожные. У Бога — изобильная прибыль. Таковы были вы прежде. И Бог был щедр к вам. Посему, будьте проникательны. Богу хорошо ведомы поступки ваши.» (Сӯра IV, 96: ан-Нисā' — «Женщины».) Таков был вердикт Кур'āна касательно горячности Усāмы. Ибн аль-Асйр утверждает, что сарййа, в ходе которой Усāма убил Мирдāса, проходила под предводительством Гāлиба ибн 'Абдаллāха аль-Лайсй, и направлена она была против Банӯ-Мурра. Ещё одной сарййей командовал Абӯ-Бакр — его отряд отправился в место под названием Дарййа, недалеко от Наджда; этот поход окончился безрезультатно.

В феврале 629 года Мухаммад, в сопровождении тех людей, что были с Ним в аль-Худайбиййа, отправился исполнять отсроченные обряды 'умры. Некоторые историки утверждают, что паломников было около двух тысяч. Если это правда, то, очевидно, к Пророку присоединились и другие люди. Они взяли с собой шестьдесят верблюдов для жертвоприношения. Қурайшиты, узнав о приближении Пророка, эвакуировали население Мекки. Вряд ли город остался совершенно пустым. Достоверно известно, что 'Аббās, дядя Пророка (к этому времени он уже, по всей вероятности, был мусульманином), и его семья, а также другие потомки 'Абд аль-Мутталиба, остались в Мекке. Одной из них была дочь Хамзы (погибшего при Ухуде), которую звали 'Амāра; ей дали также имя Аматаллāх (Служанка Божия). 'Алй и Фāтима взяли её с собой в Медину. Впоследствии между 'Алй, его братом Джа'фаром и Зайдом возник спор, поскольку каждый из них хотел дать ей свою защиту. 'Алй и Фāтима привезли её из Мекки; её отец и Зайд были связаны братскими узами с Пророком; Джа'фар был её двоюродным братом и мужем её тётки по матери. Мухаммад принуждён был вмешаться и решил дело в пользу Джа'фара.

Во время трёхдневного пребывания в Мекке 'Аббās устроил для Пророка ещё один брак. Невестой стала вдова по имени Маймӯна, сестра жены 'Аббāса. Когда три дня, указанные в условиях перемирия, миновали, а Мухаммад не выказывал никакого желания уехать, вожди қурайшитов послали к Нему Хувайтиба ибн 'Абди-ль-'Уззā, хорошо известного в Мекке человека, чтобы потребовать от Пророка покинуть город. Мухаммад спросил, что плохого будет в том, если Он задержится ещё чуть-чуть в связи с приготовлениями к свадебному пиру, на который будут приглашены все. Хувайтиб ответил: «Нам не нужна твоя пища. Уезжай из города». У Пророка не осталось другого выхода, кроме как уехать.

Во дни джāхилййа (невежества), до прихода Мухаммада, во время паломничества люди имели обыкновение следовать такому обычаю: пока они ещё были облечены в один кусок ткани — ихрām, — они не пользовались дверями дома. Вместо этого они карабкались на крышу и спускались в дом оттуда, а бедуины входили в свои шатры сзади, а не спереди. Считалось, что нарушивший этот обычай согрешил. Однако қурайшиты, а также представители кланов Хузā'а, Кинāна, Джудайла, Банӯ-'Амир и Банӯ-Сақйф были освобождены от этого требования, поскольку считались «смелыми», которым не надо соблюдать это ограничение. Однажды во время 'умры один из ансāритов, Рифā'а ибн 'Амр, последовал за Пророком и вышел на улицу через дверь. Немедленно раздались крики, что он «фāджир» — грешник. Мухаммад спросил Рифā'а, почему тот нарушил правило, указав, что Он сам принадлежит к числу Хумс («Смелых»), и поэтому может не обращать внимания на это ограничение. Мединец ответил: «Я твой последователь и поступаю так же, как ты. Если ты из Хумс, то и я должен быть таким же». После этого пришло Откровение, упраздняющее это правило эпохи Невежества: «Не в том благочестие, чтобы входить вам в дома с задней стороны, но благочестие в том, чтобы быть богобоязненным. Входите же в дома через двери и бойтесь Бога, — может быть, вы будете процветать». (Сӯра II, 185: аль-Бақара — «Корова».)

По возвращении в Медину Мухаммад стал готовиться к принятию мер против христианских арабов отдалённых северных регионов (сейчас это Иордания). Аль-Хāрис ибн 'Умайр, му-

сульманин, посланный с миссией мира к правителю Бусры, был безрассудно убит Шурахбйлом, гассанидским принцем. Эта новость, естественно, широко распространилась, и Мухаммад не мог позволить этому преднамеренному и жестокому оскорблению остаться безнаказанным. Он собрал три тысячи человек, назначил командующим Зайда и указал, что в случае его смерти командование должен принять Джа‘фар, брат ‘Али, а после него — ‘Абдаллах ибн Рауаха из ансаритов. Эта армия выступила в поход в сентябре 629 года (8 год хиджры), и прошла почти тысячу километров, чтобы добраться до Ма‘ана. Там мусульмане узнали, что Гераклий выслал против них большие силы. Ибн Хишам упоминает, что византийская армия насчитывала двести тысяч человек — совершенно фантастическая цифра. Утверждается, что помимо греков там были большие контингенты из христианских арабских племён Лахм, Джузъм, аль-Қайн, Бахрә’ и Баллий, под общим командованием Малика ибн Зәфила. Византийская армия использовала в качестве опорной базы Мааб (часто упоминаемый в Библии Моав). Даже если численность её и преувеличена, не вызывает сомнения, что она была слишком большой для того, чтобы мусульмане могли противостоять ей. Они подумывали о том, чтобы послать гонцов в Медину, прося одновременно помощи и руководства, однако всем было ясно, что дорога туда и обратно длинной в две тысячи километров отняла бы слишком много времени. ‘Абдаллах ибн Рауаха сказал своим соотечественникам, что единственный возможный (и подобающий) вариант для них — бесстрашно встретить свою судьбу и погибнуть, как мученики. Две армии встретились около деревни Му’та, поблизости от Ма‘ана. Зайд, Джа‘фар и ‘Абдаллах пали один за другим, и спасти мусульман от полного уничтожения и вести их обратно в Медину досталось Халиду ибн аль-Валиду с его выдающимися способностями полководца. Несмотря на попытки некоторых историков опорочить великого Халида и принизить его роль, не вызывает сомнения, что если бы не его стратегия и тактика, все мусульмане погибли бы в этой незнакомой им местности, окружённые враждебными войсками. Халид, будучи новичком в Исламе, не хотел браться за это дело, но как только оно было поручено ему братьями по Вере, он исполнил его в высшей степени блистательно. Когда мусульманская армия вернулась домой, избитая и обескровленная, мединцы посчитали себя оскорблёнными и стали высмеивать этих героев, которые вынесли так много, но теперь не могли найти себе места от стыда.

Но Мухаммад не выразил никакого осуждения ни им, ни Халиду. Он похвалил и утешил их, а Халида назвал одним из «мечей Божиих». Так этого храброго воина и стали называть с той поры: Сайфаллах, Меч Божий. Рассказывают, что Джа‘фар потерял обе руки, стараясь удержать знамя. Его стали называть Джа‘фар ат-Таййяр — Джа‘фар Окрылённый — поскольку считается, что ему вместо рук были даны крылья. Однако более трезвые комментаторы указывают, что это были не те крылья, какие есть у птиц, но что это прозвище указывает на его духовные качества. Настоящее удивление вызывают записанные летописцами малые потери среди мусульман. Ибн Хишам называет только восемь имён, а максимальное число, упомянутое в хрониках, — четырнадцать.

Мухаммад посетил дома павших командиров-мединцев, утешил их детей и горько оплакивал их смерть вместе с их семьями.

Прежде, чем 19 апреля 630 года закончился восьмой год хиджры, было предпринято ещё несколько походов: под предводительством ‘Амра ибн аль-‘Аса, Абӯ-‘Убайда ибн аль-Джаррәха, Абӯ-Бақра и других. Все они были относительно малозначимыми. ‘Амр ибн аль-‘Ас, впервые с момента своего обращения принявший под командование мусульманский отряд, дошёл до источника Зәт ас-Саләсил, что недалеко от Вәди-ль-Қурә’, где в этот момент для неизвестной цели собрались христиане из Банӯ-Қудә‘а и Бан аль-Қайн, а также местные бедуины. Были стычки, но без особых потерь или приобретений. ‘Амр, судя по всему, старался избегать любовых столкновений, хотя Пророк и послал ему подкрепления по его просьбе.

15

Мекка и падение ат-Тайифа

Поражение мусульман при Му'те было неожиданным — это был удар, но не слишком тяжёлый. Он несколько не замедлил победного шествия Ислама. Напротив, он скорее прославил Мухаммада, показав, что Его армия теперь способна действовать так далеко от дома, причём на враждебной ей территории. Кроме того, эта вылазка проторила дорогу — до того момента едва различимую — к будущим завоеваниям в огромных областях к северу от полуострова. Однако пока главные события разворачивались всё ещё на территории Аравии, медленно, но неотвратимо приближаясь к своей кульминации; величайший триумф Ислама был уже не за горами.

Перемирие аль-Худайбийя было подписано на десять лет. По взаимному согласию сторон в нём появилось одно изменение, о котором мы говорили выше. Пророк уже исполнил обряд 'умра. Ни Мекка, ни Медина пока ни в чём не нарушили условия перемирия. Однако курайшиты не могли контролировать безответственное и недисциплинированное поведение своих союзников-бедуинов, а также сумасбродное поведение некоторых собственных лидеров. Кинана, союзники курайшитов, и Хузая, союзники Пророка, питали друг к другу застарелую ненависть. Перемирие аль-Худайбийя на время прекратило стычки между племенами, которые решили примкнуть к Мекке или к Медине. Однажды вспыхнул спор между неким Анасом из Бану-Бакр, одного из кланов Кинана, и молодым человеком из Хузая. Анас сочинил сатирическую поэму о Пророке и настаивал на том, чтобы продекламировать её на публике. Юноша из Хузая велел ему уgomониться, но Анас пропустил его совет мимо ушей и был избит разгневанным отроком. После этого инцидента несколько человек из Бану-Бакр решили проучить Хузая. Были вытащены на свет Божий древние междоусобицы. Они попытались привлечь на свою сторону ещё один клан, Бану-Мудлидж, но не смогли добиться от них никакой помощи, и отправились за поддержкой к курайшитам. Ряд озлобленных мекканцев, в том числе Сафван ибн Умайя и 'Икрима ибн Абй-Джахль, были настолько глупы, что решили оказать Бану-Бакр вооружённую поддержку. Члены Хузая собрались у принадлежащего им колодца аль-Ватйр, поблизости от Мекки. Люди Кинана и несколько горячих голов из курайшитов напали на них, убив двадцать человек. Хузая, побеждённые и изгнанные из своих домов, с битвой пробились к воротам Ка'бы. Там они встретили Науфала ибн Му'авийя, вождя Бану-Бакр, и потребовали от него остановить своих людей, чтобы священное строение не было осквернено. Однако Науфал, в свою очередь, обвинил Хузая в воровстве, совершённом на территории Ка'бы.

Стало очевидно, что мекканцы и их союзники нарушили перемирие аль-Худайбийя. 'Амр ибн Салим из племени Бану-Ка'б клана Хузая поспешил в Медину, чтобы рассказать Мухаммаду об этих событиях и потребовать восстановления справедливости. Так же поступил и Бадиль ибн Варқа', который был тоже из клана Хузая и жил в Мекке. Мекканцы обеспоились, со страхом ожидая реакции Мухаммада. Им совершенно не хотелось драться, а кроме того, в последнее время как их могущество, так и престиж дали трещину. Собрать большую армию, чтобы отправиться на битву с Мухаммадом, было колоссальной задачей. Они оставались в душе купцами, только и умевшими, что водить караваны в Сирию и Йемен. Перемирие дало им возможность вздохнуть свободнее и возобновить свою торговлю. Тайком оказать помощь Кинана против Хузая было почти весело, но снаряжать армию — это было бы дорогим и обременительным предприятием. Абу-Суфйан с тяжёлым сердцем отправился в Медину. Поступок Сафвана, 'Икримы и иже с ними совсем ему не понравился. Он ничего не знал о нём заранее, а если бы знал, то, конечно, запретил бы его. Он надеялся, что Мухаммад не слишком обижен и согласится на возобновление перемирия.

Добравшись до Медины, Абу-Суфйан направился в дом Умм-Хабйбы, своей дочери, которая теперь была замужем за Пророком. Умм-Хабйба отнюдь не обрадовалась его появлению после стольких лет, и даже не позволила ему сесть на ковёр, который принадлежал Пророку. «На этом ковре,— сказала она, сидит лучший из людей, а ты — нечистый многобожник.» Раз-

досадованный, Абӯ-Суфйāн ушёл от неё и направился напрямик к Пророку. Но Мухаммад остался глух к его мольбам. Ни Абӯ-Бакр, ни ‘Умар не захотели вступить за него. Затем он попытался прибегнуть к помощи Фāтимы, дочери Мухаммада, однако и здесь потерпел неудачу. Может быть, кто-то из её сыновей, спросил он Фāтиму, походатайствует за него перед их дедом, и тем самым окажет қурайшита́м услугу, которую будут помнить многие грядущие поколения? Фāтима ответила, что её сыновья слишком молоды и не могут ничем ему помочь. Однако ‘Алй, хотя и отказавшись взять инициативу на себя, всё же указал ему путь, который помог бы ему выиграть время. Но когда Абӯ-Суфйāн покинул Медину и отправился домой, он знал, что провалился. Более того, қурайшиты заподозрили его в предательстве, потому что он отсутствовал в Мекке слишком долго. Западные авторы предположили также, что Абӯ-Суфйāн почти наверняка получил гарантии собственной безопасности и достиг молчаливого соглашения с Пророком о том, что облегчит Ему захват Мекки. Это совершенно безосновательное предположение, не опирающееся ни на какие факты. Из всех заметок историков и летописцев, начиная с Ибн Хишāма, можно сделать прямо противоположное заключение. Те, что выдвигают тезис о тайном сговоре, указывают, что почти все ранние исторические труды были написаны в то время когда у власти находились ‘Аббāсиды, поэтому Абӯ-Суфйāну и его потомкам можно было безопасно приписать только самые отвратительные поступки. Этот аргумент вполне правдоподобен; и хотя обстоятельства действительно можно истолковать так, как будто бы Абӯ-Суфйāн вёл двойную игру, в одном мы можем быть уверены: он вернулся в Мекку растерянным и несчастным.

Мухаммад, тем временем, готовился выйти на Мекку. Он сказал об этом Абӯ-Бакру и велел скрыть это намерение в тайне. Без лишнего шума началась подготовка к экспедиции. К дружественным бедуинам были посланы эмиссары с предложением собрать свои силы и присоединиться к Пророку. Чтобы скрыть эти приготовления, Мухаммад послал одного из ансаритов во главе небольшого отряда, чтобы тот разобрался с неким мелким кланом. Никто не догадывался, что именно замышляется — за исключением одного человека. Когда-то он был посланцем Пророка к Мақауқису Александрийскому. Он написал письмо қурайшита́м, извещая их о планах Пророка, и дал его одной женщине, чтобы она отвезла его в Мекку. Женщину звали Сāра, она пришла из Мекки в Медину примерно через два года после битвы при Бадре, но при этом осталась идолопоклонницей. Сейчас Сāра незаметно отправилась в Мекку с письмом Хāтиба, спрятанным в волосах. Мухаммад послал ‘Алй и ещё шесть человек (одним из которых был ‘Умар), чтобы перехватить её. ‘Алй, под страхом смерти, заставил её отдать письмо. В Своей мединской мечети Мухаммад объявил перед собранием, что один из присутствующих написал письмо мекканцам, чтобы предупредить их.

Дважды повторил Он эти слова, но никто не взял на себя вину. Когда Он повторил их в третий раз, Хāтиб встал и признался в своём поступке. Он сказал, что не отрекается от веры и по-прежнему считает себя мусульманином, но, не будучи қурайшитом и имея в Мекке родственников и имущество, он, таким образом, надеялся обеспечить их безопасность. ‘Умар был в гневе и просил у Мухаммада позволения обезглавить предателя. Однако Пророк простил Хāтиба, поскольку тот бился при Бадре, а также потому, что, согласно ниспосланному Откровению, Хāтиб действительно сохранил свою веру:

«О вы, которые уверовали! Не берите друзьями Моего и вашего врага, являя любовь к ним. Они, бесспорно, отвергли истину, пришедшую к вам, и изгнали Апостола и вас за то, что вы веруете в Бога, вашего Господа. Если пойдёте вы трудиться на Моём пути и искать Моего благоволения, и будете тайно выказывать к ним любовь,— Я хорошо знаю, что скрываете вы и что делаете открыто. Кто делает это из вас, тот уже сбился с прямой стези.» (Сūra LX, 1: аль-Мумтаҳана — «Испытуемая».) В этом стихе Хāтиб назван среди верующих.

Пророк вышел из Медины в первый день 630 года. По мере приближения к Мекке Его армия пополнялась отрядами бедуинов, и в итоге её численность превысила десять тысяч. Банӯ-Сулайм, которые доставили Пророку столько проблем в прошлом, выставили тысячу копеещи-

ков. Был месяц рамадāн, и Пророк постился до тех пор, пока не достиг ‘Усфāна, а по другим данным — аль-Қудā‘а, где Он велел принести Ему чашу воды и прекратил Свой пост. Когда Ему сказали, что некоторые из Его людей по-прежнему постятся, Муḥаммад ответил, что они заблуждаются. У Джуḥфы Он встретился со Своим дядей ‘Аббāсом, который направлялся в Медину вместе с членами своей семьи. Муḥаммад сказал ему: «Вы — последние из Переселенцев, как Я — последний из Пророков». ‘Аббāс остался со своим Племянником, а семью отправил дальше в Медину. Продвигаясь далее, они подошли к Найқ аль-‘Уқāб, где в их лагерь пришли ещё два родственника Пророка с членами своих семей. Оба они были когда-то ярыми противниками Муḥаммада. Один из них, Абӯ-Суфйāн ибн аль-Ḥāрис, внук ‘Абд аль-Мутталиба, в своё время писал сатирические поэмы на своего двоюродного Брата, а затем читал их перед толпой. Другой, ‘Абдаллāх ибн Умаййа из Бану-Маḥзūм, был также, через свою мать, внуком ‘Абд аль-Мутталиба, и братом Умм-Саламы, жены Пророка. Поначалу Муḥаммад отвернулся от них, но сейчас они искренне раскаивались и объявили, что если Пророк откажется принять их, они уйдут в пустыню, чтобы погибнуть там от жажды и голода. Умм-Салама заступилась за них, и они тоже присоединились к своему Родственнику в Его триумфальном марше на Мекку.

Муḥаммад продвигался вперёд, пока не достиг Марр аз-Захрāна, примерно в двадцати километрах от Мекки. Там армия встала лагерем. Муḥаммад велел Своим людям зажечь по всей равнине костры. Мекканцы не обладали никакой информацией о передвижениях Пророка, и, не имея возможности собрать войско для битвы, тревожились чрезвычайно. Тем же вечером Абӯ-Суфйāн вместе с Ḥакīmом ибн Ḥизāмом, человеком выдающимся среди қурайшитов, и Будаилем ибн Варқā’, союзником Пророка из клана Ḥузā‘а, вышли из Мекки на разведку. Взойдя на холм, они увидели, что вся равнина перед ними сияет огнями костров. Это могла быть только армия Муḥаммада. Абӯ-Суфйāн отважился подойти поближе и, на его счастье, столкнулся с ‘Аббāсом, который тоже беспокоился о судьбе мекканцев. Если бы Абӯ-Суфйāн прошёл ещё дальше, он, несомненно, встретил бы свою смерть от рук ‘Умара ибн аль-Ḥаттаба, который командовал караулами. Но Аббас взял Абӯ-Суфйāна под своё покровительство и провёл его к шатру Пророка. За ним следовал возмущённый до глубины души ‘Умар. Муḥаммад попросил ‘Аббāса отвести Абӯ-Суфйāна в собственный шатёр и оставить его там до утра.

Утром армия пришла в движение; над равниной разнёсся голос Билāла-эфиопа, призывающий людей к молитве. Абӯ-Суфйāн был изумлён этим зрелищем, и изумление это возросло ещё больше, когда он заметил, что мусульмане собирают каждую каплю воды, которой Муḥаммад совершает Свои омовения. Он не видел такой преданности ни при дворе Сāsанидов, ни в Византии.

По окончании утренней молитвы ‘Аббāс отвёл Абӯ-Суфйāна к Пророку. Муḥаммад спросил его, не настало ли ему время признать Единого истинного Бога. Абӯ-Суфйāн был поражён сверх всякой меры. Он причинил Муḥаммаду столько бед, а Тот обращается к нему с такой мягкостью! Он согласился, что, действительно, может существовать только один Бог, Предвечный, Ветхий Днями, ибо если бы божества, подобные тем, в которые он верил, были реальны, и он сам, и қурайшиты удостоились бы их благословений. Тогда Муḥаммад, опять же очень мягко, спросил Абӯ-Суфйāна, не настало ли ему время признать Его как Апостола Божиего. Абӯ-Суфйāн растерялся, но ‘Аббāс подсказал ему, что надо сказать: «Я свидетельствую, что, воистину, нет божества, кроме Бога, и свидетельствую, что, воистину, Муḥаммад — Апостол Божий». Итак, Абӯ-Суфйāн, заклятый враг Муḥаммада, предводитель Дома Умаййи, наконец-то нашёл приют под сенью Ислāма.

Тут ‘Аббāс вновь заговорил от имени Абӯ-Суфйāна и напомнил его Племяннику, что, как человеку гордому, ему следует придать некий особый статус среди қурайшитов. Тогда Муḥаммад сказал: «Всякий, вошедший в дом Абӯ-Суфйāна в верхней части Мекки, и всякий, вошедший в дом Ḥакīма в нижней части Мекки, будет в безопасности; и всякий, кто сложит оружие, будет в безопасности; и всякий, запершийся в собственном доме, будет в безопасности; и всякий, вошедший в Масджид аль-Ḥарām [Святую Мечеть, т. е. Ка‘бу], будет в безопасности».

Абӯ-Суфйāн уже собирался отправиться назад в Мекку, когда ‘Аббасу пришла в голову идея: Абӯ-Суфйāну надо продемонстрировать мощь мусульман, чтобы по прибытии в Мекку он не поддавался искушению вернуться к идолопоклонничеству. Пророк согласился, и, когда армия свернула лагерь и приготовилась идти на Мекку, ‘Аббас стоял рядом с Абӯ-Суфйāном, а мимо них маршировала шеренга воинов, воочию показывая, насколько изменилась ситуация за два года.

Сначала появился грозный отряд Банӯ-Сулайм, во главе которого скакал Хāлид ибн аль-Валйд. Когда-то Хāлид был одной из звёзд на мекканском небосводе. Сколь сильно уповали они на его молодую энергию, его мужество и мастерство полководца! Затем прошли, один за другим, другие отряды: Банӯ-Ғифār, Банӯ-Аслам, Банӯ-Ка‘б, Музайна, Джухайна, Банӯ-Лайс, Банӯ-Са‘д ибн Бакр из клана Кинāна, и многие другие. Не кто иной, как эти самые Банӯ-Са‘д ибн Бакр незадолго до этого напали на Хузā‘а, тем самым нарушив перемирие аль-Худайбийя; сейчас они уже шли под знаменем Ислāма. Затем появились Мухаммад и Его эскорт. Это формирование, во главе которого скакал Пророк, называлось аль-Қуббат аль-Хадрā’ — Зелёный Купол — потому что зелёные гербы его воинов ярко блестели на солнце. По правую руку от Пророка ехал Абӯ-Бакр — Его спутник во время бегства из Мекки; по левую руку скакал Усайд ибн Худайр, один из двенадцати мединцев, присягнувших на верность Мухаммаду на перевале ‘Ақаба. Во главе Зелёного Купола Са‘д ибн ‘Убада, ещё один из тех двенадцати нуқабā’, нёс знамя ансаритов. Са‘д был настолько переполнен эмоциями, когда увидел Абӯ-Суфйāна, что громогласно крикнул ему: «О Абӯ-Суфйāн, настал день кровопролития, день, когда Бог унижит курайшитов». Абӯ-Суфйāн затрясся от страха и, когда Мухаммад поравнялся с ним, стал умолять Пророка исполнить Своё прежнее намерение и явить сострадание к Его народу, к Его Собственным родственникам. Мухаммад уверил его, что Са‘д сказал эти слова, не подумав: «Нет, о Абӯ-Суфйāн, сегодня день милости. Сегодня Бог возвысит курайшитов».

Абӯ-Суфйāн, успокоенный этими словами, поспешил в Мекку, чтобы рассказать её томящимся неизвестностью жителям о приближении непобедимой армии. Он описал им, как и где искать безопасного убежища. Его жена, Хинд, была вне себя от гнева, когда она услышала о возвращении мужа и принесённых им новостях. Она никак не могла смириться с тем, что поведal Абӯ-Суфйāн, и, выбежав из дома, стала осыпать его ударами, крича, чтобы люди убили этого «старого, жалкого дурака». Но Абӯ-Суфйāн не лгал, и все уже могли видеть плотные клубы пыли, поднимающейся из-под копыт приближающейся мусульманской армии, и блестящие на солнце доспехи.

Мухаммад объявил привал у Зй-Тувā, за городской чертой Мекки. Он склонил голову на седло и вознёс Богу благодарения за ниспосланную Ему беспрецедентную, бескровную победу. Восемью годами ранее Он, бежавший из Своего дома, оглянулся назад на город Своих праотцев и воскликнул: «Ведомо Богу, что Я люблю тебя. Если бы твой народ не изгнал меня, никогда не предпочёл бы Я иного города и не обменял бы тебя ни на какое другое место. Разлука с тобой печалит Моё сердце». Сейчас Он собирался вступить в Мекку с невероятным триумфом, не как мстительный завоеватель, но как смиренный сын, вернувшийся домой. Именно в пещере рядом с этим городом Он услышал призыв, потрясший всё Его существо и заставивший Его в ужасе побежать вниз с холма к Себе домой, чтобы жена накрыла Его своим плащом. Ему было сказано, что Бог выбрал Его в качестве Своего Посланника к человечеству — слишком удивительно, чтобы это можно было постичь, слишком величественно, чтобы вынести. Он должен был провозгласить всеобъемлющее владычество Единого Всемогущего Бога, Который превыше всего сущего. И когда Он заговорил, на Него посыпались колкости, насмешки и оскорбления, которые не смог бы вынести ни один человек. Сейчас Он вступал в оплот идолопоклонничества, чтобы очистить его, чтобы сбросить с пьедесталов Хубала, Тағута и аль-Лāt, осквернявших этот дом Авраама, Его Отца.

Мухаммад вознёс благодарственные молитвы, поднял голову с седла и приказал Своим воинам вступить в Мекку. Аз-Зубайр ибн аль-‘Аувām и его отряд Переселенцев должны были

войти в город сверху, в северной части. Халид ибн аль-Валид с бедуинами Сулаймы, Джухайны, Музайны и прочими, были направлены в нижнюю часть. Абӯ-‘Убайда ибн аль-Джарраҳ должен был повести несколько невооружённых групп, как из мухаджирун, так и из ансаритов. Са‘ду ибн ‘Убаде, чьи угрозы так обеспокоили Абӯ-Суфйāна, было приказано передать знамя ансаритов своему сыну Қайсу, который должен был поехать во главе основного контингента мединцев. Пророк и Его эскорт, состоящий как из мекканцев, так и мединцев, вошёл через Азāхир, в верхней части Мекки. С сопротивлением встретился один лишь Халид. ‘Икрима ибн Абй-Джахль, Сафвāн ибн Умаййа, Сахль ибн ‘Амр и некоторые другие из непримиримых дали бой, и Халид принуждён был принять его. Утверждается, что когда Мухаммад услышал, что Халид избивает курайшитов, Он немедленно послал ему приказ остановиться; но по какой-то причине Его посланник, вместо того, чтобы сказать Халиду «ирфа‘ ‘анхум ас-сайф» («удержи свой меч от них»), сказал «да‘ фйхим ас-сайф» («обрушь на них меч»). Впрочем, непримиримые, понеся тяжёлые потери, были скоро побеждены, и их главари разбежались.

Тем временем Пророк, после отдыха, вновь оседлал Своего коня и, сопровождаемый Абӯ-Бакром и Усайдом ибн Худайрой, подъехал ко входу в Ка‘бу. Это было не паломничество; в этот раз на Нём не было соответствующего одеяния — Он был полностью облачён в Свои доспехи. Он пришёл, чтобы положить конец правлению идолов в святом месте. Рассказывают, что вокруг двора Ка‘бы стояло триста шестьдесят идолов. Пророк, двигаясь от одного к другому и опрокидывая их, восклицал: «Пришла истина, и ложь бежала. Воистину, ложь исчезла». Это была кульминация, самый торжественный момент миссии Мухаммада.

Потом Мухаммад вошёл в само здание Ка‘бы. На её стенах изнутри были изображения людей. Он приказал стереть их все, за исключением Девы Марии с Младенцем Иисусом. Попечителями Ка‘бы был Дом ‘Абд ад-Дāра, и Пророк возвратил ключ от здания ‘Усмāну ибн Талхе и подтвердил право его Дома на эту опеку, хотя этой чести добивался ‘Аббās. Мекканцы, почти уверившиеся, что Пророк не собирается причинять им вреда, стали выходить из своих домов и собираться у Ка‘бы. Среди них был Сухайль ибн ‘Амр — тот самый, который при аль-Худайбиййа отказал Пророку в праве называться Апостолом Божиим в документе, устанавливающем перемирие. На вопрос Мухаммада, о чём они сейчас думают и какого обращения ожидают от Него, Сухайль ответил, что мысли их обращаются к Его великодушию. Он подразумевал этим, что как Иосиф простил своих братьев, так и Мухаммад простит их. Мухаммада глубоко тронули слова Сухайля. Рассказывают, что Он даже прослезился. Напомнив мекканцам о том, сколько вреда они причинили Пророку, Он простил их и отпустил с миром. Что касается самой Мекки, то Он запретил в ней любые конфликты.

Затем Мухаммад отправился на гору Сафā. Оттуда открывался великолепный вид на Ка‘бу. Мекканцы почти все пришли туда, чтобы принести Ему клятву верности. Абӯ-Бакр подвёл к Пророку своего слепого отца, Абӯ-Қухāфу, и старый идолопоклонник коснулся руки Мухаммада, заверяя Его в своей верности. Он держался в стороне два десятка лет, тогда как его сын принял веру Мухаммада четвёртым. В этот момент была явлена СХ сūra Кур’āна — Сўрат ан-Наср («Помощь»): «Когда пришла помощь Божия и победа; и ты увидел, как люди входят в религию Бога во множестве, то восславь и возблагодари Господа твоего и проси у Него прощения; ибо, воистину, Он — Прощающий.» Пророк явил такое великодушие к жителям Мекки и так восславлял их город, что мединцы стали опасаться, как бы Он не решил сюда переселиться. Мухаммад поспешил уверить ансаритов, что Он никогда не покинет их, и Медина останется Его домом.

Одиннадцать мужчин и шесть женщин среди мекканцев Пророк приговорил к смерти. Четверо мужчин и три женщины были казнены, тогда как остальные спаслись — либо благодаря собственным усилиям, либо благодаря заступничеству мусульман. Причины для объявления этих мекканцев вне закона можно разделить на две категории: во-первых, принятие Ислама с последующим отречением в результате скандального поведения, а во-вторых — нанесение ущерба репутации Пророка словом или делом. Один из них, ‘Абд аль-‘Уззā ибн Хилāl, которо-

го Мухаммад после его обращения назвал 'Абдаллāх, убил своего спутника-мусульманина, выполняя задание Пророка, а затем бежал в Мекку, забрав с собой скот, порученный его заботам и предназначавшийся для мусульманской общины. Он встретил свою смерть. Другим преступником был 'Абдаллāх ибн Са'д, молочный брат 'Усмāна ибн 'Аффāна. Служа в качестве секретаря Пророка, 'Абдаллāх завёл привычку добавлять или опускать что-нибудь в стихах, которые ему диктовались. Как только это его странное поведение стало известно, он бежал в Мекку, где объявил, что Мухаммад Сам не понимал, что говорит, тогда как он, 'Абдаллāх ибн Са'д, записывал правильную версию Откровения. Сейчас он нашёл убежище у своего молочного брата. Через несколько дней 'Усмāн отвёл его к Пророку, и Тот простил его. 'Абдаллāх, однако, был неисправим. Как мы увидим позже, его правление в Египте оказалось катастрофическим по своим последствиям. Третьим помилованным преступником стал Хаббār ибн аль-Асвад, из-за которого у дочери Мухаммада, Зайнаб, случился выкидыш, когда Хаббār напал на неё с копьём.⁶¹

Наиболее известны следующие три преступника: 'Икрима ибн Абй-Джахль, Ыафвāн ибн Умаййа и Ка'б ибн Зухайр, один из величайших арабийских поэтов. 'Икрима и Ыафвāн, как мы уже отмечали, дрались против Хāлида ибн аль-Валйда в тот день, когда Пророк вошёл в Мекку. Они бежали на побережье, намереваясь уплыть на корабле в какую-нибудь другую страну, однако жена 'Икримы ибн Абй-Джахля, которая, тем временем, успела поклясться в верности Пророку, последовала за своим мужем и привела его назад в Мекку. Мухаммад провозгласил, что 'Икрима возвращается как преданный мусульманин, и запретил оскорбительно отзываться о его отце, Абй-Джахле, хотя тот и был непримиримым врагом Мухаммада. Ыафвāн был двоюродным братом Пророка, очень уважаемым в племени Банй-Джумах. Он также был помилован Пророком благодаря заступничеству своего родственника. Однако Ыафвāн оставался идолопоклонником, пока не случилась битва, повлёкшая за собой падение Тā'ифа. Ка'б ибн Зухайр, считавшийся ровней прославленного поэта Имру' аль-Қайса,⁶² долгие годы писал сатиры на Пророка и всячески высмеивал Его. Он бежал из Мекки, но, бессильный обрести мир в своей душе, отправился в Медину и пришёл к Абй-Бакру, чтобы тот отвёл его к Пророку.

Смертного приговора избежали ещё двое: Хинд, жена Абй-Суфйāна, и Вахшй, который убил Хамзу при Ухуде. Вахшй жил до весьма преклонного возраста в Сирии. Когда, уже после смерти Мухаммад, в Йамāме объявился самозванный пророк Мусайлима, притязавший на власть над арабами, именно Вахшй убил его во время схватки,— точно так же, как в своё время убил Хамзу. Разделавшись с Мусайлимой, Вахшй воскликнул: «Во дни невежества я убил лучшего из людей, а в объятиях Ислама я убиваю худших из людей!»

Скажи: О народ Мой, те, которые преступили против самих себя, не отчаивайтесь в милости Божией; поистине Бог прощает все грехи разом; воистину, Он — Всепрощающий, Всесоудительный.»

Этот стих, 54-й в XXXIX суре (Сурат аз-Зуммар — «Толпы»), был явлен, когда Вахшй, придя к Пророку, отчаялся в том, что когда-нибудь будет прощён. Рассказывают, что Мухаммад позже заметил: этот стих Кур'āна Он не променял бы даже на весь мир и все его сокровища: «...Не отчаивайтесь в милости Божией; поистине Бог прощает все грехи разом». 'Али тоже прокомментировал этот стих, сказав: «Во всём Кур'āне нет стиха более глубокого».

Когда идолы Ка'бы были повергнуты, Мухаммад обратил своё внимание на языческие капища вокруг Мекки. Сносить их послали Хāлида ибн аль-Валйда и 'Амр ибн аль-'Аса. Во время выполнения второго из этих заданий Хāлид убил несколько человек из Банй-Джазйма, одного из кланов Кинāна, хотя они и приняли Ислам. Мухаммад пришёл в ужас, когда Его достигла эта новость, и не мог сдержать слёз. Он воскликнул: «О Боже! Я невиновен в том, что сотворил

⁶¹ См. стр. 35.

⁶² Самый знаменитый и самый яркий арабийский поэт доисламского времени.

Халид!», и послал ‘Али, чтобы он щедро вознаградил родных и близких покойных. Ужасающее деяние Халида было актом кровной мести — отмщением за то, что когда-то, много лет назад, люди этого клана убили его дядю. История трогательно повествует о страданиях Бану-Джазйма. Им связали за спиной руки. Среди них был юноша, который попросил, чтобы его подвели поближе к шатру, где содержались женщины его клана. Там он попросился со своей возлюбленной Хубайшей, после чего его увели прочь и обезглавили. Хубайша выбежала из шатра, упала на его бездыханное тело, и жизнь тоже оставила её. Мухаммад, когда Ему рассказали об этом эпизоде, воскликнул: «Неужели среди вас не нашлось ни одного милосердного человека?»»

Племена Хауазин и Сақйф, обитавшие к юго-востоку от Мекки, были обеспокоены успехом Пророка и решили бросить Ему вызов на поле брани. Их злым гением был Малик ибн ‘Ауф, глава клана Бану-Наср племени Хауазин. Қариб ибн аль-Асвад, вождь Сақйф, и ‘Абд-Йалил, другой выдающийся человек того же племени, собрали своих воинов и присоединились к Малику и его людям. В Хауазин был слепой старик, которого звали Дурайд ибн ас-Симма; летописи утверждают, что ему было сто шестьдесят лет. В молодости это был могучий воин, участвовавший во многих налётах. Сейчас его привезли в паланкине, укрепленном на спине верблюда. Дурайд возражал против тактики Малика. Почему, спросил он, женщины и дети, скот и отары овец идут вместе с армией? Малик ответил, что их присутствие укрепит дух его людей и заставит их сильнее желать победы. Дурайд ответил, что это сулит полный разгром. Они будут отягощать армию, а если удача обернется против Хауазин, то и их семьи, и их имущество будут потеряны безвозвратно. Малик посчитал, что преклонный возраст мешает Дураиду мыслить здраво. Когда Хауазин были наголову разбиты и бросились бежать, Дурайд, сидящий в своём паланкине, был брошен на поле битвы. Некий мусульманин наткнулся на него и ударил своим мечом, стремясь обезглавить его. Однако кожа старика была слишком жёсткой, а меч мусульманина затупился. Дурайд попросил своего противника взять меч, висящий в его паланкине, и избавить его от этого позора.

Мухаммад вскоре узнал о замыслах Хауазина и Сақйфа. Он привёл с Собой десять тысяч человек, и сейчас Мекка дала Ему ещё две тысячи. С момента Его вступления в Мекку прошло не более двух или трёх дней, но Мухаммад увидел, что следует предпринять немедленные действия и сокрушить альянс двух великих племён, чтобы вокруг них не собрались другие Его противники. Хотя многие кланы и отказались объединяться с врагами Пророка, заранее нельзя было сказать, какие кланы могут дрогнуть и всё-таки присоединиться к нападению. Бану-Са‘д, вместо с которыми Мухаммад жил в пустыне в младенчестве и раннем детстве, по этой самой причине не пожелали слушать уговоры Малика ибн ‘Ауф. Тем не менее, отряд воинов из этого клана всё же поддался на лстивые речи Малика. Мухаммад взял напрокат у Сафвана ибн Умайи, который по-прежнему был идолопоклонником, сотню щитов и множество разного оружия. Для их перевозки Сафван также предоставил Мухаммаду своих верблюдов, и вместе с Ним отправился в долину Хунайн. Малик, прибыв туда перед Мухаммадом, устроил засаду в окружающих холмах.

Авангард мусульманской армии подошёл к Хунайну рано утром, совершенно не подозревая, что они практически окружены врагами. Когда противник ударил, ряды мусульман смешались. Люди бросились бежать в панике и, стремясь как можно скорее выбраться в безопасное место, практически смяли своих товарищей, шедших следом. Пророк и Его непосредственная свита⁶³ вырвались из хаоса схватки и заняли позицию сбоку долины. Ибн Хишам утверждает, что Абү-Суфйан, будучи Умаййадом, выразил мнение, что это беспорядочное бегство закончится только у моря. Сафван упрекнул своего сводного брата за это ликование по поводу возможного поражения Мухаммада. Шайба ибн ‘Усман из Дома ‘Абд ад-Дара решил, что ему на-

⁶³ Ибн Хишам говорит, что в этой свите были следующие люди: ‘Али, Абү-Бакр, ‘Умар, ‘Аббас и его сын Фадл, Абү-Суфйан ибн аль-Харис, двоюродный брат Пророка, и его сын Джа‘фар, Рабй‘а ибн аль-Харис, брат вышеупомянутого Абү-Суфйана, Усама ибн Зайд и Айман ибн Умм-Айман ибн ‘Убайд.

конец-то представилась возможность убить Мухаммада и тем самым отомстить за смерть своего отца при Ухуде.

День битвы при Хунайне вполне мог лишить Пророка всех Его прошлых достижений, если бы по долине не раскатился громогласный крик 'Аббаса, сообщавший мусульманам, что их Пророк противостоит атакам и нуждается в их помощи. Этот крик был услышан, и воинство потянулось назад, дрожащее и сгорающее от стыда, но полное решимости искупить свою вину. Теперь настал черёд Хауазина и Сақифа содрогнуться под их решительным натиском. Ансариты первыми вступили в бой, однако обратили Хауазин в бегство воины Бану-Сулайм, которые всего месяц назад были язычниками. Малик ибн 'Ауф смог скрыться и без приключений добрался до ат-Та'ифа. Мрачные предчувствия старого Дурайда оказались правдой. Хауазин потеряли всё. Сақиф понесли тяжёлые потери: многие их лучшие воины погибли, защищая своё знамя. Битва при Хунайне произошла 31 января 630 года.

Весьма нелегко оказалось распределить огромный объём трофеев. Мухаммад был очень щедр в отношении первых лиц Мекки, Его недавних врагов. Их стали считать особым классом: именно их сердца Пророк хотел завоевать прежде всего. Сафван, всё ещё идолопоклонник, не имел права на военные трофеи. Но он верно служил Пророку с того самого дня, когда был прощён. Мухаммад увидел, как он ходит и дивится на захваченные богатства, и отдал ему всех животных, что окружали его. Сафван был так тронут, что в душевном порыве воскликнул: «Я свидетельствую, что нет божества, кроме Бога. Я свидетельствую, что Мухаммад — Его Апостол». 'Икрима, сын Абу-Джахля, тоже испытал глубокое внутреннее преобразование. Он сказал, что потратил в своё время огромные деньги с целью уничтожить Мухаммада, но теперь потратит столько же, если не больше, чтобы возвысить Его Веру. Спустя несколько лет 'Икрима погиб в Сирии, сражаясь с византийцами.

От Вадй Хунайн Мухаммад отправился к ат-Та'иф и осадил эту крепость клана Сақиф. Этот очаровательный город когда-то, много лет назад, Он посетил в поисках убежища. Однако вместо убежища он получил в ат-Та'ифе одни лишь раны, как телесные, так и душевные, и принуждён был бежать оттуда как можно скорее. Сақиф хорошо укрепились на тот момент, и Мухаммад решил, что продлевать осаду бессмысленно — это будет пустой тратой времени и людей, потому что Та'иф, теперь оставшийся в одиночестве, не сможет держаться бесконечно, и должен будет сдаться Ему по собственной воле. Через две недели Мухаммад ушёл прочь. Тем временем Малик ибн 'Ауф, нашедший убежище в Та'ифе, начал переговоры о собственной сдаче. На обратной дороге произошёл следующий инцидент: некий человек на верблюде пытался проскочить мимо Пророка в узком месте, и повредил Мухаммаду лодыжку. Мухаммад ударил его кнутом, чтобы отогнать прочь, но на следующий день послал за ним и щедро вознаградил за этот удар, который, как Он объявил, был неоправданным. В течение последующих месяцев, ещё до того, как Та'иф признал власть Пророка, в других местах произошли события, имевшие далеко идущие последствия.

Трофеи и пленные, взятые при Хунайне, были собраны в местечке аль-Джи'рана, куда и отправился теперь Пророк. Он провёл там последние дни февраля и начало марта, занимаясь решением дел, связанных с Его победой при Хунайне. Клан Его приёмной матери, некоторые члены которого опрометчиво выступили против Него, пришёл с просьбой о помиловании и восстановлении своего имущества. Среди пленных из Бану-Са'д была некая женщина, Шайма, чей муж погиб в битве. Она утверждала, что является дочерью Халимы, приёмной матери Мухаммада. Мухаммад с тёплыми чувствами вспомнил Свои детские годы, проведённые в пустыне. Шайма и её родственники были освобождены и получили богатые подарки, к их великому облегчению. Однако вопрос о распределении трофеев и раздаче подарков и наград был весьма сложен, и решение его растянулось надолго. В самый разгар этого процесса явился из Та'ифа Малик ибн 'Ауф и объявил о своём обращении в Ислам. Хотя и побеждённый, он также надеялся на награду и получил её. Были и другие вожди Хауазин, которые, приняв Ислам, должны были войти в долю. Стремясь выказать справедливость в отношении племени Своей

приёмной матери, Мухаммад принуждён был просить мусульман отдать Ему женщин и детей, которые находились у них в плену. Клань Бану-Тамйм и Фузара поначалу не хотели соглашаться. ‘Аббас ибн Мирдас из Бану-Сулайм также был против, но остальные члены клана заставили своего предводителя согласиться. Этот ‘Аббас стал жаловаться на скудость своей доли. Мухаммад сказал ‘Али, чтобы он заткнул рот сыну Мирдаса. ‘Аббас подумал, что Пророк велит отрезать ему язык, и каково же было его удивление, когда он обнаружил, что это означает увеличение его доли трофеев.

Мекканцы, до недавнего времени бывшие многобожниками,— Абу-Суфйан Умайяд и его сыновья, а также Сухайль ибн ‘Амр и Хаким ибн Хизам,— получили такие щедрые дары от Пророка, что некоторые молодые люди среди мединцев возроптали. Мухаммаду пришлось произнести перед ними успокоительную речь. Как только все распоряжения были отданы, Мухаммад возвратился в Мекку, совершил малое паломничество, поручил управление Меккой ‘Аттāбу, молодому человеку из Дома Умайи, и оставил с ним Му‘āза ибн Джабала, чтобы он наставлял людей в обычаях Ислама. Затем Он отбыл в Медину.

Шёл к концу восьмой год хиджры. Удивительно, но при Марр аз-Захрāн, Мухаммада окружила группа бедуинов, которые не были при Хунайне, но при этом потребовали свою долю трофеев. Они обнаглели настолько, что прижали Пророка к дереву и стащили с Него плащ. Вскоре после того, как Пророк вернулся в Медину, умерла Его дочь Зайнаб. Здесь следует напомнить, что она была женой Абū-ль-‘Аса, любимого племянника Хадиджи, и воссоединилась со своим мужем, когда тот обратился в Ислам. У них родились сын и дочь. Сын умер, не достигнув пятнадцати лет. Дочь вышла замуж за ‘Али после смерти Фāтимы, согласно желанию последней.

Девятый год хиджры начался 20 апреля 630 года. Несколько месяцев спустя, в начале осени того же года, Пророк возглавил поход на Табук, поселение далеко на севере. Сообщалось, что в той местности собираются враждебные силы. Не совсем ясно, кем были эти потенциальные враги — арабами-христианами Севера или греками-византийцами. Сэр Джон Глабб, хорошо знакомый с этим регионом, пишет: «В Хеджазе было по-прежнему невыносимо жарко, вода и фураж были скудны, и передвижение большого войска представляло исключительные трудности. Не исключено также, что воспоминания о катастрофе при Моте [Му’те] отбили у многих охоту вновь сталкиваться с византийцами.

Из дошедших до нас преданий не ясно, почему Апостол Божий настоял на проведении экспедиции именно в это неблагоприятное время, когда двумя месяцами позже обстоятельства стали бы куда более выгодными. Действительно, сообщается, что с севера прибыл купец и рассказал, что в Тебуке собираются крупные византийские силы.

Это предположение кажется весьма маловероятным. Тебук отделяли от ближайшего византийского гарнизона двести миль пустыни, и вряд ли отряды регулярной византийской армии смогли бы добраться до Тебука в конце лета,— а в действительности, и в любое другое время. Даже если под “византийцами” подразумевались местные арабские племена, они должны были столкнуться с теми же трудностями, что и мусульмане — недостаток воды и фуража в конце лета.»⁶⁴

Есть ясные и несомненные свидетельства в пользу того, что большое число мусульман сомневалось в необходимости отправиться в дальнюю дорогу к Табuku. Несколько стихов из девятой сūры («Покаяние») подчёркивают эту странную неохоту мусульман: «О вы, которые уверовали! Что случилось с вами, что когда говорят вам: “Выступайте по пути Божиему”, вы упрямо остаётесь на месте? Разве довольны вы жизнью в мире сём больше и предпочитаете её жизни в мире грядущем? Ведь жизнь в мире сём скудна по сравнению с жизнью в мире грядущем» (стих 38). Даже когда Пророк возвратился из Табuka, многие люди пришли к Нему и про-

⁶⁴ «Жизнь и времена Мухаммада» (The Life and Times of Muhammad), стр. 333.

силы извинить их за то, что они не поехали в эту экспедицию. Мухаммад водил Своих людей и в более трудных условиях, однако Он никогда не сталкивался с таким неповиновением, кроме как со стороны мунāфикун («лицемеров»). В этот раз ‘Абдаллāх ибн Убайй встал лагерем около Медины, но не пошёл дальше с экспедицией, а возвратился домой. Во время это долгого марша на Табук и обратно не было ни одной битвы.

Халид ибн аль-Валид, которому было приказано отправиться на Думат аль-Джандаль, захватил в плен Укайдира ибн ‘Абд аль-Малика из династии Кинда. Укайдир был христианином. Он согласился платить подушный налог и отдал себя и свой народ под защиту Ислама. Правитель Айлы, которого звали Йуханна (Иоанн) ибн Руба и который также был христианином, встретил Пророка в Табуке и покорился Ему на сходных условиях. Так же поступили и христиане из Джарба’ и Азруха. Мухаммад остановился на десять дней в Табуке, а после возвратился в Медину. ‘Усмāн ибн ‘Аффāн сделал столь щедрый вклад в покрытие расходов этого похода — последнего в жизни Пророка, — что удостоился за это особой похвалы. «О Боже! — сказал Пророк, — будь же доволен им». Какова бы ни была причина похода на Табук, результатом его стало распространение влияния Ислама среди народов и в регионах, находившихся под властью Византии.

Перед тем, как Мухаммад отправился в Табук, группа мединцев обратилась к Нему с просьбой посетить мечеть, которую, по их словам, они построили для больных и инвалидов. Мухаммад ответил, что Он уже собрался уезжать, но по возвращении Он придёт в эту мечеть и помолится там. Однако теперь, доехав до Зй-Ауāн, откуда было уже рукой подать до Медины, Мухаммад послал трёх ансаритов, чтобы сжечь эту мечеть. Сūra IX (стих108) определённо ссылается на эту несчастливую мечеть, которая, согласно некоторым сообщениям, была построена сторонниками Абū-‘Амира Отшельника:

А те, что устроили мечеть из соперничества, из неверия, для
разделения среди верующих и для засады тем, кто раньше воевал
с Богом и Его Посланником, — они будут клясться:
«Мы желали только добра»; а Бог свидетельствует, что они,
несомненно, лжецы.

Ибн Хишām называет имена двенадцати человек, занимавшихся строительством этой мечети, но ни словом не упоминает о связи с Абū-‘Амиром. Согласно ибн аль-Асйру, Абū-‘Амир вскоре после этого события умер, находясь в Эфиопии.

Странной особенностью этого года — девятого года хиджры — стала активизация тех, кого собирательно обозначают термином «мунāфикун». Вместе с тем, эти люди вряд ли имели общие замыслы и пристрастия. Махинации ‘Абдаллāха ибн Убаййа и его сторонников, начавшиеся после переезда Мухаммада из Мекки в Йасриб, уже давно не были ни для кого секретом. Он несколько раз полностью менял своё отношение, последний раз — когда разбил свой шатёр поблизости от шатров Пророка, а затем отказался идти на Табук. Вскоре после возвращения Пророка из похода на Табук ‘Абдаллāх ибн Убайй заболел. Мухаммад пришёл навестить его и удовлетворил его желание, чтобы одна из рубашек Мухаммада была использована в качестве савана. А когда сын Убаййа умер, Мухаммад лично совершил над ним похоронный обряд. Говорят, что ‘Умар гневно протестовал против этого, утверждая, что умерший был врагом Бога и не должен удостоиваться таких почестей. Со смертью ‘Абдаллāха ибн Убаййа умерли и надежды тех, кто следовал за его прихотями все эти годы. Как мы помним, при Ухуде триста человек последовали за ним, когда он дезертировал с поля боя.

Ибн Хишām и некоторые другие рассказывают ещё об одной группе критиков Пророка, которые обычно собирались в доме еврея по имени Сувайлим; однако, помимо того факта, что его дом был подожжён мусульманином, о нём и его пособниках практически ничего не известно. Затем, у нас есть вышеупомянутая история о ещё одной группе мунāфикун, которые построили мечеть во вред Исламу, а не во славу него. Фанатично настроенные представители шиитов

(правильная транслитерация — «шй'а») выдумали, совершенно на пустом месте, ещё одну группу мунāфикун, в которую якобы входили Абӯ-Бакр, 'Умар, Абӯ-'Убайда ибн аль-Джаррāх, Хāлид ибн аль-Валīд, Талха ибн 'Убайдаллāх и Са'д ибн Абй-Ваққāс. Согласно этим обвинениям, они дважды покушались на жизнь Мухаммада: один раз — по Его возвращении из Табӯка, а другой — на следующий год, когда Он совершил Своё последнее паломничество в Мекку. Но, даже отбрасывая эти дикие измышления, девятый год хиджры действительно был ознаменован необычайным оживлением среди различных фракций так называемых «фальшивых мусульман».

Ярко контрастирует с этим другая особенность 9 года: всё более представительными и частыми становились делегации, посылаемые со всех концов полуострова, чтобы провозгласить приверженность Пророку. Столь много стекалось их к Медине, что девятый год стали называть «Годом делегаций». В декабре 630 года из Та'ифа прибыл 'Урва ибн Мас'уд, представитель клана Сақйф, чтобы обсудить условия мира. Он проникся к Пророку глубочайшим восхищением и стал мусульманином. С этой новообретённой верой, исполненный энтузиазма, он отправился назад в Та'иф, чтобы проповедовать среди своих соотечественников. Но противодействие было по-прежнему сильным, и 'Урву убили. Вскоре после этого люди Сақйф осознали, что уже не могут больше сопротивляться нарастающему влиянию Ислāма. Все бедуины в округе вдруг решили отправиться в Медину и принести присягу Мухаммаду. Как Пророк и предвидел, Та'иф не мог существовать в изоляции. Депутация из шести человек, по одному из каждого клана, отправилась вслед за остальными — весьма многочисленными — подобными группами. Пророк удовлетворил все их просьбы, за исключением одной. Они хотели на три года оставить себе своего идола, аль-Лāt. По этому вопросу компромиссов быть не могло. Тогда депутация попросила оставить им аль-Лāt хотя бы на год. И вновь эта просьба была отвергнута. Они попросили отсрочку на шесть месяцев, а затем — хотя бы на месяц. Каждый раз Пророк категорически отвечал «нет». В итоге они поняли тщетность своих просьб. Мухаммад поручил Абӯ-Суфйāну Умаййаду и Муғайре ибн Шу'ба сопровождать эту вафд (депутацию) назад в Та'иф и уничтожить столь дорогого им идола. Муғайра, сам выходец из Та'ифа, опрокинул аль-Лāt ударом топора.

Ат-Та'иф, как и Мекка незадолго до него, мирно вступил под сень Ислāма.

16 Прощание

Поток депутатий быстро нарастал. Профессор Монтгомери Уатт пишет: «...За период после возвращения Мухаммада в Медину из Хунайна маленький ручеёк таких делегаций превратился в поток. Должно быть, нагрузка на Мухаммада и Его советников была очень велика. Племян, родов и более мелких групп были многие десятки. Внутри любой по размерам группы было, по меньшей мере, две фракции или соперничающих группировки. Если в Медину прибывала депутация от какого-нибудь племени, нередко она представляла одну из его частей, которая пыталась успеть раньше другой. Чтобы тактично разбираться с такими ситуациями, Мухаммад должен был обладать широкими познаниями о внутривосточной обстановке в различных группах. Недаром говорят, что Абӯ-Бакр, Его главный помощник, был знатоком генеалогии, включая сведения о родственных связях между разными кланами. То, что процесс шёл без сучка и задоринки, является ярким свидетельством мудрости Мухаммада в отношении разбора этих проблем.»⁶⁵

Депутация от Банӯ-Тамйм, прибывшая из глубины пустыни Наджд и возглавляемая такими важными лицами, как 'Утāрид ибн Хāджиб и Ақра' ибн Хāбис, вызвала Мухаммада на поэтический поединок. Пророк за всю Свою жизнь не сочинил ни одной стихотворной строчки.

⁶⁵ «Мухаммад, Пророк и государственный деятель» (Muhammad, Prophet and Statesman), стр. 213.

Он не был поэтом, о чём Он Сам неоднократно заявлял; Кур'ан был явленным Ему Словом Божиим. Но оппоненты пытались изобразить Его стихоплётom, выдающим Своё смелое красноречие за Божественное Откровение. У арабов была очень богатая поэзия, хотя и узкой тематики. Они имели обыкновение при всяком удобном моменте начинать говорить стихами — звонкими, сладкозвучными и помпезными. Существует масса поэм, написанных как Его последователями, так и противниками, в которых повествуется о битвах Пророка. И сейчас, когда Его вызвали на поединок, Он согласился принять в нём участие, терпеливо выслушал все их упражнения в ораторском искусстве, а после велел померяться с ними красноречием Своему поэту, ансариту Хассану ибн Сабиту. Люди из Наджда были удовлетворены тем, что они услышали, и признали превосходство сподвижников Пророка. Мухаммад наградил их уместными дарами и отослал домой.

Племя Бану-Са'д ибн Бакр послало к Пророку человека по имени Димам ибн Са'лаба, чтобы он исследовал Его Дело. Димам смело вошёл в мечеть Пророка и приблизился к группе людей, среди которых сидел Мухаммад, и спросил, который из них сын 'Абд аль-Мутталиба. Мухаммад ответил, что это Он, и Димам, чтобы исключить возможность ошибки, спросил, Мухаммад ли Он. Установив этот факт, Димам обратился к Пророку с такими словами: «О Сын 'Абд аль-Мутталиба! Я буду говорить с тобой решительно и страстно. Не обижайся». Затем Он задал Пророку целую череду вопросов, суть которых сводилась к тому, действительно ли Мухаммад притязает на то, что послан Богом со всеми теми догматами, порядками и заповедями, что Он провозглашает, поклянётся ли Он в этом и не отступит ли от того, что сказал. Получив утвердительные ответы на все свои вопросы, Димам объявил себя мусульманином, вернулся к своему племени, велел им выбросить прочь своих идолов и привёл Бану-Са'д ибн Бакр под сень Ислама.

В племени Тайй был некий человек по имени Хатим, прославившийся своей щедростью. Сегодня, тысячу четыреста лет спустя, он по-прежнему поминается во всём исламском мире как олицетворение этого качества, как в материальном плане, так и в царстве мысли и духа. На протяжении многих столетий историки, летописцы, рассказчики и поэты щедро использовали его имя. В десятом году хиджры, который начался 9 апреля 631 года, Хатим уже находился в мире ином, а его сын 'Адй оставался противником Ислама. 'Али уже навестил, с небольшим отрядом, территорию Тайй, разрушил их капище и разбил их идола по имени Филс. 'Адй, по вероисповеданию христианин, бежал в Сирию, однако его сестра была захвачена в плен и отвезена в Медину. Мухаммад обращался с ней так, как то подобало дочери Хатима. Её послали назад к её народу в сопровождении почётного эскорта и с хорошими подарками. Потрясённая великодушием Мухаммада, она отправилась в Сирию, нашла там своего брата и уговорила его отправиться в Медину, чтобы заключить мир с Пророком. Прибыв в Медину, 'Адй отправился напрямиком к Мухаммаду, однако стоило ему представиться, как Пророк поднялся и пошёл по направлению к Своему дому. 'Адй последовал за Ним. По дороге Пророка остановила старая женщина, которая хотела подать некое прошение и попросить помощи в разрешении своей проблемы,— и очень долго беседовала с Ним. Кротость, терпение и нежная забота о ней Мухаммада произвели на сына Хатима глубокое впечатление. Придя домой, Мухаммад усадил 'Адй на лучшее место, а Сам устроился на голой земле. 'Адй, приехавший, чтобы заключить с Пророком мир и начать платить подушный налог, которым облагался Народ Книги, вместо этого поклялся Мухаммаду в верности на всю жизнь. В грядущие годы ему было суждено сыграть важную роль в развитии Ислама.

У Пророка были все причины гордиться племенем Хатима. Один из его вождей, Зайд аль-Хайль (Зайд Лошадник), который был как великим наездником, так и героически смелым человеком, ранее уже приходил, чтобы проверить истинность положения Мухаммада и разобраться в Его Вере. В итоге сам он и многие его люди приняли Ислам. Мухаммад назвал этого исключительно выдающегося человек Зайд аль-Хайр — Зайд Великодушный (или Зайд Блаженный), и отметил, что его безупречные качества в реальности даже превзошли те рассказы, которые Он

слышал о нём. К сожалению, Зайду не суждено было прожить долгую жизнь после своего обращения.

В Медину прибыла также депутация из Йемена, который охватили беспорядки после смерти Базана, правившего от имени сасанидского монарха, но при этом принявшего Ислам. В Йемене жили потомки 'Абд-Кулала и других выдающихся правителей химйаритской династии. Пророк послал туда 'Али и Халида ибн аль-Валида, каждый из которых возглавлял собственный отряд, чтобы они стабилизировали ситуацию. В Йемен был послан также Му'аз ибн Джабал, которого Пророк не раз отправлял к различным группам в качестве наставника для обучения принципам и практикам Ислама. С депутацией Бану-Баджйла — племени, обитавшего в центральных областях Йемена, — приехал Джарйр ибн 'Абдаллах, которого Мухаммад очень уважал. Джарйр смог разрушить широко известное языческое капище в Йемене.

Христиане Наджрана, расположенного к северу от Йемена, хорошо осознавали тот факт, что Ислам начинает доминировать в Аравии. В Медину устремлялись делегации отовсюду, — прибыла даже одна с острова Бахрайн, находившегося под сасанидским правлением. Затем посланцы от Мухаммада прибыли в Наджран, священники и городская знать которого собрались, чтобы обсудить вставший перед ними вопрос. Собрание поначалу решительно склонялось к тому, чтобы заключить союз с соседями — в частности, с кланами Мазхидж и Сабба — и бросить вызов Мухаммаду, потому что им никак не хотелось отдавать себя под Его защиту и платить подушный налог. Летописи повествуют, что один глубокий старик (ему было много более ста лет) по имени Хусайн ибн Алкама, принадлежавший к племени Бану-Бакр ибн Ва'ил и втайне принявший Ислам, призвал это собрание не поддаваться страстям и рассмотреть ситуацию спокойно. Поначалу его трезвые слова вызвали гневную отповедь со стороны вождя племени Бан аль-Харис ибн Ка'б, однако в конечном итоге тот уступил голосу разума. Было решено послать в Медину депутацию для переговоров с Мухаммадом. В Медине разговоры о противостоянии Пророку продолжались, но потом христиане Наджрана покорились неизбежному и всё-таки заключили с Ним договор. Судя по всему, они даже попросили Мухаммада прислать им правителя, и Пророк назначил на эту должность Абуб-Убайду ибн аль-Джарраха.

В составе депутации от аль-Йаммама был некий человек по имени Мусайлима, который объявил себя мусульманином. Однако по возвращении в Йаммаму он заявил, что тоже является посланником Божиим и занимает такое же положение, что и Мухаммад. Он начал письмо Пророку такими словами: «От Мусайлимы, Апостола Божиего, Мухаммаду, Апостолу Божиему», а потом предложил Мухаммаду поделить между собой мир. Ответ Мухаммада был вполне ясным: «От Мухаммада, Апостола Божиего, Мусайлиме, лжецу». Как мы увидим позже, после смерти Пророка Мусайлима и жители Йаммамы, соединив свои силы с другими племенами, восстали и решили низвергнуть Ислам, однако потерпели неудачу.

В марте 631 года, когда настал сезон паломничества, Мухаммад решил не ехать в Мекку. Это решение, судя по всему, было принято с учётом некоторых обычаев прошлого, по-прежнему сохранявших силу в народе. Он назначил Абуб-Бакра предводителем паломников, и поручил 'Али передать им ряд недавних откровений касательно идолопоклонников. После некоторого периода снисхождения идолопоклонникам запрещался доступ в Ка'бу. Ряд источников (например, ибн Хишам, ат-Табарй и ибн аль-Асйр) утверждает, что Абуб-Бакр сохранил свою должность предводителя паломников, но некоторые шиитские (шй'а) апологеты придерживаются мнения, что 'Али не мог занимать подчинённого положения по отношению к Абуб-Бакру. Этот довод звучит смешно и по-детски, однако свидетельствует о расколе, который целенаправленно углублялся в течение нескольких последующих веков, хотя в ранние годы никаких подобных разногласий не существовало.

О масштабах влияния Пророка к концу десятого года хиджры можно судить по тому, сколько групп Он отправил для сбора доходов: 'Али поехал в Наджран; ансарит Зийяд ибн Лабид — в Хадрамут; Мухаджир ибн Абй-Умайя — в Сан'а, Йемен; аль-'Ала ибн аль-Хадрамй — в Бахрайн.

Паломничество Мухаммада весной 632 года известно как «Прощальное паломничество»: оно стало для Него последним, Ему оставалось жить не более трёх месяцев. Его проповедь во время паломничества указывала на этот факт: Он сказал Своим людям, что никогда уже не встретится с ними в этом месте. Он сделал особый акцент на братских узах, скрепляющих мусульманскую общину. Все родовые междоусобицы прошлого Он решительно вычеркнул из общественной жизни. Он подтвердил право частной собственности, но осудил ростовщичество. Число месяцев в году должно было равняться двенадцати, четыре из них — «запретные»:⁶⁶ раджаб, зу-ль-қа‘да, зу-ль-хиджжа и мухаррам; таким образом, старая система добавления одного вставного месяца была однозначно упразднена. (Содержащиеся в Кур’ане Откровения к тому времени уже оговорили эти положения.) «Вы имеете права на своих женщин, а они имеют права на вас», — провозгласил Пророк, а затем обратился к этому огромному собранию с увещанием оставить всякое тщеславие. «О люди, — сказал Мухаммад, — ваш Бог есть единый Бог, и едины ваши отцы; все вы от Адама, а Адам — от Земли. Пред очами Божиими тот более достоин, кто более предан Ему». Мерилом достоинства человека были названы страх Божий и преданность Ему, а не происхождение и родовитость, равно как и не достоинства группы, к которой человеку случилось принадлежать.

Когда же Мухаммад дошёл до конца Своей проповеди, Он задал Своим слушателям вопрос: снабдил ли Он их всем потребным руководством, рассказал ли им всё, что нужно, и завершил ли порученную Ему миссию? Народ в едином порыве ответил: «Именем Бога! Да!» Тогда Мухаммад поднял лицо к небу и воскликнул: «О Боже! Будь свидетелем». Обряд паломничества, которому следует весь мир Ислама с тех пор, в точности повторяет ритуалы, совершённые Пророком во время Его Прощального паломничества. Мухаммад провёл в Мекке десять дней, а затем в последний раз покинул Свой родной город.

Шиитское предание утверждает, что на обратном пути в Медину Мухаммад, получив неожиданное указание от Бога, внезапно разбил лагерь у пруда Хум, в самом неподходящем для этого месте; для Него была сооружена кафедра из сёдел, и с этой кафедры Он провозгласил Своим наследником ‘Али, потребовав от сопровождавших Его многочисленных мусульман поклясться ему в верности. Бесплезно искать упоминания об этом эпизоде в других источниках, хотя в шиитских произведениях он занимает важное место. Все остальные авторы хранят по этому поводу полное молчание.

17 Смерть Пророка

Пророк покинул этот мир в одиннадцатом году хиджры, который начался 29 марта 632 года. По возвращении в Медину Мухаммад начал готовиться к походу в глубину византийской территории, намереваясь взять реванш за поражение у Му‘ты, когда погиб Зайд ибн аль-Хāриса. Командование собираемой Им армией Мухаммад возложил на Усāму, сына Зайда. Однако Усāма был всего лишь безусым юнцом, неопытным и непроверенным, а Мухаммад отдал под его командование таких ветеранов, как Абū-Бакр, ‘Умар, ‘Усмāн, Абū-‘Убайда ибн аль-Джаррāх и Са‘д ибн Абй-Ваққāс. Некоторые почувствовали, что к ним проявляют неуважение, и выказывали своё безмолвное неодобрение. Приготовления замедлились и шли с большим трудом. С кафедры Своей мечети Мухаммад увещевал мусульман поспешить и восхвалял как Зайда, так и Усāму. Затем Он неожиданно заболел.

Незадолго до этого Мухаммад отправился, посреди ночи, помолиться за усопших, похороненных в Бақй‘. Один из Его освобождённых рабов, сопровождавших Его на кладбище, рассказывал, что молился Пророк очень долго и пламенно. В одну из последующих ночей Он отправился к Ухуду, где потерял Хамзу, Своего возлюбленного дядю, и тоже молился над могилами

⁶⁶ Месяцы, в которые налёты и войны запрещены (или, скорее, на них наложено табу).

Своих последователей, павших на поле этой битвы. Полагают, что Он простудился во время одного из этих ночных визитов.

Шиитские апологеты намекают, что настойчивые попытки Мухаммада ускорить поход армии под командованием Усāмы были обусловлены тем, что Он знал о Своей скорой смерти и хотел, чтобы люди калибра Абū-Бакра и ‘Умара были достаточно далеко от Медины в этот момент, чтобы ‘Алī, Его законный преемник, мог спокойно вступить в должность, не опасаясь препятствий и противодействия. Хотя Пророк, несомненно, хотел ускорить отъезд армии Усāмы, Его внезапная болезнь, конечно же, привела к значительным проволочкам. А когда Мухаммад обнаружил, что не может более вести соборную молитву в мечети, Он попросил выполнять эту функцию Абū-Бакра, приписанного к уходящей армии. Дом Пророка смотрел на мечеть, и Он, лёжа на постели в комнате, принадлежавшей ‘Ā’ише, мог слышать всё, что там происходило. Однажды до Него донёлся голос ‘Умара, а не Абū-Бакра, и Он немедленно послал человека с указанием, что подмена в этом деле не допускается. Мухаммад вновь отправился в мечеть, хотя и вынужденный воспользоваться посторонней помощью, и опять стал вести соборную молитву, но теперь уже сидя.

Здесь шиитские комментаторы вновь выдвигают серьёзные сомнения. Они утверждают, что поскольку Мухаммад находился в комнате ‘Ā’иши, та имела возможность полностью информировать своего отца, Абū-Бакра, о состоянии здоровья Пророка. ‘Алī руководил молитвой, как было велено ему Самим Пророком, однако, поскольку он был очень занят, прислуживая Мухаммаду, ‘Ā’иша предложила своему отцу заменить Пророка. Когда Ему сообщили о поступке Абū-Бакра, Мухаммад поднялся с постели, отправился в мечеть, поддерживаемый с двух сторон ‘Алī и Фадлом, сыном Его дяди ‘Аббāса, и оттолкнул Абū-Бакра прочь. Мухаммад, заявляют они, не мог идти, и Его пришлось тащить на руках. Мухаммад будто бы осудил Абū-Бакра с кафедры мечети, когда молитва завершилась. Не стоит и говорить, что такие авторитетные источники, как ибн Хишām, ат-Табарī, аль-Вāкидī и ибн аль-Асīр дают иную версию. Согласно ибн аль-Асīру, Мухаммад сидел рядом с Абū-Бакром, который вёл молитву.

По общим отзывам, Мухаммад страдал от сильнейших головных болей и высокой температуры. В тот день, когда Усāма пришёл, чтобы попрощаться, Пророк не мог говорить. Странно, но мнения касательно природы заболевания Мухаммада и его длительности расходятся. Была ли это пневмония? Утверждается, что Сам Мухаммад приписывал Свое недомогание действию яда, подсыпанного Ему еврейской женщиной при Хайбаре, откуда вытекает, что Мухаммад умер смертью мученика. Как бы то ни было, скоро стало очевидно, что болезнь Пророка может оказаться смертельной, и, скорее всего, именно поэтому армия Усāмы так и не отправилась в свой поход.

Однажды Мухаммад потерял сознание, и женщины, окружавшие Его постель, стали думать, как Ему помочь. С помощью ‘Аббāса, Его дяди, в Его ноздри закапали несколько капель неизвестного масла. Это тонизирующее средство помогло, хотя Сам Мухаммад не одобрил такого лечения. Он Сам, когда температура поднялась особенно высоко, распорядился насчёт лечения: следовало набрать воду из семи колодцев в семь различных сосудов, а затем окатить Его этой водой. В результате Его лихорадка на некоторое время спала.

Есть некоторые указания на то, что ансāриты особенно волновались о том, что станет с ними после смерти Пророка. Чтобы успокоить их, Мухаммад якобы велел ‘Алī и Фадлу, Его двоюродным братьям, помочь Ему взойти на кафедру мечети, чтобы Он мог прочесть проповедь. Он особо призвал мухāджирūн относиться к ансāритам с величайшим уважением. Ансāриты, сказал Он, открыли для них свои дома, пригостили их, когда тем было особенно тяжело, и разделили с ними всё своё имущество.

Существует некоторое согласие о том, что как-то раз, уже почти в самом конце, Мухаммад попросил принести пишущие принадлежности, чтобы Он мог продиктовать Свои последние распоряжения. Что произошло дальше, выяснить трудно по причине ожесточённых споров на

этот счёт. Практически не вызывает сомнения, что Пророку было очень плохо, потому что, согласно шиитскому преданию, ‘Умар сказал: «Он бредит, довольно нам Книги Божией». Утверждается также, что после вмешательства ‘Умара в комнате поднялся такой шум, что Мухаммад велел всем немедленно покинуть помещение. Возникает вопрос: если Пророк, у пруда Хум, назначил ‘Али Своим преемником и велел всем Своим последователям, которые при этом присутствовали, принести ‘Али клятву верности, то зачем Ему было диктовать Свои последние распоряжения? И сунниты, и шииты согласны в том, что во время болезни Мухаммад, то ли с посторонней помощью, то ли без, посещал Свою мечеть и выступал с её кафедры. Необходимо также вспомнить, что во время Своей последней проповеди в Мекке Мухаммад спросил у народа, завершил ли Он Свою миссию, и они ответили утвердительно.

Большинство историков также согласно с тем, что в день смерти Мухаммад, к удивлению Своих последователей, появился в мечети на рассветной молитве, улыбнулся им и велел продолжать обряд, после чего ещё пробыл там некоторое время. Рассказывают, что Абū-Бакр, заметив внезапное улучшение в состоянии Пророка, попросил у Него разрешения навестить свою семью, которая жила в квартале Сунх, на дальней стороне Медины.

Однако через несколько часов, в полдень, Мухаммад умер.

Он вернулся в Свою комнату, тщательно почистил зубы и вновь прилёг на постель, положив голову на грудь ‘А’ише. Через мгновение Он покинул этот мир, с именем Бога на устах. Это был понедельник в конце мая либо в начале июня.

Историки и летописцы называют разные даты. Профессор Монтгомери Уатт указывает 8 июня 632 года, что соответствует 13-му дню рабй’ аль-ауваль одиннадцатого года хиджры. Эту дату сообщает ибн аль-Асйр. С другой стороны, шииты отмечают день смерти Пророка 28 сафара, что соответствует 25 мая. Но насчёт понедельника все согласны.

18 Чему учил Мухаммад

Главное, чему учил Мухаммад — это единство и непостижимость Бога.

«Скажи: Бог — единый Бог, Вечный Бог, не родил и не рождён; и нет никого подобного Ему.» Это сūra СХII Кур’ана — Сурат аль-Ихлās («Искренность») — которая является частью ежедневной молитвы каждого преданного мусульманина. Эта молитва повторяется пять раз в день. Она не допускает никаких компромиссов. Этот догмат утверждается ясно, недвусмысленно и решительно. Начало XXV сūры — Сурат аль-Фурқāн — подчёркивает утверждение о том, что Бог «не родил»: «Да благословится Тот, Кто нипослал Свои стихи [фурқāн]⁶⁷ Своему слуге [Мухаммаду], дабы стал он увещателем для всего живого. Тот, Кому принадлежит Царствие Небесное и Земное, не брал Себе сына, и нет у Него сотоварища в Царствии. Он сотворил всё сущее и распорядился всем сущим, как было угодно Ему». А вот что говорится в первой сūре, Сурат аль-Фāтиха («Открывающая»), которая также является частью молитвы сālāt, ежедневной обязательной молитвы: «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного — Хвала Богу, Господу всех миров, Всемилостивому, Всемилосердному, Повелителю Судного Дня; Тебе лишь поклоняемся, Тебя лишь просим о помощи. Веди нас прямой стезёй, стезёй тех, кого Ты облагодетельствовал, а не тех, кто разгневал Тебя, и не тех, кто заблуждается.»

«Бог — Свет небес и земли,— провозглашает XXIV сūra, Сурат ан-Нūr («Свет»),—

Его свет — точно ниша;
в ней светильник
(светильник в стекле,

⁶⁷ Фурқāн — другое название для Кур’ана. Крачковский переводит его как «различение».

стекло — точно блестящая звезда),
 зажжённый от Благословенного Древа,
 маслины ни восточной, ни западной,
 масло её готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь;
 Свет Светозарный;
 (Бог ведёт ко Свету Своему всякого, кого пожелает.)
 (и приводит Бог подобия для людей,
 и у Бога — знание обо всём.)⁶⁸

(стих 35)

Учёные могут сколько угодно спорить о происхождении слова «Аллāх», но ни один из их доводов не имеет никакого отношения к тому «Всесострадательному», «Всемиловитому», «Всевластному», «Всеобъемлющему» Богу, которого Мухаммад провозгласил и Посланником Которого Он, по Его собственным словам, был. Этот Бог — Создатель Вселенной, пребывающий вне времени и пространства, превыше людских тщаний постичь Его, господствующий надо всем. Он нигде, и вместе с тем — везде. «Богу принадлежат Восток и Запад; куда бы вы ни обратились, там Лик Божий; Бог — Всеобъемлющий, Всеведущий», — провозглашает Кур'ан (II, 109). Он превосходит всё, никогда не обретает плоти, и всё же, как вновь провозглашает Кур'ан: «Мы, воистину, создали человека, и ведомо Нам, что нашёптывает ему его душа, и Мы ближе к нему, чем его ярёмная вена». (Сӯра L, 15 — «Қаф».)

«Бог — нет Бога, кроме Него, Живого, Самосущного. Не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было, и то, что станет с ними, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Его Престол объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их. Он — Высокий, Могучий.»

(Сӯра II, 256 — аль-Бақара — «Корова».)

Такой Бог — Всемогущий Мирокроитель и Правитель Вселенной — очень, очень сильно отличается от вырезанного из камня безвестного божка языческой Аравии.

Жизнь преданного мусульманина теоцентрична. Согласно наставлениям Мухаммада, мусульманин должен в каждый момент своей жизни осознавать, что бытием своим он обязан Богу, что он направляется Волей Божией, от Него пришёл и к Нему вернётся.

Кроме того, Мухаммад учил о сменяющихся друг друга Посланниках Божиих. Он нарисовал пред нашими глазами величественную цепь, простирающуюся сквозь века, от Адама до Самого Себя:

Скажите: «Мы уверовали в Бога и в то, что ниспослано нам, и ниспослано Аврааму, Исмаилу, Исааку, Иакову и коленам, и было даровано Моисею, Иисусу и Пророкам от Господа их; мы не различаем меж кем-либо из них, и Ему мы предаёмся».

(Сӯра II, 130.)

Бог избрал Адама и Ноя
 и Дом Авраама
 и Дом 'Имрāна⁶⁹

⁶⁸ Немного изменённый перевод Крачковского.

⁶⁹ Отец Моисея.

пред всеми живыми существами,
как потомков друг друга;
Бог слышит и знает.

(Сӯра III, 30 — Аль-‘Имрāн, «Дом ‘Имрāна».)

«Мы ранее ниспослали Книгу Законов Моисею и повелели Посланникам наследовать ему, а Иисусу, сыну Марии, Мы дали ясные доказательства и укрепили Его духом Святым. Итак, всякий раз, когда приходит к вам Посланник с тем, чего ваши души не желают, вы надменно отвергаете его, одних объявляете самозванцами, а других убиваете?»⁷⁰

(Сӯра II, 81.)

Мы отправили к каждому народу Посланника, изрѣкшего:
«Служите Богу своему
и сторонитесь идолов». Были среди них те, кого Бог повёл
прямым путѣм, а были те, кому оказалось суждено
заблуждение.
Идите же по земле
и посмотрите, каков был конец тех, что изрекали неправду.

(Сӯра XVI, 38 — ан-Нахл, «Пчела».)

Другая непрестанно повторяемая тема Кур’āна — наступление Дня Суда и Расчѣта, Дня Воскресения.

О Господи, воистину Ты соберѣшь человечество в день, о
коем нет сомнения. Бог не нарушает обетов Своих.

(Сӯра III, 7 — «Дом ‘Имрāна».)

Эти три принципа — признание единства, единственности и неизмеримости Бога; признание Посланничества Мухаммада (что, по определению, влечѣт за собой признание и всех Посланников прошлого); а также вера в День Воскресения — принимаются всеми мусульманами, и последователь любого течения Ислāма считает их столпами своей Религии; к этому шииты добавляют Имāмат (веру в наличие законной наследственной линии преемников Пророка), и концепцию Справедливости Божией. Сунниты, отрицающие, что Мухаммад назначил Своим преемником ‘Алй, Своего двоюродного брата и зятя, и полагающие, что в вопросе о том, кто должен возглавлять ислāмский мир, надо следовать процедуре выборов, отвергают принцип Имāмата и равным образом сомневаются в том, почему именно Справедливость, одно из многих качеств Бога, должно, в обход всех прочих, удостаиваться особого статуса и возводиться в ранг основополагающего принципа Религии. Позже мы увидим, что этот выбор шиитов имеет под собой прочные исторические основания.

Дополнительные институты Веры включают ʃалāt — обязательную молитву, которую следует читать пять раз в день (перед восходом солнца, в полдень, после полудня, на закате и вечером); ʃаум — пост во время лунного месяца рамадāн (воздержание от пищи и питья от зари до сумерек); ʃаджж — паломничество, единожды в жизни, в город Мекку, которое должны совершить все, кто может себе его позволить; главные обряды исполняются на десятый день лунного месяца зу-ль-ʃиджжа (последний месяц мусульманского календаря); закāt — оговоренные выплаты в общую казну. Шииты добавляют к этим выплатам ʃумс (одну пятаю), — пожертвование Имāму или, в его отсутствие, тем, кто замещает его. Закāt предписан в Кур’āне, тогда как

⁷⁰ Немного изменѣнный перевод Крачковского.

хумс — нет. Джихад (священная война) также является одним из институтов Веры. Во дни Пророка, а также в непосредственно последовавшие за этим годы, священная война была направлена против язычников и идолопоклонников — то есть многобожников — и велась ради защиты исламского мира. С веками понимание смысла джихада исказилось и было утрачено. Много раз бывало так, что джихад, провозглашённый лицом, облечённым властью, игнорировался, — самым ярким из подобных примеров следует считать предписание султана Османской империи во время Первой мировой войны.

Религию Арабского Пророка никогда не следует называть мухаммаданизмом (или магометанством и проч.). Она называется Ислам: это религия покорности Воле Божией, и она не навязывалась силой меча. Сūra II, стих 257, провозглашает:

Нет принуждения в религии.
 Безупречность ясно отличена ныне от заблуждения.
 Итак, всякий, отвергнувший идолов и уверовавший в Бога,
 ухватился за наипрочнейшую рукоять, нерушимую;
 Бог — Всеслышащий, Всезнающий.

Стих 172 той же сūры раскрывает суть Религии, принесённой Мухаммадом:

Благочестие не в том, чтобы обращать лицо к Востоку и к Западу.
 Истинное благочестие таково:
 веровать в Бога и в Последний День,
 в ангелов, в Книгу и Пророков,
 отдавать своё имущество, сколь бы ни было оно вам дорого,
 родственникам и сиротам,
 нуждающемуся, путешествующему, нищенствующим,
 и платить выкуп за раба,
 совершать молитву [салāt], платить милостыню [закāt].
 И те, что исполняют обещания свои, когда дали они обещание,
 и терпеливо сносят несчастья, трудности и опасности,
 суть те, кто надёжен в своей вере;
 они, воистину, из богобоязненных.

Послесловие

Таковы происхождение, жизнь, миссия, труды и достижения Мухаммада, Апостола Божиего. Он полностью преобразил бытие разрозненного конгломерата племён и объединил их в цельную, сплочённую нацию. Он изгнал из Аравии идолопоклонничество. После Него Аравия и её народ стали играть в истории человечества выдающуюся роль.

До тех пор, пока Он не нёс ответственности за других людей, Мухаммад, перед лицом постоянных оскорблений, клеветы, физических атак и избиений, и пальцем не пошевелил, чтобы защитить Себя. Но, как только судьба и безопасность Его последователей, а фактически, и целого города, оказалась в Его руках, Он стал действовать как правитель: с тактом и терпением, мудро и справедливо. Его долгом было остановить агрессора, пресечь выступления противника, нейтрализовать усилия врагов, а если нужно — то и отдать приказ об их уничтожении. У Него не оставалось другого выбора в этих практически незаконных землях. В аль-Худайбийя, договариваясь о перемирии с беспощадными идолопоклонниками, Мухаммад уступил Сухайлю ибн 'Амру, мекканскому посланцу, и велел писцу удалить из договора обращение «Мухаммад, Апостол Божий», и обозначить Его просто как «Мухаммад ибн 'Абди-ль-лāх». Более того, Он согласился на то, чтобы мекканец, принявший Ислам и бежавший в Медину, вернулся в Мекку, хотя это и противоречило воле Его людей. Однако что касается поклонения идолам, придания сотоварищей Всевышнему Создателю Вселенной, Мухаммад никогда не шёл на компромиссы, никогда не уступал ни на йоту.

Несправедливо говорить, как это вновь и вновь делают те, кто стремится опорочить Мухаммада, что Ислам был религией меча. Например, Сафван ибн Умайя, который был приговорён и впоследствии помилован Мухаммадом, принял Ислам через много месяцев после падения Мекки, причём исключительно по собственному выбору. На протяжении долгих лет, когда ‘Абдаллах ибн Убайй и его сторонники только на словах исповедовали веру в Мухаммада и пытались разрушить все Его планы, ни разу никто не применил силу с целью потребовать от них декларации полной приверженности этому Делу. ‘Адй, сын прославленного Хатима, отправился в Медину, так и не зная до конца, что ему делать — признавать пророческую миссию Мухаммада или нет; ему были оказаны почести, подобающие сыну такого знаменитого отца, и он стал мусульманином без всяких угроз или давления. Великий труд сэра Томаса Арнольда, «Проповедь Ислама», весьма точно излагает историю распространения веры Мухаммада.

Ещё одна злобная ложь, которую очернители Мухаммада никогда не уставали повторять, касается Его браков. Во-первых, необходимо помнить, что до тех пор, пока была жива Хадйджа (которая, кстати, была много старше Мухаммада), Пророк не брал других жён. Арабы были многожёнцами, и у Мухаммада не было никаких препятствий к тому, чтобы взять Себе женщину моложе Хадйджи, пока та была ещё жива. Несмотря на это, Он пребывал в единобрачии в течение всей Своей юности. И после того, как Хадйджа умерла, Он отнюдь не бросился немедленно заключать новый брак. Обстоятельства Его последующих браков, как уже рассказывалось, доказывают без тени сомнения, что заключал эти браки отнюдь не сластолюбец, что часто пытаются утверждать очернители.

История жизни Мухаммада, очищенная от измышлений, которыми её обременили невежественные мусульмане последующих веков, говорит сама за себя. Апостол Божий предстаёт в истинном свете благодаря Своим достижениям — блестящим, бесспорным и немеркнущим в веках.

часть II

Развитие Ислама

19

Преемственность

Пророк умер. По мере того, как эта новость распространялась всё шире, нарастало смятение. Упрямый и своевольный ‘Умар наотрез отказался признать тот факт, что Мухаммад ушёл из этого мира. Обнажив меч, он стоял посреди главной улицы города и вызывал на поединок всякого, кто посмеет утверждать, что Пророк мёртв. Наконец, мудрому и спокойному Абū-Бакру удалось утихомирить его. Услышав эту горестную весть, Абū-Бакр поспешил в дом своей дочери, приблизился к телу Пророка, откинул укрывавший Его плащ и трижды поцеловал Мухаммада в лоб. «Величие Твоё,— сказал он,— не отразит никакая хвала и никакие оплакивания. Если бы мы могли, то пожертвовали бы собой ради Твоей жизни». Пытаясь сдержать слёзы, он добавил: «Когда бы Ты не запретил нам плакать над мёртвыми, из наших глаз сейчас лились бы потоки слёз». Затем, успокоив ‘Умара, он взошёл на кафедру, которая когда-то принадлежала Мухаммаду, и обратился к ошеломлённым и растерянным людям, собравшимся вокруг него, с такими словами:

«Кто поклонялся личности Мухаммада, пусть знает, что Мухаммад умер; а кто поклонялся Богу, пусть знает, что Бог не умирает. Мухаммад был Посланником Божиим, и другие Пророки, жившие прежде Него, тоже ушли из этого мира. Мухаммад покинул нас; но храните свою Веру в Него и поклоняйтесь Богу. Если вы взбунтуетесь и предадите свою Веру, Богу от этого не будет вреда».

‘Умар покорился, и собравшиеся, осознав постигшее их горе, разошлись. Но на горизонте уже собирались тучи жестокого раскола.

‘Али, который по праву должен был принять павшую мантию власти, вместе с остальными ближайшими родственниками Пророка был занят приготовлениями к похоронам. На какое-то время место преемника оказалось незанятым, и некоторые этим поспешили воспользоваться. Са‘д ибн ‘Убада, предводитель хазраджитов, хотя и был слаб и прикован к постели, решил попытать счастья. Поскольку он не мог ходить, его люди отнесли его на место собраний в паланкине. Туда пришли и некоторые другие мединцы, включая членов Хазрадж и Аус,— из последнего племени присутствовали, например, Усайд, сын Худайра, и Башйр, сын Са‘да, которые завидовали хазраджитам. Хотя в их собственных рядах не было достаточно выдающегося человека, который мог бы выдвинуть обоснованные притязания, они решительно не желали видеть своим правителем хазраджитского вождя. Таким образом, они с самого начала не могли допустить мысли о том, что мединец и ансарит имеет право наследовать Пророку. На протяжении всего этого насыщенного событиями дня они вновь и вновь напоминали всем, что Мухаммад пришёл из Мекки и был потомком курайшитов; следовательно, Его преемником по праву родства непременно должен был стать курайшит. Ансариты, поддерживавшие Са‘да ибн ‘Убаду, столь же упорно доказывали, что мекканцы преследовали Пророка, что лишь относительно немногие из них уверовали в него, что влиятельные мекканцы строили против Него козни и вообще умертвили бы Его, если бы они не предложили Ему убежища в Медине. Они поклялись Мухаммаду в беззаветной преданности, и Он обрёл среди них мир и покой. Уже само имя, которое Он им дал, подтверждало тот факт, что именно их помощь обеспечила Ему победу. Они с готовностью раскрыли свои дома для мухаджирун, которые, будучи изгнаны со своих родных мест, прибыли к ним в город нищими. Такие поступки, по их мнению, давали право одному из ансаритов стать наместником Пророка. Однако такое предположение таило в себе огромную опасность.

Никто — и меньше всего сами мухаджирун — не стал бы отрицать благородства и героизма ансаритов. Открыв свой город Мухаммаду и провозгласив свою решимость следовать за Ним во всех обстоятельствах, они пошли на большой риск, поскольку это означало бросить смелый и недвусмысленный вызов всей Аравии. В самые тяжёлые моменты они твёрдо и решительно стояли на стороне Пророка. Всё это было очевидно. Тем не менее, племена и кланы

Аравии не считали членов Аус и Хазрадж выше себя; они никогда не приняли бы преемника Пророка, выбранного из числа ансаритов.

Абӯ-Бакр хорошо понимал надвигающуюся опасность, которая угрожала ни больше, ни меньше, как единству Ислама. Как только он узнал о собрании ансаритов, он поспешил туда, сопровождаемый 'Умаром и Абӯ-'Убайда, сыном аль-Джарраха, ещё одного курайшита, пользовавшегося большим уважением. Тут спор разгорелся не на шутку, и в последовавшей сваре права 'Али были позабыты.

Мухаммад не оставил ни завещания, ни другого документа, где говорилось бы о наследнике. Тем не менее, Он устно упомянул, что наследовать Ему должен Его двоюродный брат и зять. 'Али был молод. В рядах мусульман было множество людей постарше, прошедших суровую школу жизни и набравшихся опыта, которые полагали, что их возраст, вкупе с их заслугами, оправдывал их притязания. Не было среди мусульман и недостатка в таких лидерах — как мухаджирун, так и ансаритов, — которые, по тем или иным причинам, были враждебны к 'Али. Таким образом, на собрании, случившемся в самый день смерти Пророка, все права 'Али были без малейшего на то основания проигнорированы. Если кто-то и выступал в его поддержку, то эти слова пропали втуне.

Несмотря на сильную поддержку, притязания хазраджитского вождя, по чьей инициативе и произошло собрание, практически не встретили понимания. Аус, другой клан ансаритов, ни под каким видом не желал признавать их. Кроме того, вмешательство Абӯ-Бахра и его предостережения внесли в этот спор новый элемент. Когда ряды ансаритов смешались, Абӯ-Бакр выступил вперёд, взял за руки 'Умара и Абӯ-'Убайда и сказал: «Вот два достойных человека; выбирайте любого из них, чтобы он был правителем над вами, и я первый поклянусь ему в верности». Но 'Умар и Абӯ-'Убайда отказались принять это предложение и обратились вместо этого к Абӯ-Бахру: «Тебя следует предпочесть нам — тебя, кто был спутником Посланника Божиего во время Его путешествия из Мекки». После этого 'Умар заставил Абӯ-Бахра вытянуть руку и коснулся её собственной рукой в знак уважения, поклявшись ему в верности. (Этот обряд был известен как *бай'а* и широко использовался как тогда, так и в последующие века.) Абӯ-'Убайда последовал примеру своего товарища. Следующим был Башйр ибн Са'д, предводитель ауситов, который стремился не допустить к власти своего соперника-хазраджита. В последовавшей затем давке, когда люди спешили присоединиться к своим братьям и поклясться в верности Абӯ-Бахру, Са'д ибн 'Убада остался беспомощно лежать на своих носилках, и его чуть не затоптали до смерти. И всё же гордость не позволила ему засвидетельствовать почтение Абӯ-Бахру. До последнего дня своей жизни, который наступил довольно скоро, он упорствовал в своём отрицании. Вряд ли приходится сомневаться в том, что его успех поднял бы Мекку против Медины, и непримиримые расколы поразили бы государство, — как раз в тот момент, когда Аравия вновь стала возвращаться к состоянию анархии.

Действительно, пустыня вновь пришла в волнение. Мошенники — и даже одна мошенница — притязали на статус посланников Божиих. Со смертью Пророка они осмелели, и количество их последователей возросло. Среди них был Маслама (или Мусайлима, которого также называли «маленький Маслама») из Йамāмы, аль-Асвад⁷¹ из Йемена и Тулайха⁷² («маленький Талха») из могущественного племени Банӯ-Асад. Единственной женщиной среди этих самозванцев была Саджāх. Утверждают, что она была христианского вероисповедания и пришла в Аравию с севера. Она пользовалась поддержкой со стороны Банӯ-Таглиб, и когда Мусайлима женился на ней, их объединённые силы казались непобедимыми.

Помимо проблем с этими самозваными пророками и их многочисленной паствой, многие племена по всему полуострову принялись извлекать на свет своих старых богов. Это происходило и за пределами Аравии: так, к идолопоклонничеству вновь возвращались жители Бахрайна. Мекка, тем не менее, стояла нерушимо, и Медина, как и всегда, высилась цитаделью

⁷¹ Считается, что его убили ещё при жизни Пророка.

⁷² Презрительное прозвище, как и в случае Мусайлимы.

Исла́ма. Именно из-за этого внезапного возвращения к анархии и идолопоклонничеству ‘Али́ и решил признать Абӯ-Ба́кра и поклясться ему в верности. Раскола нельзя было допустить ни в коем случае. Для ‘Али́ единство Исла́ма и противодействие сепаратизму было высшей ценностью, перевешивающей любые соображения утверждения собственных прав. Печально, что некоторые шиитские апологеты упускают из виду этот основополагающий факт и мечтают лишь о том, чтобы опорочить непосредственных преемников Мухаммада.

Праведные халифы

(аль-Хулафа́’ ар-Рашиди́н — Хулафа́’ Рашиди́н)

632-61 от Р.Х.

1. Абӯ-Ба́кр ибн Абй-Қуҳа́фа (632-634)
2. ‘Умар ибн аль-Ха́ттаб (634-644)
3. ‘Усма́н ибн ‘Аффа́н (644-656)
4. ‘Али́ ибн Абй-Та́либ (656-661)

Абӯ-Ба́кр ибн Абй-Қуҳа́фа (632-634 от Р.Х.)

Первое, что сделал Абӯ-Ба́кр — это послал в Византию экспедицию, которую Сам Пророк организовывал в последние дни Своей жизни. Предводителем её, назначенным Пророком, был юноша Уса́ма, сын того Зайда, который погиб при Му’те. Теперь Уса́ма должен был отправиться по тому же маршруту, что и его отец, и биться с теми же самыми людьми. Хотя армия Уса́мы была очень нужна в Медине, Абӯ-Ба́кр настоял на выполнении плана Пророка. Набег Уса́мы на римскую территорию, хотя и не принёс блистательных успехов, оказал положительное влияние, в противовес тому разгрому, который потерпел его отец. Но он не стал развивать этот успех, потому что на повестке дня стояла насущная задача подавить бунт внутри самой Аравии. Абӯ-Ба́кр поручил усмирению Хали́ду ибн аль-Вали́ду, чьи полководческие таланты были вне конкуренции, но манера вести дела — исключительно жестокой. Хали́д одержал блестящую победу, и его триумф стал прелюдией к будущим успехам, что были суждены ему в царствах Саса́нидов и в Византии.

Примерно через год после смерти Пророка мусульманские воинства начали продвигаться на север. Поначалу они имели дело только с провинциями — данниками этих двух великих империй, но скоро они лицом к лицу встретились и с самими римлянами и персами. Почему арабы так скоро вышли за пределы своей родной земли и решили бросить вызов могуществу цивилизованного мира? Приводится много возможных объяснений, среди которых — страстное желание распространить новую Веру, захватническая лихорадка и желание пограбить. Ни одно из этих объяснений, взятое в отрыве от прочих, не может считаться удовлетворительным. Армии Исла́ма отправились за пределы своего полуострова благодаря сочетанию множества причин. Энергичные и в высшей степени успешные кампании усмирения мятежных и непокорных племён позволили создать эффективные вооружённые силы, которые требовали расширения своей деятельности. Всё это также оказало большое впечатление на кланы Севера, которые стояли между мусульманами Аравии и приходящими в упадок империями. В качестве одного из примеров вполне можно упомянуть действия аль-Мусанна, сына Хари́са, вождя племени Бану-Шайба́н. Заметив, что ситуация как в Аравии, так и в Саса́нидском царстве изменилась, аль-Мусанна́ решил, в 633 году, захватить плодородный регион Сау́д, лежащий в сердце Месопотамии. Он объявил себя мусульманином, вторгся на саса́нидскую территорию, а потом попросил Медину о помощи. Эта помощь пришла, конечно же, не мгновенно, а тем временем Хали́д заставил Хйру сдаться. Таким образом, конфликты разрастались и схватки множились. Принимая во внимание, с одной стороны, живую и полную энтузиазма веру мусульман, а с другой — самонадеянность и высокомерие двух истощённых войной, слабых и приходящих в упадок империй, итог выглядит закономерным.

Абӯ-Бакру пришлось выдержать ряд первоначальных поражений, и он не дожид до славных побед своей армии. Он умер 23 августа 634 г., пробыв халифом (халифату⁷³ Расулиллах — наместником или преемником Посланника Божиего) два года и два месяца. На смертном одре Абӯ-Бакр назначил своим преемником ‘Умара — этот поступок аннулировал тот выборный принцип, на который опиралось его собственное положение. Абӯ-Бакр был хорошим и справедливым правителем, человеком глубоко благочестивым. Однако его восхождение на престол и назначение им преемника не опирались ни на какие заповеди Пророка.

‘Умар ибн аль-Хаттаб (634-644 гг. от Р.Х.)

‘Умар был человеком суровым, но справедливым. Ему никогда не нравилось высокомерное отношение Халида к своим врагам, и вскоре он отобрал у него пост правителя Сирии, поставив во главе войска, противостоящего силам Гераклия, Абӯ-‘Убайду, сына аль-Джарраха. Но перед этим Халид, в то время ещё главнокомандующий, предпринял быстрый и победоносный бросок через Сирию и нанёс удар византийцам с тыла поблизости от Дамаска, который, после шестимесячной осады, открыл свои ворота в сентябре 635 г. Халид также участвовал в великой битве при Йармуке⁷⁴, когда, в исключительно жаркий августовский день 636 г., византийцы потерпели своё самое страшное поражение. Не последнюю роль в этом унижении Византии сыграли христиане-якобиты. Гераклий получил новости об этом полном разгроме, находясь в Антиохии. Он понял, что всё потеряно, и Сирию уже не вернуть. Отслужив в соборе молебен о Божием заступничестве, он, преисполненный печалью, отправился на побережье и отплыл в Константинополь. Глядя на оставляемую им землю, он дал волю горьким слезам: «Прощай, навеки прощай, о Сирия! Сколь привлекательна страна эта для врагов!»⁷⁵ Незадолго до этого он сам отвоевал эту землю у персов. Набег неотёсанных аравийских воинов он посчитал мщением Небес за его кровосмесительный брак с собственной племянницей.

На персидском фронте командующим стал Са‘д, сын Абӯ-Ваққаса. Битва при Қадисийа в июне 637 г. открыла путь на Ктесифон, столицу империи Сасанидов. К этому моменту Йаздигирд III, последний из Сасанидов, уже бежал в горы Персии. В конце того же года произошла битва при Джалӯла’, в результате которой арабы стали хозяевами всей Месопотамии. Наконец, в 641 г. битва при Нихаванде⁷⁶ похоронила все надежды сасанидского монарха. Он был вероломно убит десять лет спустя в городе Мары, недалеко от Хурасана.

Тем временем Иерусалим, как и другие сирийские города, был осаждён, и держался дольше всех. Когда арабам уже невозможно стало сопротивляться, патриарх Софроний передал Абӯ-‘Убайде, что город сдастся, но только самому халифу. ‘Умар приехал и вошёл в Иерусалим в феврале 638 г. Хотя он прибыл как победитель, но был одет в простой, запылённый с дороги шерстяной халат, тогда как победители были разряжены в пух и прах. Рассказывают, что патриарх, поражённый этим контрастом, заметил, что теперь он понимает, почему мусульмане побеждали в битвах, а его люди терпели поражение.

По просьбе ‘Умара Софроний повёл его в Церковь Гроба Господня, чтобы он посмотрел на христианские святыни. ‘Умар всё ещё находился в церкви, когда настал час молитвы. Он спросил патриарха, где можно расстелить коврик и помолиться. Услышав, что он может молиться там, где стоит, ‘Умар предпочёл отправиться на паперть, поскольку, если бы он помолился внутри церкви, мусульмане могли бы потом притязать на владение этим местом и, тем самым, нарушить права христиан. Опасения ‘Умара полностью оправдались. Паперть, где он молился, была впоследствии конфискована мусульманами, причём именно по этой причине. Однако Церковь Гроба Господня осталась нетронутой.

⁷³ Термин халифа появляется в Кур’ане только дважды (II:28 и XXXVIII:25), каждый раз в другом контексте. Ни в одном из этих случаев не подразумевается преемственность по отношению к Пророку.

⁷⁴ Река Йармук — приток реки Иордан.

⁷⁵ См. Хитти, «История арабов», стр. 152.

⁷⁶ Поблизости от Экбатана (современный Хамадан).

Через год после падения Иерусалима разразилась эпидемия то ли холеры, то ли бубонной чумы, опустошившая Сирию и Палестину. Среди её жертв был арабский полководец и правитель Абū-‘Убайда. И тогда ‘Умар принял решение, которое, как оказалось впоследствии, изменило облик Ислама и всю его судьбу. Два сына печально известного Абū-Суфйāна, главы Дома Умаййи, которых звали Йазйд и Му‘āвийя, командовали небольшими отрядами на византийском фронте и достигли значительных успехов. После смерти Абū-‘Убайды ‘Умар назначил на его место Йазйда, а когда умер Йазйд, он отдал командование Му‘āвийе. Этот честолюбивый человек, ставший потом правителем Сирии, не был лишён некоторых добродетелей. При жизни Пророка он был одним из Его писцов. Он обладал мужеством, безграничным терпением (которое арабы называют *хильм*), высоким профессионализмом и тонким государственным чутьём. Он проявлял замечательную терпимость к немусульманам в своей провинции, а впоследствии и в своей империи. Но он был также вероломным и беспринципным и не считался с нравственными законами в своей борьбе за власть.

К концу 639 г. великая Антиохия также пала, и мусульманские армии господствовали на всей территории от границ Анатолии до самого Египта. Мусульманским полководцем, отнявшим Палестину у византийцев, был ‘Амр, сын аль-‘Аса. Сейчас он намеревался быстро двинуться в Египет, однако халиф был осторожен и не позволил ему геройствовать. Когда план ‘Амра был, наконец, частично одобрен, он выступил всего с четырьмя тысячами человек, что было довольно мало для такого предприятия. Однако египетские копты, как и сирийские якобиты, также были монофизитами и ненавидели Кира⁷⁷, патриарха Александрийского, который был их фактическим правителем. Сыну аль-‘Аса сопутствовал блестящий успех с самого начала его египетской кампании, и халиф послал ему подкрепления под командованием аз-Зубайра, сына аль-‘Аувāма. Город Александрия был лакомым кусочком. ‘Амр осадил его с двадцатью тысячами воинов. За его могучими стенами и внутри его бастионов находилось вдвое больше византийских солдат. Кроме того, Александрия была мощной базой флота, тогда как у мусульман вообще не было кораблей. Среди величественных и пышных зданий, на которые с изумлением взирали ‘Амр и его воины, стояли две гранитные иглы XV века до Р. Х. (ложно приписанные недавно Клеопатре). Одна из них высится сегодня в сердце Лондона, на берегу Темзы, а другая — в Центральном парке в Нью-Йорке.

Ненавидимый народу патриарх начал переговоры с мусульманами, и Гераклий, с ужасом узнавший об этом, сместил его. Однако Гераклий умер в феврале 641 г., а его внук, Константин II, послал Кира назад в Египет, после чего патриарх заключил такой договор с сыном аль-‘Аса. Александрия, таким образом, перешла в руки мусульман без битвы. ‘Амр был вне себя от радости. «Я захватил город,— написал он ‘Умару,— от описания которого я воздержусь. Довольно будет сказать, что там я захватил 4000 вилл с 4000 бань, 40 000 евреев, которые будут платить подушный налог, и четыреста мест увеселения для царственных особ».⁷⁸ ‘Умар велел принести фиников и хлеба и отпраздновал это событие с гонцом, принёсшим письмо ‘Амра.

Четыре года спустя Константин попытался вернуть Александрию. Армянский генерал по имени Мануэль отплыл туда с большим флотом; он одержал верх над небольшим мусульманским гарнизоном, оставленным в городе, и полностью его истребил. ‘Амр, которого тем временем отозвали из Египта, был послан назад с большим отрядом. Армянин Мануэль, обнаружив, что копты апатичны и не желают сотрудничать, посчитал, что биться с арабами не стоит, и отплыл назад в Константинополь.

Во тьме веков родилась легенда о том, что ‘Амр, повинувшись указу халифа, предал огню знаменитую Александрийскую библиотеку. Это всего лишь легенда. Император Феодосий Великий уничтожил эту библиотеку задолго до этого в своей пламенной борьбе против языческой мысли.

⁷⁷ Арабы звали его Мақаукис.

⁷⁸ Там же, стр. 164-165.

Усмāн ибн ‘Аффāн (644-656 гг. от Р.Х.)

‘Умар погиб в ноябре 644 года, заколотый рабом, имя которого дошло до нас как Абӯ-Лу’лу’; он также известен как Фйрӯз Дайламский. Кем был этот убийца на самом деле — персом или эфиопом, мусульманином, христианином или маздеанцем — мы можем только предполагать. Даже его участь нам неизвестна. Совершил ли он самоубийство, когда понял, что не сможет бежать? Мы не знаем. Некоторые шиитские апологеты настаивают, что он был шиитом, преданным делу ‘Али,— по той лишь причине, что только приверженец ‘Али мог желать смерти ‘Умара. Они утверждают, что убийца добрался до Ирана и жил там до конца своих дней среди людей схожих убеждений. В Кашане даже есть могила, где он якобы похоронен, и она почитается как святое место.

‘Умар предусмотрел механизм передачи власти, который ещё дальше уводил от той процедуры, что привела Абӯ-Бакра к главенству над Исламом. Он предписал, чтобы кандидатами на пост халифа стали шесть человек, и эти шестеро сами выбрали одного из своей среды. Этими кандидатами стали: ‘Али, ‘Усмāн, ‘Абд ар-Рахмāн ибн ‘Ауф, Са‘д, завоеватель Ктесифона, Талха ибн ‘Убайдаллах и аз-Зубайр, сын аль-‘Аувāма.

Все они были курайшитами. Но ‘Умар велел, чтобы Абӯ-Талха, один из ансаритов, следил за их обсуждениями. Его сын ‘Абдаллах должен был присутствовать на встрече шестёрки, но при этом не имел права голоса. Они должны были завершить свою работу в течение трёх дней, а если бы они разделились поровну, то приоритет отдавался той тройке, куда входил ‘Абд ар-Рахмāн.

Дискуссии шестёрки следовали прихотливым курсом, и в итоге был избран ‘Усмāн ибн ‘Аффāн.⁷⁹

‘Усмāн был умаййадом, и, по словам Сейида Амира Али: «Его выборы оказались, в конечном итоге, смертельным ударом для Ислама».⁸⁰ ‘Умар был справедливым и беспристрастным,— так, он не пожалел собственного сына, когда закон требовал наказать его. ‘Усмāн же был склонен к фаворитизму. Кумовство стало самой яркой чертой его шаткой администрации. Ему было более 70 лет, когда он занял высший пост в государстве, и он был слаб и впечатлителен. Умаййады и их прихлебатели роились вокруг него непрерывно, получая не только гражданские и военные посты, но также деньги и сокровища из казны. Самым хитрым из них был Марвāн ибн Аль-Хакам, двоюродный брат халифа. ‘Аффāн, отец ‘Усмāна, приходился Аль-Хакаму братом. Мухаммад изгнал Марвāна и его отца из Медины, и ни Абӯ-Бакр, ни ‘Умар не позволили им вернуться. Сейчас же, в правление ‘Усмāна, Марвāн обрёл великое могущество. Он стал главным писцом и советником халифа, и ‘Усмāн осыпал его деньгами.

В течение халифата ‘Усмāна, длившегося до 656 года, мусульмане достигли границ Кавказа, подошли к рубежам Индии, пересекли Оксус и вышли на раскинувшиеся за ним равнины, завоевав всё северное побережье Персидского залива и море ‘Уммāна (Омана). В Средиземноморье они заняли Кипр; в Северной Африке — Триполитанию. Нетвёрдые руки ‘Усмāна управляли огромным царством, которое представляло собой эклектичный сплав восточных регионов Византии (за исключением Анатолии) и земель иранских Сāsанидов. Когда иго его губернаторов в этих странах стало невыносимым, жаловаться начали, в первую очередь, не коренные жители этих стран, а те арабы, которые, на волне завоеваний, основали там новые города: Фустāt в Египте, Басра и Кӯфа в Ираке. Их горькие жалобы остались без ответа. Всем заправлял Марвāн. Наконец, они уже не могли терпеть свою горькую долю и послали делегации из Ирака и Египта в Медину, к халифу. В действительности, однако, эти люди были бунтарями. Му‘āвийа железной рукой, а также тактом и дипломатией удержал Дамаск в узде, тогда как депутация из Египта начала громогласно выступать против своего правителя ‘Абдаллаха ибн Са‘да,⁸¹ потому что

⁷⁹ Некоторые западные писатели в последние годы стали ставить под сомнение традиционный рассказ о выборах ‘Усмāна на пост халифа, но никакой достоверной альтернативы предложено не было.

⁸⁰ «Краткая история сарацинов», стр. 46.

⁸¹ Он был молочным братом ‘Усмāна и заслужил суровое осуждение со стороны Пророка.

он был не только тираном, но и сумасбродом. ‘Усмāн, осаждённый в своём доме, уступил. Он назначил Муḥаммада, сына Абū-Бакра, правителем Египта, и возвестил об этом посланцам. Исполненные радости, те, вместе со своим новым правителем, отправились в Египет. Однако не успели они отойти от города, как увидели человека верхом на верблюде, спешившего в том же направлении. Оказалось, что это слуга халифа, и при нём нашли письмо, несущее печать халифа и адресованное смещённому правителю Египта, ‘Абдаллāху ибн Са‘ду. Это было повеление не обращать внимания на указ, который передаст депутация, и обезглавить только что назначенного правителя вместе с зачинщиками бунта. Вне себя от гнева, депутация бросилась назад в Медину, где предъявила ‘Усмāну доказательства его вероломства; он заявил на это, что ничего не знает. Его словам можно поверить, потому что печать халифа находилась у Марвāна, который и писал все письма от его имени.

Ситуация сложилась исключительно напряжённая и весьма опасная. Жители Баṣры, Кūфы и Фустāта обратились к ‘Али за помощью и советом. ‘Али был весьма обеспокоен и отправился к ‘Усмāну. Слова, с которыми он обратился к ‘Усмāну в этот грозный час, дошли до нас:

Люди, стоящие за мной, выбрали меня своим посланником и посредником между тобой и ими. Клянусь Богом, я не знаю, что сказать тебе. Всё, что ведомо мне, ведомо и тебе. Не могу я и направить тебя к чему-то, что не было бы известно тебе. Воистину, знаешь ты всё то, что знаем мы. Не было такой вещи, о коей мы узнали бы раньше тебя, чтобы придти и рассказать тебе о ней, и не было ничего тайного, что открылось бы нам и о чём мы могли поведать тебе. Ты видел всё то, что видели мы, и слышал то, что мы слышали. Ты ходил вместе с Посланником Божиим, как и мы ходили с ним.

Ни сын Абū-Қуḥāфы⁸², ни сын аль-Ḥаттāба⁸³ не были в лучших условиях, чтобы действовать праведно, ибо ты ближе по крови Посланнику Божиему. Тебе отдал Он Свою дочь в жёны, им же не было оказано такого благоволения. Посему остерегайся утратить своё положение и будь бдителен. Богом клянусь, слепой не различит окружающего, а знание не исходит из невежества. Путь очевиден и правила веры установлены нерушимо. Посему знай, что лучший из слуг Бога в глазах Его — это справедливый предводитель, ведомый в истине и ведущий по истинному пути, тот, кто утверждает ясную заповедь и уничтожает смутные нововведения. Воистину, верные традиции и предписания очевидны и несут на себе знаки, по коим можно узнать их. И нововведения зримы и несут свои знаки. И худший из людей пред очами Божиими есть предводитель тиранический и заблудший, вводящий в заблуждение людей, стирающий установленные заповеди и оживляющий отброшенные нововведения. Ибо слышал я, что Посланник Божий,— на Нём и Доме Его да пребудет мир,— говорил: «В День Воскресения они приведут правителя-тирана, лишённого помощника и заступника, и бросят его в огонь адский, где будет он блуждать, как блуждает жёрнов, а затем будет он заключён в его глубинах». Я заклинаю тебя Богом — не будь таким предводителем, коему должно быть убитым среди сего народа, ибо сказано [Пророком], что предводитель будет убит среди сего народа, из-за чего откроются для сих людей врата ненависти и раздоров, кои пребудут до Дня Воскресения, и то, что относится к ним, будет сокрыто от сего народа, и не утихнет среди них смута; ложь не отличат они от правды, и бури будут сотрясать их. Остерегись, чтобы не стать тебе рабом Марвāна, сына аль-Ḥакама, дабы не обманул он тебя, увенчанного годами и преклонным возрастом, и не стал распоряжаться тобой, как угодно ему.

Эти слова увещевания можно найти в знаменитой истории ибн аль-Асйра,⁸⁴ получившей название Кāмиль⁸⁵ («Совершенная»), и, что ещё важнее, в сборнике речей и писем ‘Али, озаглавленном *Нахдж аль-Балаға* («Ясный Путь»). Эти слова демонстрируют нам, какие отноше-

⁸² Абū-Бакр.

⁸³ ‘Умар.

⁸⁴ ‘Иззи-д-Дйн ибн аль-Асйр. (ум. 1234 от Р.Х.)

⁸⁵ Полное название этой великой работы: *Китаб аль-Кāмиль фи-т-Тārйḫ* («Совершенная Книга Летописей»).

ния существовали между ‘Али и первыми тремя преемниками Пророка, и они совершенно не соответствуют утверждениям некоторых шиитских апологетов, рисующих картину постоянной, непримиримой ненависти.

Однако ‘Усмāн был стар и слаб, и Марвāн имел над ним неограниченную власть. ‘Али вновь и вновь пытался сгладить трения. Его сын, Хасан, часто находился рядом с ‘Усмāном, предлагая оказать ему любую возможную помощь. Другие аристократы Медины предоставили халифа его участи, и ‘Али не мог остановить направленную против него волну враждебности. ‘А’иша, дочь Абū-Бакра и вдова Пророка, отправилась в Мекку для участия в обрядах паломничества, не скрывая своего осуждения халифа. Бунтари предложили ‘Усмāну отречься от престола, но он мужественно отверг этот вариант. В конечном итоге осаждающие, в первых рядах которых выступали египтяне, ворвались в дом халифа. Хотя его свита и пыталась оказать сопротивление, долго простоять она не смогла, потому что никаких значительных сил в резерве у них не было. ‘Усмāн действительно оказался всеми покинут. Он спокойно сидел, читая Кур’ан, когда был заколот насмерть, и его кровь обагрила страницы Святой Книги. Его жена Нā’иля,⁸⁶ пытавшаяся заслонить своего мужа, лишилась пальцев. Это случилось 17 июня 656 г., ‘Усмāну было 82 года. Марвāн, хотя и был ранен, смог скрыться. Наступила полная неразбериха. Бунтари, поддержанные некоторыми мединцами, не позволяли даже достойно похоронить убитого халифа, и его тело лежало неприбранным, оскверняемое всеми, кому случалось проходить мимо.

Убийство ‘Усмāна стало жестоким ударом, от которого Ислām так никогда и не оправился. Теперь раскол был неизбежен. По сравнению с тем, что должно было последовать, опасность, которую тремя десятилетиями раньше представляли самозванцы и не желавшие сдаваться арабийские идолопоклонники, уже казалась мелкой и незначительной.

‘Али ибн Абй-Тāлиб (656-661 от Р.Х.)

Итак, мусульмане остались без правителя, и не было никакой общепринятой процедуры, чтобы возвести кого-нибудь на престол. ‘Али, потерпевший неудачу в своих попытках заставить ‘Усмāна одуматься и не сумевший защитить его от гнева его врагов, уединился у себя дома, не желая наблюдать творящиеся бесчинства. Перед лицом полного распада власти некоторые вспомнили, что Абū-Бакр унаследовал Пророку в результате публичного признания. Но к кому из оставшихся они могли обратиться? Из шестёрки, избранной ‘Умаром, в живых оставались ‘Али, аз-Зубайр, Талха и Са’д, и ‘Али явно превосходил остальных трёх. ‘Аммār, сын Йāсира, верный сторонник ‘Али, настойчиво заявлял о его правах, выступая в мечети Пророка. ‘Аммār был правителем Кūфы во дни ‘Умара, но пострадал при ‘Усмāне. В течении пяти дней, пока пёстрая компания вела свои бесконечные разговоры, ‘Али полностью самоустранился от происходящего. Наконец, согласившись, что только ‘Али может быть их правителем, они поспешили к нему домой и просили его протянуть им руки, чтобы они могли поклясться ему в верности. Но ‘Али ответил им так:

О люди! Оставьте меня и выберите кого-нибудь другого. Предстоящее мне чревато многими бедами: сердца поколеблются, умы придут в смятение, небосклоны затмятся и верный путь скроется во мраке. И знайте, что если я отвечу на вашу просьбу, я буду повелевать вами в согласии с собственными светочами, не преклоню ухо к тому, что может быть сказано, и не послушаю никаких упрёков. Если вы обойдёте меня и выберите себе другого повелителя, то я буду как один из вас, и, может статься, стану слушаться его больше, нежели вы сами. Лучше для вас, чтобы я был вашим советчиком, а не правителем.

Но собранию не нужен был никто другой, кроме него. Поэтому ‘Али пришлось принять их предложение, но клятву верности ему должны были приносить в мечети Пророка, чтобы все могли видеть происходящее и также засвидетельствовать свою верность.

⁸⁶ Она была христианкой-якобиткой из племени Банū-Кальб.

В мечети Пророка множество людей приветствовало его, и все, за исключением лишь небольшой горстки, коснулись его руки. Среди несогласных были: Са‘д, сын Абū-Ваққаса; ‘Абдаллāх, сын ‘Умара; Усāма, сын Зайда; и Хассāн, сын Сāбита, который служил у Пророка поэтом. ‘Али не стал принуждать их идти против своей совести. На следующий день он взошёл на кафедру Пророка и обратился к собранию с такими словами:

Когда Посланник Божий умер, народ решил, что их халифом будет Абū-Бакр, а Абū-Бакр отдал халифат ‘Умару, который последовал по его стопам, а когда настало его собственное время, ‘Умар выбрал шестерых, чтобы они совещались меж собой. Они даровали халифат ‘Усмāну, но тот действовал так, что вы отвергли его, и он был осаждён и убит. Тогда вы пришли ко мне и призвали меня. Воистину, я — один из вас. Что полезно мне, то полезно и вам, и что обременяет вас, обременяет и меня. Бог, подлинно, предписал вам праведность, но смута надвинулась, словно тёмная ночь. Никто не выстоит в бедствии сём, кроме тех, кому сопутствует удача и кто знает её истинную суть. Воистину, я веду вас по стезе вашего Пророка. Если вы будете, не колеблясь, стоять за меня, я сохраню среди вас обычаи, указанные Им. И Бог — лучший из помощников. Моё достоинство в глазах Посланника Божиего после Его смерти такое же, каким было при Его жизни. Посему действуйте так, как вам повелено, и воздерживайтесь от того, что вам запрещёно. Не будьте опрометчивы и ждите, пока я не разъясню вам происходящее. У нас есть причины ненавидеть всё, что ненавистно нам. И Бог, сущий над нами в Небесах Своих, ведает обо всём. Воистину, не желал я править народом Муḥаммада до тех пор, пока вы все не согласитесь на это, ибо слышал я, как Посланник Божий говорил: "Всякий принимающий бразды правления над сим народом после Меня [да знает]: Я стою на судном месте, и ангелы откроют книгу, где записаны его поступки; если выяснится, что был он справедлив, Бог дарует ему спасение, но если окажется он тираном, будет выброшен он прочь".

Над этими словами ‘Али стоит задуматься.

Автор «Краткой истории сарацинов» пишет:

«Муж Фатимы [Фāтимы] занимал своё место как по праву кровного родства, так и по праву выборности. "Кто-то мог бы ожидать,— пишет один французский историк,⁸⁷ — что все должны были склониться перед столь чистой и несомненной славой; однако судьба судила иначе". С самого начала он столкнулся с враждебностью Омейядов [Умаййадов]. С прямою, всегда отличавшей его, и презрев все советы насчёт компромиссных сделок, немедленно после своего восшествия на престол он приказал сместить коррумпированных правителей, назначенных Османом [‘Усмāном], отобрать поместья и имения, пожалованные, с ущербом для государства, престарелым халифом своим любимцам, и распределять доходы в согласии с правилами, установленными Омаром [‘Умаром].»⁸⁸

Но первым врагом, с которым пришлось столкнуться ‘Али, стал не правитель Сирии, отказавшийся принять свою отставку и объявивший о независимости своей провинции от Медины. Му‘авийа, коварство которого не шло на убыль, пытался посеять семена раздора в самом сердце Ислама, в городах, бывших свидетелями трудов и побед Пророка. Вскоре кое-кто стал кричать, что за ‘Усмāна надо отомстить. И, как это ни странно, некоторые из тех, кто сейчас громко требовал примерно наказать убийц халифа, в своё время либо призывали к этому столь трагически закончившемуся мятежу и выступали его зачинщиками, либо пальцем о палец не ударили, чтобы предотвратить его. Среди них были Талḫа и аз-Зубайр, чья враждебность к ‘Усмāну была хорошо известна. Оба они были людьми влиятельными и богатыми, и оба были уже в преклонных летах. Они притязали на губернаторство в Басре и Кūфе, но ‘Али отказался удовлетворить их желания. Разочарованные, они отреклись от своей клятвы верности и, под благовидным предлогом покинув Медину, отправились в Мекку. Там они объединились с ‘А’ишей, которая громко оплакивала смерть ‘Усмāна и обвиняла ‘Али в том, что именно он ви-

⁸⁷ Emmanuel Sedillot, 1777-1832 — прим. Хасана Бальюзи).

⁸⁸ Стр. 49.

новат в убийстве своего предшественника. Но атмосфера Мекки не слишком благоприятствовала мятежу, и поэтому, собрав всех, кто был готов пойти за ними, смутьяны отправились в Басру. Правитель, назначенный ‘Али, потерпел поражение, и победители уничтожили множество жителей города, заклеив их как убийц ‘Усмāна. Действительно, Басра посылала делегацию в Медину, чтобы потребовать у престарелого халифа сатисфакции, однако точно так же поступили и жители Кўфы и Фустāта. Восстание, приведшее к смерти ‘Усмāна, было поддержано многими.

Му‘āвийя, обосновавшийся в Дамаске, выставил в мечети окровавленную рубашку ‘Усмāна⁸⁹ и отрубленные пальцы Нā‘или и непрестанно разглагольствовал перед народом, требуя наказать тех, кто повинен в смерти третьего халифа.

Правителем Кўфы был Абū-Мўсā’л Аш‘арй (или Абū-Мўсā аль-Аш‘арй — мы ещё услышим о нём на последующих страницах); поначалу он всеми силами пытался уничтожить сторонников ‘Али, но по мере того, как учащались визиты эмиссаров противных сторон, он начал склоняться к нейтралитету, увещевая людей не вступать в междоусобную войну на исламской территории и не проливать кровь своих братьев. Таким образом, пока Талха и аз-Зубайр брали под свой контроль Басру, соседняя Кўфа пребывала в состоянии неуверенности и смуты. Наконец, ‘Али вынужден был послать на усмирение Кўфы своего старшего сына Хасана, и тот выполнил эту миссию, не обнажив оружия. Абū-Мўсā покинул город и сделался затворником, хотя, как мы позже увидим, его впоследствии уговорили вернуться, и это имело весьма неприятные последствия. ‘Али не желал разбираться с бунтовщиками на поле брани. Вместо этого он слал им письма, послания, гонцов и посредников, но они не желали успокаиваться и были настроены драться. Даже когда противоборствующие стороны уже сошлись на поле битвы и вражеские лучники осыпали его людей стрелами, ‘Али не отдавал приказа об атаке. В последнюю минуту аз-Зубайр повернул прочь, но битва уже началась. Аз-Зубайр был убит человеком, которому он доверял. Когда убийца принёс ‘Али его отрубленную голову, надеясь получить за это награду, тот не мог сдержать слёз и прогнал убийцу прочь. Талха тоже встретил свою смерть. Шиитские авторы приписывают его убийство Марвāну, заявляя, что этот умайяд, волею случая оказавшись рядом, нашёл возможность, в суматохе битвы, отомстить за ‘Усмāна. Суннитские апологеты утверждают, что Талха, находясь при смерти, попросил ухаживавшего за ним человека выступить от имени ‘Али и вновь принять от него клятву верности, но шиитские апологеты отвергают эти притязания.

Споры эти дают нам представление о глубине пропасти, со временем разверзшейся между шиитами и суннитами.

Вышеупомянутая битва, произошедшая около Басры в декабре 656 г., известна как Битва Джамāля (Верблюда), потому что на протяжении всей схватки ‘А’иша сидела в паланкине на спине верблюда, расположившись в центре своей армии. Её верблюд стал средоточием для воинов, которые стояли вокруг него, держа его за узду. Когда верблюд был смертельно ранен и упал на землю, битва закончилась. ‘Али оставил ‘А’ишу на попечение её брата Мухаммада, и она была отослана в Медину со свитой и всем возможным уважением.

Была одержана непростая победа. Те, кто предал свои клятвы, потерпели поражение и были либо убиты, либо рассеяны. Но трагедия происходящего была в том, что всего через три десятилетия после смерти Пророка Его последователи — люди, которые знали и любили Его, служили Ему и защищали Его — вступили в битву друг с другом. Меч вновь стал главным арбитром, и мир, который принёс Своему народу Мухаммад, был необратимо нарушен. Христианский мир к тому времени, накануне обращения Рима в Христову Веру, уже потерпел ту же участь, и христиане бились друг с другом уже три века.

Хотя инициаторы «битвы Верблюда» были повинны в предательстве, Му‘āвийя и Его сторонники в Дамаске вообще никогда не клялись в верности ‘Али, и их ряды были открыты

⁸⁹ В персидском языке «Пйрāхан-и ‘Усмāн» — «рубашка ‘Усмāна» — стала нарицательным обозначением благовидного предлога.

для мятежников с самыми разными взглядами. Кроме того, у них была более широкая поддержка и они располагали более богатыми ресурсами. Обстоятельства принуждали ‘Али оставить твердыню Аравийского полуострова, эту колыбель Ислама, и перенести резиденцию своего халифата в другое место. Ему требовалось сопровождать свою армию и находиться как можно ближе к мятежным областям. Поэтому он выбрал своей столицей Куфу.

Помимо нейтрально настроенных людей, наподобие Абӯ-Мусāфи‘, среди мусульман, должно быть, было большое число тех, кого зрелище гражданской войны приводило в ужас, наполняя чувством неправильности происходящего и вселяя сомнения. «Что же такого произошло,— наверняка думали они,— что в течение одного года единство теократии, протянувшейся от Гиндукуша до южных берегов Средиземноморья, оказалось разрушено, причём, по видимому, безо всякой надежды на восстановление?» ‘Али, со своей стороны, старался как можно реже апеллировать к авторитету меча, стремясь помочь своим врагам самим осознать всю вредоносность их восстания. Но он никогда не мирился с преступлениями и не шёл на компромисс с фундаментальными положениями своей веры и практики. Му‘āвийя, с другой стороны, думал только о своём владычестве; интрига, обман и предательство были его излюбленным оружием. ‘Али использовал свои полномочия во имя справедливости; Му‘āвийя использовал свою власть для того, чтобы возвеличить самого себя и обогатить своих сообщников. Как могли примириться эти две силы, столь полярно различные? И всё это время Умаййады громогласно требовали отмщения за кровь ‘Усмāна. Многих, должно быть, ввело в заблуждение столь беспардонное искажение истины, другие же просто изумлялись.

‘Али пытался наладить контакт с Му‘āвийей точно так же, как и в случае с Талха и аз-Зубайром,— посылая письма и посольства. Но Му‘āвийя был непреклонен, и ‘Али вынужден был согласиться, что ещё одна битва неизбежна, ибо его собственная армия теряла терпение. Поскольку Му‘āвийя уже начал продвигаться к Ираку, ‘Али с тяжёлым сердцем перешёл Евфрат. Две армии встретились у Сиффйна в мае 657 г. В рядах верных мусульман, бившихся на стороне ‘Али, стояло множество тех, кто когда-то, много лет назад, стоял на стороне Пророка в битве при Бадре. Двадцать пять этих ветеранов пали у Сиффйна. Хузайма, сын Сāбита,— которого Пророк называл Зу’ш-Шахāдатайн («Равный двум свидетелям»), столь высоко Он ставил честность этого человека,— также сражался под знамёнами ‘Али и погиб при Сиффйне. Другим выдающимся представителем ансāритов, вставшим за дело ‘Али, был Қайс ибн Са’д ибн ‘Убада. Здесь следует напомнить, что именно его отец первым выдвинул свою кандидатуру в качестве наследника Мухаммада. В тот раз и Қайс, и Хузайма защищали право первенства ансāритов. Теперь же ничто не могло поколебать их преданность Дому Пророка. Ещё одним горячим борцом на стороне ‘Али был один из ансāритов, спутник Пророка, Абӯ-Аййуб, который при Сиффйне храбро сражался и пережил резню и ужасные события, случившиеся впоследствии. Во время правления Му‘āвийи он участвовал в осаде Константинополя и был похоронен под его стенами. Только двое ансāритов, пользовавшихся хоть каким-то уважением, переметнулись к Му‘āвийе.

‘Али сделал всё от него зависящее, чтобы предотвратить войну, но Му‘āвийя не желал уступать. Наконец, ‘Али бросил ему вызов. Не пожелает ли он встретиться с ‘Али на поле битвы один на один? Они могли бы померяться силами, решить свой спор в схватке и сберечь тысячи жизней. Ответ Му‘āвийи снова был отрицательным. Историки сильно расходятся в своих оценках людских потерь в этой битве, но, без сомнения, как с той, так и с другой стороны погибли тысячи. Среди них был почтенный ‘Аммār ибн Йāсир, преданный последователь ‘Али — возраст его приближался к девяноста годам. Тем не менее, он пришпорил своего скакуна и ринулся в гущу битвы, и его смерть очень опечалила ‘Али.

26 июля Му‘āвийя потерпел поражение — он понёс тяжёлые потери в ночной схватке и его армия была вымотана. Чтобы спастись, он вновь прибег к обману. Его наставником был ‘Амр ибн аль-‘Ас, покоритель Египта, лишившийся власти над этой областью и сейчас стремившийся вернуть её себе. Было выбрано несколько человек, которые должны были, с воздетыми на копья экземплярами Кур’āна, прошествовать в авангард войска и пригласить сторонников ‘Али при-

нять решение Святой Книги. Значительная часть предводителей армии ‘Али была уничтожена; теперь же двое из наиболее выдающихся заняли диаметрально противоположные позиции. Воин Малик ибн Харис, названный аль-Аштар, из племени Бану-Наха‘, которого умаййады имели особые причины ненавидеть, высказывался в пользу продолжения битвы. Аш‘ас ибн Қайс из племени аль-Кинда, чья карьера была весьма неровной, твёрдо стоял за её окончание. Его поддерживала значительная часть «Набожных» — людей, чьи лбы покрывали шрамы, свидетельствовавшие о многочасовых молитвенных бдениях, во время которых они простирались ниц на камнях и бились лбом о землю в молитве. Эти «Набожные», или «Декламаторы Кур’ана», требовали от ‘Али, чтобы он поддался на уловку Умаййадов, в противном случае угрожая даже убить его. ‘Али предупреждал их: «Я — живой Кур’ан среди вас; эти люди, сейчас пришедшие к вам с экземплярами Святой Книги, воздетыми на копья, были посланы заговорщиками; им безразлична истина, и нет у них уважения к заповедям Кур’ана; их единственная цель — выиграть время для своих гнусных замыслов. Пусть не обманут они вас». Но чем дольше ‘Али увещевал «Декламаторов Кур’ана», тем больше возрастало их упрямство. Когда ‘Али вынужден был в этот день отдать Малику приказ прекратить преследование сирийцев, Ислам получил ещё один тяжкий удар.

Но чем же всё кончилось? Было заключено шаткое перемирие, однако решения так и не было найдено. Аш‘ас просил у ‘Али разрешения встретиться с Му‘авийей и выяснить, чего хотят сирийцы. ‘Али согласился. Он вернулся с вестью, что Му‘авийа предложил назначить двух человек, по одному с каждой стороны, и наделить их всеми необходимыми полномочиями для вынесения решения. Он заверил ‘Али, что именно этого все они жаждут. Но ‘Али сразу увидел здесь новый коварный замысел. Идея суда подразумевала бы, что существуют веские и разумные сомнения касательно законности его положения. Однако, даже если оставить в стороне его права на главенство, его выборы в качестве халифа были не менее правомочными, чем выборы Абū-Бакра, и Му‘авийа не имел никаких причин сомневаться в этом. Убийство ‘Усмāна значительно осложнило ситуацию; сомнения в правомочности выборов халифа ещё больше дестабилизировали бы государство. Но снова ‘Али обнаружил, что большое число его людей настаивает на принятии условий Му‘авийи. Представлять умаййадов Му‘авийа выбрал ‘Амра, сына аль-‘Аса, «серого кардинала» этой партии. ‘Али выбрал своего двоюродного брата ‘Абдаллаха ибн ‘Аббāса, человека, прославившегося своими знаниями и проницательностью. Аш‘ас вмешался третий раз, настаивая, чтобы этим представителем стал Абū-Мусā аль-Аш‘арй. Только порочность могла продиктовать столь странный выбор, потому что Абū-Мусā в своё время пытался, со всем отпущенным ему красноречием, отвратить жителей Кūфы от поддержки ‘Али. Потерпев неудачу, он скрылся на территории Сирии, в области, находившейся под властью Умаййадов. Его даже не было при Сиффйне, и он никогда особенно не блистал интеллектом. ‘Али заявил воюющей толпе, что Абū-Мусā не пользуется его доверием, и что он и рядом не стоял с ‘Амром, который значительно превосходит его умом. Но Аш‘ас, будучи химйаритом, хотел, чтобы с его стороны выступал тоже химйарит, каковым и был Абū-Мусā. ‘Абдаллах ибн ‘Аббāс, с другой стороны, был мударитом, как и ‘Амр.

Соперничеству между мударитами и химйаритами суждено было терзать Ислам на протяжении множества поколений. Она глубоко ранила такие удалённые земли, как Бактрию (Афганистан), Сицилию и Испанию, до тех пор, пока прошедшие века не сделали это различие бессмысленным. Считается, что мудариты являются потомками Измаила. Химйариты притязают на то, что происходят от Қахтана, чей сын Йа‘риб якобы дал своё имя всему Аравийскому полуострову. Каждая из этих двух великих ветвей содержит множество подгрупп, кланов и племён. Мекканские қурайшиты — из числа мударитов.

Таким образом, Аш‘ас и его сторонники добились своего, и Абū-Мусā быть назначен. На целый год, пока судьи совещались в Думат аль-Джандаль, неподалёку от Медины, воцарился мир. ‘Али вернулся в Кūфу, а Му‘авийа вернулся в Дамаск. И вдруг те же самые люди, «Набожные», «Декламаторы Кур’ана», которые принудили ‘Али согласиться на суд, хотя он знал, что он будет неправильным и несправедливым, вновь подняли крик: «Судить может только

Бог — но не ты, ‘Али’. И они требовали, чтобы ‘Али признал свою ошибку в том, что согласился на суд, публично покаяться, разорвал перемирие и немедленно возобновил битву!

Тем временем ‘Амр усердно потчевал Абū-Мусу лестью и похвалами, добиваясь его благорасположения. Наконец, он выложил свою козырную карту. Он спросил: «Разве не был ‘Усмāн убит несправедливо?» Абū-Мусā согласился. Не будет ли, следовательно, лучше для мусульман, если как ‘Али, так и Му‘āвийя, вокруг которых уже нагромождены целые горы разногласий, уйдут в отставку, чтобы народ мог беспрепятственно сделать собственный выбор? Абū-Мусā радостно одобрил это предложение, и соглашение было достигнуто. Когда настало время объявить решение, ‘Амр ещё раз сыграл на тщеславии Абū-Мусы. «Вы,— сказал он ему,— должны говорить первым; этого требует Ваше положение; я должен идти на втором месте, после Вас». Надувшись от гордости, Абū-Мусā встал и приготовился объявить свой гибельный вердикт — что он и его коллега решили низложить как ‘Али, так и Му‘āвийю. Чтобы усилить драматический эффект, он стянул со своего пальца кольцо и объявил: «Так же, как я снимаю это кольцо, я свергаю ‘Али». ‘Амр встал следом, подтвердил решение его коллеги, а затем, к изумлению жалкого Абū-Мусы, провозгласил: «Сейчас, как я надеваю это кольцо назад себе на палец, я восстанавливаю на троне Му‘āвийю. Он ваш халиф». Разразился подлинный бедлам.

«Набожные», «Декламаторы Кур’āна», вновь подняли гвалт и непрерывно выкрикивали: «Власть принадлежит Богу, а не тебе, ‘Али.⁹⁰ Зачем ты прибег к суду; почему, ‘Али, ты назначил Абū-Мусу нашим представителем?» Беспредельное непостоянство и фанатизм этих людей сделали ситуацию крайне напряжённой.

Аш‘ас был парализован страхом. Мāлик погиб от яда. В Египте ставленники Му‘āвийи одержали верх над Муḥаммадом ибн Абū-Бакром, который храбро стоял за ‘Али до последней минуты, и жестоко расправились с ним. ‘Амр ибн аль-‘Ас, мастер вероломства, получил свою награду: Му‘āвийя отдал ему Египет. Буср ибн Уртāt, ещё один талантливый, но жестокий сторонник Му‘āвийи, повёл отряд налётчиков на Аравию, подчинил себе два святых города — главные центры Ислама — и дошёл до самого Йемена, везде сея ужас. Не стоило также недооценивать и угрозу со стороны «Декламаторов Кур’āна», потому что к этому моменту они решились на убийство. В их искалеченных умах все другие мусульмане, особенно ‘Али и его сторонники, представляли неверными, заслуживающими смерти. Двенадцать тысяч этих сектантов, собравшиеся при Нахравāне, неподалёку от Персидского плоскогорья, готовились неожиданно атаковать. ‘Али, по окончании годового перемирия, готовился вновь выступить на Сирию, но вынужден был сначала что-то сделать с этими исступлёнными фанатиками. Следуя своему обычаю, он сначала посылал им письма и посольства, объясняя чудовищность их ошибок, и просил их не кидаться, очертя голову, навстречу беде. Но их ответ был неизменен: «Власть принадлежит Богу, а не тебе, ‘Али». Тем не менее, ошутимое их количество покинуло поле боя, прежде чем остальные стали сражаться и были уничтожены. Они известны под именем «Ḥауāридж»: «Посторонние» или «Отколовшиеся». Ḥауāридж (на Западе их называют Ḥāриджиты) не исчезли после своего полного разгрома при Нахравāне. Ещё долго они оставались занозой в теле исламского общества, особенно в Северной Африке и на побережье Персидского залива. Через некоторое время они разделились на множество сект, признающих и уважающих Абū-Бакра и ‘Умара как законных наследников Пророка, но ненавидящих и проклинаящих всех бывших после них. Одна из их подгрупп, Азāрике, названная по имени основателя, Нафи‘ ибн Азрақа, какое-то время контролировала часть южного Ирана, весьма напоминая по своему уставу схожие группы пиетистов христианского мира: монтанистов и донатистов. По прошествии нескольких столетий пламенный энтузиазм, что бросал их от одного заблуждения к другому и побуждал ко всё новым зверствам, постепенно покрылся пеплом. Сегодня их остатки можно обнаружить среди последователей секты Ибādй в ‘Уммāне (Омане).

⁹⁰ Только эти слова являются точной цитатой.

Затем трое х̄ариджитов вступили в сговор,⁹¹ возможно, в Мекке, и решили одновременно, в одну и ту же ночь, убить ‘Али, Му‘авийю и ‘Амра, соответственно в Кūфе, Дамаске и Фустāте, 19 рамадāна 40 г. хиджры (27 января 661 г.). Этой ночью ‘Амр заболел и послал в мечеть своего заместителя, который должен был вести соборную молитву. Этот заместитель и пал от меча убийцы. Му‘авийа в Дамаске отделался несколькими ранами, от которых скоро оправился. Но действовавший в Кūфе ‘Абд ар-Рахмāн ибн Мулджам сумел, вместе со своими сообщниками, достичь цели. ‘Али был смертельно ранен. Два дня спустя этот двоюродный брат и зять Мухаммада, второй из уверовавших в Него в нежном возрасте тринадцати лет; ‘Али, первый имам шиитов и четвёртый и последний из халифов, известных как «ар-Рāшидйн» (или «ар-Рāшидун» — «Шествующие верным путём»); ‘Али, самый справедливый, самый сострадательный, самый красноречивый из людей, умер. Удар, нанесённый ему этим зимним утром отравленным мечом сына Мулджама, нанёс Исламу ещё одну рану, от которой он так и не оправился, и широко распахнул двери для бесчинств Дома Умаййи.

Жители Кūфы сплотились вокруг Хасана, старшего сына ‘Али, но Кūфа не могла равняться с Мединой, городом Пророка; и народ Кūфы, воздававший почести Хасану, никак нельзя было сравнить с собранием Сподвижников Пророка, что поклялись в верности его отцу в мечети Мухаммада. Кроме того, в обществе Кūфы имелась определённая нестабильность, которая немедленно проявилась, как только Му‘авийа двинулся со своими армиями в Ирак. Хасан находился в Ктесифоне, когда ложные слухи о неудачах погрузили его войска в хаос. Ничего больше сделать было невозможно, воцарилась анархия, и Хасан обнаружил, что ему не остаётся ничего иного, кроме как договариваться с Му‘авийей. Он отрёкся от своих прав. Умайядский самозванец мог занимать престол халифата до самой своей смерти, после чего это право должно было вернуться к Дому ‘Али и перейти к Хусайну, младшему сыну Хасана. Как только договор был подписан, Хасан отправился в Медину, чтобы провести остаток дней поблизости от могилы своего Деда.

Согласно великому историку ат-Табарй,⁹² Му‘авийа написал Хасану, что он осознаёт превосходство его, как потомка Мухаммада, притязаний на халифат, и сам готов был бы поклясться ему в верности, если бы был уверен, что у Хасана есть необходимые для правителя качества. С этим письмом, утверждает Табарй, Му‘авийа послал чистый лист со своей подписью, чтобы Хасан мог написать на нём то, что пожелает.

Слава Кūфы была недолгой. Отныне столицей считался Дамаск. Теократия, возникшая в Медине, вступила в первую стадию своего развития как светской империи, опирающейся на те самые города и земли, что несли бремя иных подобных империй в прошлом.

В тот же самый день, когда Мухаммад покинул этот бренный мир, и даже прежде, чем Его тело было похоронено, ветры разлада уже начали сотрясать здание Его Веры. Невозможно себе представить, чтобы, создав единую нацию из скопления соперничающих и беспокойных племён и основав государство, опирающееся на кодекс законов, Он не предусмотрел, кто будет Ему наследовать. Моисей возложил власть на Иисуса Навина, Христос отдал ключи от Небес и Земли в руки Петра; и тем не менее, никто из Них не успел создать в течение Своей жизни царство, требующее управления. Мухаммад преуспел в этом. Из четырёх Его непосредственных преемников, каждый из которых, как мы видели, достиг этого положения по-своему, только первый, Абū-Бакр, умер естественной смертью. ‘Умар и Али погибли от рук убийц, а ‘Усмāн был растерзан сумасшедшей толпой. Ужасные обстоятельства, сопровождавшие смерть ‘Усмāна, открыли дорогу самозванцам. Му‘авийа, исключительно способный, но абсолютно беспринципный предводитель Дома Умаййи, бросил вызов ‘Али и, в конце концов, одержал верх. Именно распря между ‘Али и Му‘авийей породила «Набожных» — Хауāридж — и пробудила в общест-

⁹¹ Профессор Филип Хитти высказывает сомнение по поводу этого традиционного повествования, замечая, что «всё это звучит слишком драматически, чтобы быть правдой». («История арабов», стр. 182.)

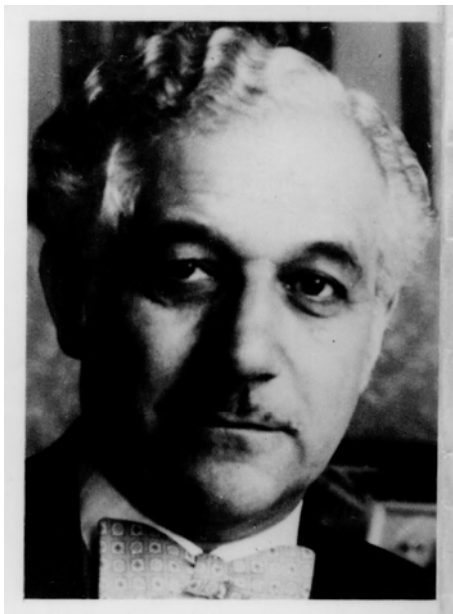
⁹² Абū-Джа‘фар Мухаммад ибн Джарйр ат-Табарй, 839-923 гг., знаменитый автор энциклопедической истории и в равной степени крупномасштабной экзегезы Кур’ана.

ве слепой фанатизм. ‘Али пал от меча одного такого фанатика. Позиция Хауāридж и их регулярные опустошительные выступления на протяжении последующих лет могли привести только к анархии и жёстким попыткам подавления. Сейид Амир Али пишет: «Если бы Али был принят как Глава Ислама, эти гибельные претензии, что привели к таким кровопролитиям в мусульманском мире, можно было бы предотвратить».⁹³

История Христианство показывает нам, в этом отношении, столь же безрадостную картину. Хотя Христос выбрал одного Своего ученика, Симона Бар-Иону, и назвал его «скалой» («Пётр»), на которой он собирался построить Свою церковь, однако не Пётр, но Иаков, брат Иисуса, по-прежнему очень привязанный к Иудаизму, стал признанным главой христианской общины в Иерусалиме. После его мученической смерти в 62 г. ему унаследовал Симеон, сын Марии Клеоповы и двоюродный брат Иисуса; Симеон был распят в правление Траяна. Леденящий ветер противодействия пламенному энтузиазму Саула Тарсянина дул именно из общины Иерусалима, в которой председательствовал Иаков. И когда Пётр достиг Рима (если он на самом деле когда-нибудь добрался до этого города), восходящей звездой общины в это время был Павел. Хотя Пётр восславляется как первый епископ Рима, однако именно Павел направлял тогда развитие Христианства, и именно доктрина Павла в конечном итоге возобладала. Христианский мир тоже породил своих горячих и нерассуждающих пиетистов. Великий Тертуллиан, например, присоединился к современным ему экстремистам и вместе с ними яростно обрушился на Церковь. Донатисты, последние останки той эпохи, продолжали грабить и убивать даже в VII веке, выбирая в первую очередь своими жертвами монахов и священников.

Как в христианском мире, так и в царствах Ислама меч долго оставался финальным арбитром. Но, несмотря на междоусобицы и ожесточённую борьбу правителей, несмотря на резню, устроенную халифами и султанами Ислама и монархами христианских народов, столь могущественной была сила духа, высвобожденного Иисусом из Назарета и арабским Пророком, что Их Веры стали основанием для величественных и блистательных цивилизаций. Мы не можем закрыть глаза на ужасные летописи братоубийственных войн или проигнорировать запятнанные кровью хроники тиранства, жестокости и нетерпимости. Именно такими чернилами написана история. Надо всем этим, однако, сияет преданность бесчисленных миллионов, которые, согласившись на добровольные страдания, вели человечество в его неуклонном шествии к более широкому горизонту.

⁹³ «Краткая история сарацинов», стр. 21.



Хасан М. Бальюзи происходит из персидской семьи, известной своими учёными и администраторами. Его отец, частично получивший образование в Лондоне и встретивший там выдающегося востоковеда Э. Г. Брауна, с которым затем поддерживал тесные дружеские связи и активно переписывался, позже стал губернатором портов и островов Персидского залива (Governor of the Persian Gulf Ports and Islands).

Начальное и среднее образование г-н Бальюзи получал в Пуне и Тегеране, а высшее — в Американском Университете в Бейруте, где ему были присуждены степени бакалавра по химии и магистра по истории. Его исследования в области истории дипломатии, в частности, отношений между европейскими державами и странами Персидского Залива, принесли ему степень магистра экономики от Лондонского Университета. За этим последовало изучение реакции британского общественного мнения на франко-немецкие отношения после Первой мировой войны.

Когда началась Вторая мировая война, г-н Бальюзи присоединился к персидской службе Би-Би-Си, где активно работал до своей отставки в 1958 г. и приобрёл обширный опыт в различных направлениях радиовещания. После этого он посвятил своё время путешествиям, новым историческим исследованиям и писательской работе.

В последние десятилетия на Западе появилось такое количество книг по Исламу, что впору спросить: «Зачем нужна ещё одна?» Хасан Бальюзи считает, что вполне уместно дать ещё одну интерпретацию истории, на этот раз от имени того, кто принимает «богоданный характер миссии Мухаммада» и верит в то, что Его Святая Книга, Кур'ан, «выражает Божий замысел в отношении человечества и руководство для него». Такое прямое утверждение неизбежно привлекает внимание. Оно обещает нам также благосклонное рассмотрение мировой религии, число приверженцев которой сейчас превышает 500 миллионов. Хотя, как и другие мировые религии, Ислам претерпел жестокие расколы, в этой книге они удостоиваются объективного рассмотрения.

«*Мухаммад и развитие Ислама*», кроме того, представляет собой единственную однотомную монографию, включающую полную биографию Пророка и историю Ислама от момента его рождения и до XIX века.

«Я прочёл её,— пишет профессор Зайн Н. Зайн из Американского Университета Бейрута,— с изрядным удовольствием и величайшим восхищением. Написанная с симпатией в сердце, строгой приверженностью научному методу и уверенным пером, эта книга весьма богата по содержанию и легко читается; автор... произвёл на свет монументальный труд по Исламу, который затмит большинство книг, посвящённых этому предмету».

Английское издание: ISBN 0 85398 060 8